ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

В Ы П У С К

21

Москва 2012

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Редакционная коллегия:
Алексей Барабашев, Юрий Батурин, Ольга Волкогонова, Игорь Клямкин, Иван Курилла, Борис Ланин, Андрей Макарычев, Эмиль Паин, Елена Тюрюканова

Редактор: Екатерина Алексеева

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: памятник Осипу Мандельштаму в Москве. Скульпторы Дмитрий Шаховской и Елена Мунц. Фото Павла Королева

Адрес редакции:
119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275; 695-1139; 695-1168

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

© РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2012

Содержание

К читателю 5

Россия в ожидании перемен

Александр Оболонский
Политическое недоверие как позитивный фактор 7

Георгий Сатаров, Дмитрий Орешкин, Андрей Зубов, Михаил Краснов, Игорь Клямкин
Выступления на круглом столе «Современный политический режим в России: отрицание или продолжение режима 90-х» 19

Андрей Макарычев
Россия после выборов: взгляд из Берлина 30

Вызовы культурного разнообразия

Блэр Рубл
Городское разнообразие в эпоху масштабных миграций 36

Владимир Малахов
После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты 45

Владимир Кржевов
Религия и церковь в становлении гражданской нации 56

Двадцать лет без СССР

Юрис Розенвалдс
Балтийский путь к демократии: опыт Латвии 66

Алла Язькова
Республика Молдова: двадцать лет независимости 75

Алексей Малашенко
Пять тезисов об авторитаризме в Центральной Азии 87

Россия и Америка: к пониманию друг друга

Павел Нерлер (Полян)
Мандельштам и Америка 91

Павел Ильин
Три патриотические песни Америки 102

Научная жизнь

Екатерина Алексеева, Эмиль Паин
Трудный путь к нации 115

Календарь событий осени – зимы 2011/2012 года 122

Совет Товарищества выпускников Института Кеннана 125

Книги

Борис Ланин
Полифоническая история русских революций 126

Пулитцеровская премия за биографию Джорджа Кеннана 128

Вышли из печати 129

Памяти Елены Тюрюкановой 131

Summaries 132

Приглашаем авторов к сотрудничеству 136

К читателю

Десять лет назад – в мае 2002 года – вышел первый номер «Вестника». Как нам кажется, за эти годы у него сложился и свой стиль, и своя аудитория. В значительной мере именно «Вестник» стал объединяющим началом Товарищества выпускников Института Кеннана после того, как перестали проводиться его ежегодные конференции, были сокращены многие программы российско-американского научного обмена, да и в целом климат в отношениях России и США заметно ухудшился.

Журнал не просто отражал научную деятельность Института Кеннана в России и Товарищества его выпускников, но и формировал свое собственное интеллектуальное поле. Среди наших авторов – а их уже более 190 (!) – известные ученые и молодые исследователи из 22 российских городов, а также из зарубежных стран – Грузии, Испании, Латвии, Польши, США, Украины, Франции, Чехии, Эстонии. В этом огромная заслуга главных редакторов журнала – Бориса Ананьича и Леокадии Дробижевой. Эти авторитетные ученые задавали высокую планку качества журнала, предлагая, исходя из своего научного опыта и профессиональных интересов, новые темы для обсуждения и приглашая к сотрудничеству достойных авторов.

Накопленный опыт, надеемся, поможет развивать «Вестник» и далее, в условиях неизбежных перемен. Леокадия Дробижева приняла решение оставить пост главного редактора, который она занимала семь лет. В связи с этим руководство Института Кеннана приняло решение изменить организационную структуру журнала. Теперь у него не будет главного редактора, вместо этого существенно расширен состав и полномочия редакционной коллегии. Предполагается, что таким образом можно привлечь больше специалистов в различных областях гуманитарного знания к подготовке журнала, расширить разнообразие его тем, обеспечивая при этом высокий уровень научного отбора статей. Это эксперимент, и мы надеемся, что он будет удачным, тематика «Вестника» станет богаче, более полно отражая и круг тех вопросов, которые сегодня стоят перед Россией и миром, и широкий спектр научных интересов выпускников Института Кеннана.

Настоящий выпуск «Вестника» открывается подборкой статей, вызванной к жизни важными сдвигами в российском обществе, которые произошли после декабрьских 2011 года и мартовских 2012 года выборов. Они отразили ожидания реальных перемен в политической и социальной жизни, проявившиеся у значительной части граждан страны. Над альтернативами сложившемуся порядку вещей размышляют Александр Оболонский, Андрей Макарычев, Георгий Сатаров, Дмитрий Орешкин, Андрей Зубов, Михаил Краснов и Игорь Клямкин.

Дискуссионные вопросы общественной интеграции в условиях возрастающего культурного разнообразия рассматриваются авторами второго блока статей – Блэром Рублом, Владимиром Малаховым и Владимиром Кржевовым. Эти материалы дополняет обзор постоянного научного семинара «Трудный путь к нации», на котором обсуждаются данные проблемы.

Третий номер подряд в фокусе нашего внимания итоги двадцатилетия существования постсоветских государств. В предыдущих выпусках «Вестника» опубликован ряд статьей, в которых анализировались различные аспекты развития Грузии, России, стран Центральной Азии и Украины за последние 20 лет. В ноябре 2011 года этой теме были посвящены VIII Старовойтовские

чтения. Статьи двух участников чтений – Юриса Розенвалдса, рассматривающего опыт независимого развития балтийских стран, и Аллы Языковой, описывающей сложные перипетии политической жизни в Республике Молдова, – основаны на их выступлениях, но дополнены и научно оформлены специально для «Вестника». Кроме того, предлагаем читателю ознакомиться с выступлением Алексея Малашенко, в котором дается емкая характеристика развития авторитарных тенденций в Центральной Азии.

И наконец, в рубрике «Россия и США: к пониманию друг друга» мы обращаемся к теме творчества, взаимного переплетения и обогащения культур. Так, например, из статьи Павла Ильина читатель узнает, что знаменитая «God Bless America» была написана выходцем из Российской империи. А из статьи Павла Нерлера – что Америка стала местом бережного сохранения творческого наследия Осипа Мандельштама, хотя он никогда не бывал в этой стране и, более того, относился к ней с определенной долей иронии.

Очень хочется верить в то, что мечты великого поэта когда-нибудь сбудутся и фундаментальные идеи гуманизма и просвещения восторжествуют и в России, и во всем мире: «Переход на золотую валюту дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

Редколлегия

Политическое недоверие как позитивный фактор

Александр Валентинович Оболонский,
доктор юридических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В политической науке принято считать, что доверие к «властям предержащим» – факт безусловно позитивный. И, соответственно, низкое доверие или вообще недоверие – вещь негативная. Это почти аксиома. Однако реальность далека от подобной одномерной картины. Поэтому цель данного текста – посмотреть на проблему с иного угла зрения, исходя из гипотезы, что при определенных условиях именно НЕдоверие становится движущей силой развития, тогда как доверие, особенно в патерналистской его ипостаси, консервирует неблагополучное положение.

Сегодня, чтобы получить этому подтверждение, достаточно просто «посмотреть за окно». Ведь именно *обоснованное* недоверие к проведенным властями выборам, причем на всех их этапах, от старта до финиша, послужило толчком не только к импульсивным протестным акциям (что само по себе тоже очень важно), но и к формированию на основе чисто добровольной самоорганизации людей таких структур гражданского общества, как «Гражданин наблюдатель» и «Голос», призванных отслеживать фальсификации при голосовании. Это потребовало большой, порой на грани подвижничества, и абсолютно бескорыстной кропотливой подготовительной работы тысяч людей и на протяжении достаточно продолжительного периода перед днем голосования, и непосредственно на избирательных участках, где они выявляли и регистрировали факты многочисленных и многоуровневых фальсификаций, и последующих действий по систематизации и приданию публичности даже не просто фактам, а целой системе преступных на-

рушений избирательных прав граждан и соответствующего законодательства. Именно так, а не по указам «сверху» и возникает гражданское общество, ибо оно, как точно написал в сети известный европеист профессор Юрий Борко, «рождается и набирает силу только в постоянном, изо дня в день, противостоянии с государством»[1].

Естественно, важной частью круга связанных с этим вопросов являются проблемы *коррупции* и *честности властей*.

Итак, стандартная презумпция политологического анализа такова: доверие людей к политическим и управленческим институтам, а также к персонам, ассоциирующимся с ними в общественном сознании, – необходимое условие нормального функционирования современного общества. В общем виде это действительно так. Однако не следует упускать из вида, что само доверие, во всяком случае в обществах современного типа, – переменная не независимая, а зависимая, производная. Более того, идеология конституционализма, разделения властей выросла именно на презумпции недоверия к неограниченной власти и привела в современных обществах к доверию ограниченному, условному, основанному на контроле и информированности. Да, общество доверяет неким лицам осуществление определенных политико-управленческих функций, но не в полной мере, не безусловно, а на определенных *ограничительных* условиях. И одним из таких условий, наряду с компетентностью, ответственностью и т. д., является *честность* этих лиц.

В современной России, как известно, и с доверием, и с честностью тех, кого принято называть «элитой»[2], ситуация весьма далека от благополучной. Поэтому проблема доверия (а вернее сказать, его дефицита или даже отсутствия) приобрела у нас несколько «специфический» характер. Она нуждается в обсуждении как объектов, так и субъектов доверия, что на обыденном языке проявляется в восклицаниях типа: «А кому доверять-то?» или «А судьи кто?»

Но сначала посмотрим, как подходят к связанным с этим вопросам различные научные школы. И тут на первый план в качестве индикатора выходит фактор коррупции. Иначе говоря, *доверие, честность и коррупция* – базовые категории подобного анализа у представителей различных, даже противоположных подходов к данной проблематике.

Обратимся сначала к «теории общественного выбора». В ее рамках коррупция и уровень доверия связаны явной негативной корреляцией: больше коррупции – доверие ниже, меньше коррупции – доверие выше. В более широком плане ее представители отмечают негативное влияние коррупции на все экономическое развитие, рассматривая это в терминах транзакционных издержек, ориентированного на извлечение ренты поведения (rent-seeking behavior) бюрократии, «дилеммы заключенного» (prisoner dilemma) и т. д. Один из эмпирических аргументов в этом контексте состоит в том, что повышение общественного доверия всего лишь на один процент ведет к увеличению ВВП на душу населения на протяжении пяти лет ни много ни мало – на 660 долл. Фрэнсис Фукуяма, анализировавший данную проблематику в сравнительном, кросскультурном аспекте[3], рассматривает преобладание социального недоверия над доверием как дополнительный налог на любую национальную экономику. Правда, он дифференцирует типы доверия по его объектам. Доверие к институтам, к деловым партнерам он трактует как фактор позитивный, в

[1] [http://olga-euro.livejournal.com/65523.html]

[2] Кавычки означают, что у меня «язык не поворачивается» всерьез использовать это, как никак, имеющее некую положительную смысловую нагрузку слово применительно к прослойке людей, ныне монополизировавших у нас политико-управленческую деятельность.

[3] *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

то время как доверие внутриклановое или семейное – как фактор негативный и препятствие для модернизации. Он даже ввел понятие «аморальной семейственности» (immoral familism). В этом отношении он объединяет в один кластер такие столь разные во многих отношениях общества, как южная Италия и Китай, поскольку в обоих из них люди не склонны доверять никому, кроме членов собственной семьи, что, по его мнению, существенно ограничивает потенциал социального капитала, препятствуя тем самым развитию предпринимательских организаций современного типа. Он отмечает отсутствие в этих обществах «промежуточных» добровольных ассоциаций граждан, являющихся каналом взаимодействия между гражданином и государством. В этом смысле Фукуяма, с моей точки зрения, – продолжатель токвиллевской традиции, начало которой положила написанная Алексисом Токвиллем более полутора столетий назад и ставшая классической работа «Демократия в Америке».

Существует и иной, так называемый «ревизионистский» подход к проблеме. Не углубляясь в библиографические детали, обозначим его суть: коррупция рассматривается не как патология, а как норма, якобы присущая обществам в период транзита, как неизбежный и даже отчасти положительный механизм для обществ незавершенной модернизации. В этом контексте введено и понятие так называемой «административной ренты» как якобы приемлемого (а то и полезного) механизма регулирования отношений между государственными институтами и бизнесом и, более того, между государством и обществом. В оборот введен даже термин «денежная смазка»[4], что, впрочем, есть всего лишь перефразирование извечного нашего «не подмажешь – не поедешь».

Однако в данном случае мы имеем дело с явной логической подменой сущего должным. Коррупционные отношения тем самым институционализируются как неизбежная и потому якобы нормальная практика. В сущности, *легитимируется один из самых опасных видов преступности*. Его социальная опасность, помимо экономических потерь, обусловлена еще и тем, что преступления совершаются «под щитом и флагом» государства. В этой связи характерна саморазоблачительная проговорка Путина, который, рассуждая недавно на телеэкране о коррупции, говорил о ней хотя и с легким осуждением, но при этом с эдакой почти отеческой снисходительной теплотой: дескать, нехорошо, конечно, но такая уж у нас, россиян, «ментальность».

Можно легко допустить, что это неотъемлемый атрибут «ментальности» его круга общения, его, как говорят социальные психологи, «эталонной группы», а возможно, и личного опыта. Однако проекция его на национальный характер, с моей точки зрения, – оскорбительная подтасовка. Ведь в переводе на простой язык его слова означают, что казнокрадство, воровство «государевых слуг» и систематическое ограбление ими подвластного населения лежат в природе русского национального характера. А раз так, то и относиться к этому можно «по-доброму», как к хоть и неприятной, но вполне терпимой особенности. А вслед за ним и другие стали упражняться в том же духе. Так, начальник путинского избирательного штаба когда-то неплохой кинорежиссер Говорухин, как бы отталкиваясь от названия своего фильма времен перестройки «Так жить нельзя», заявил, что с коррупцией «жить можно», что она, дескать, «у всех есть». Но ведь в подобной логике затушевываются почти галактические различия в масштабах коррупции – от первых мест, скажем, североевропейских стран в шкале Transparency International до нашего 154-го ранга в их перечне.

[4] Его ввел С. Хантингтон, причем как раз полемизируя, хотя и с оговорками, с предположением, что коррупция на определенных этапах способствует развитию.

Полагаю, что в определенном смысле действия коррупционера по своим негативным последствиям даже хуже действий уличного грабителя или налетчика. Ведь те действуют сами по себе или, максимум, от лица некой банды, преступной группы. *Коррупционер* же так или иначе *использует полномочия, полученные им от государства*, т. е. как бы «прикрывается» государством. Тем самым коррупция есть прямой удар по престижу, авторитету государства, причем в самых разных смыслах и отношениях. А так называемый *«административный рынок» есть не что иное, как торговля ворованным, незаконно присвоенным благодаря служебному положению*.

Отсюда и коррупция – это злоупотребление публичной властью ради частной выгоды, ее получение за чужой, общественный счет. Она – крайне разрушительный для общественной морали вид организованной преступности. А это впрямую связано с центральной в данном случае для нас проблемой политического доверия. Еще Василий Ключевский, рассказывая о созванной Екатериной II в начале ее царствования так называемой «Комиссии Уложения» для выработки нового законодательства, соответствовавшего прогрессивным веяниям века Просвещения, писал, что первым из стоявших на ее пути препятствий было «закоренелое равнодушие и недоверие, с каким население привыкло встречать правительственный призыв к общественному содействию, зная по опыту, что ничего из этого, кроме новых тягостей и бестолковых распоряжений, не выйдет»[5]. Разумеется, коррупция, как и многие другие виды девиантного, преступного поведения, увы, часть нашего мира. Она существовала и продолжает существовать. Однако перескок от объяснения ее причин к любому, пусть даже самому частичному ее оправданию, тем более с позиций якобы «объективной науки», крайне опасен. Ведь в рамках подобной логики недолго и до оправдания любых преступлений, вплоть до массовых преступлений против человечности – геноцида, депортаций, концентрационных лагерей и, как говорится, далее по списку.

Практика тоталитарных и авторитарных государств, когда публичные интересы приносились в жертву групповым или эгоистическим интересам властителей и их групп поддержки, лишила их – и заслуженно – презумпции безусловного доверия к совершаемым от их лица действиям. Произошедшая во второй половине XX века *десакрализация государства представляется одним из важнейших «социальных изобретений» человечества последнего времени*. Государство в духе либеральной традиции стремятся поставить на служебное, подчиненное нуждам конкретных людей место в общей системе социальных отношений. Социально-философский смысл этого процесса – *новая реинкарнация либеральных взглядов на место и роль государства*. Его гегелевская парадигма интеллектуально мертва, хотя это и осознано далеко не всеми и нравится далеко не всем. Постепенно, не без неизбежных издержек и противоречий, формируется новая модель отношений гражданина и государства, госструктур и институтов гражданского общества. Идет поиск под общим лозунгом «Новое государство для нового мира». И в этом контексте проблема доверия – недоверия также является одной из центральных.

Получившая популярность около трех десятилетий назад и во многом, хотя в разной степени, а также не без неизбежных побочных негативных эффектов и даже частичных разочарований, внедренная в практику разных стран идеология «нового государственного управления» (New Public Management) – один из конкретных шагов в этом направлении. В его основе во многом лежит именно определенная степень недоверия к возможностям традиционной бюрократической модели удовлетворительно отвечать на вызовы

[5] *Ключевский В.О.* Курс русской истории в 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 87.

сегодняшнего и тем более завтрашнего дня, соответствовать меняющимся общественным потребностям.

Здесь мы вновь обращаемся к вопросу об объекте доверия «принципала», т. е. общества, к «агенту», т. е. к государству. Иными словами, к вопросу: «Кому доверяем?» Но сам вопрос этот адекватен лишь в рамках современной, «принципало-агентской», а не традиционной «клиентельной» модели, которая получила новую, крайне опасную по своим последствиям реинкарнацию в посткоммунистической Восточной Европе и особенно в России. Этот процесс точно и глубоко, на наш взгляд, проанализировал венгерский ученый Андраш Шайо. Вот как он описывает «клиентельно-коррупционную атмосферу», сложившуюся в Венгрии и России после распада системы господства компартий:

«Для обеих стран было характерно то, что на арене осталась единственная серьезная сила, организующая общество, – могущественное, вездесущее или единосущное государство со своими совершенно некомпетентными и нищенски оплачиваемыми чиновниками, которых революция возвела в ранг должностных лиц. (Во всяком случае, тех из них, кто был неспособен найти себе более доходное занятие, т. е. третьеразрядных чиновников, к которым быстро примкнула первая волна политических протестов.) ... Бюрократия, оказавшаяся в ведении государства и политической власти, была той архимедовой точкой опоры, с которой они смогли перевернуть мир в свою пользу, т. е. вывернуть общественные и частные карманы... Коррупция зачастую служит не повышению доходов или обогащению чиновников и политиков, а выражает стремление оказать таким путем решающее влияние на функционирование политической и экономической системы, причем отнюдь не в духе свободного рынка и конституционной демократии... Испуганно-угодливые еще в 89–90-х годах чиновники сумели удержать свои позиции и, поскольку иного контроля, кроме как со стороны патрона, над ними не было, постепенно обнаглели. Вместе с должностями чиновники сумели сохранить и систему институтов, противостоящую свободной конкуренции и обеспечивающую государственные и частные привилегии и монополию. ... Антикоррупционные меры останутся пропагандистскими трюками грабящих друг друга элит, пока они не перейдут в руки таких общественных сил, которые действительно заинтересованы в гласности действий правительства и разоблачаемой в результате этой гласности непорядочности»[6]. Автор решительно отвергает идею о любой, даже ограниченной полезности коррупции в период транзита, показывая, что кратковременный положительный эффект от перехода собственности в руки «эффективных владельцев» быстро гаснет, а господство новой номенклатуры убивает развитие.

Этот вопрос, к несчастью, весьма актуален для современной российской действительности, причем не только в практическом, но и в научном плане. Дело в том, что некоторые отечественные авторы, очевидно в целях легитимации, апологетики описанной патологической системы, не только широко оперируют термином «ресурсного государства», но и обосновывают его как особую, якобы полезную норму отношений государства и общества. В рамках институциональной экономической теории подобная система описывается как модель «стационарного бандита» (Манкур Олсон) или как «бондинг» (от bond – связь), т. е. формирование некой группы, внутри которой действуют механизмы определенного доверия и взаимозащиты «своих» людей, включая покрытие незаконных и даже преступных действий[7]. Такая группа может быть весьма значительной по числу членов и

[6] *Шайо А.* Система клиентуры и коррупция в посткоммунистическом правовом государстве. Материал был подготовлен для Центра конституционных исследований МОНФ.

[7] Об этом см., напр.: *Аузан А.* Институциональная экономика для чайников. М., 2011. С. 70–71.

охватывать людей из формально разных государственных структур, например избирательных комиссий или полиции и судов. Наиболее яркий и свежий пример – совершение в ходе недавних выборов представителями разных уровней и звеньев власти массовых правонарушений в пользу одной партии и одного кандидата на пост президента страны и отказ формально независимых судебных органов адекватно реагировать на них. С моей точки зрения, этот феномен более чем уместно рассматривать в категориях организованной под флагом государства преступности, мафиозного захвата или даже перерождения государства. А из анализа Шайо вытекает, как представляется, следующий вывод: после краха властной монополии коммунистических структур и в условиях отсутствия укорененного гражданского общества *номенклатура обладателей государственных должностей стала главной реакционной силой, главным препятствием на пути прогресса*. И это имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой дихотомии «доверие – недоверие».

Вообще, традиционная модель доверия к власти подвергается последние десятилетия серьезной ревизии даже в демократических странах. *Произошла десакрализация государства* в общественном сознании там, где она существовала, и растет настороженная неприязнь к нему там, где ее не было. Уроки тоталитаризма даром не прошли. *Престиж государства существенно понизился*. Об этом свидетельствуют эмпирические данные по многим странам. В некоторых отношениях люди просто перестают доверять государству. Прежние, веками апробированные государственные механизмы становятся все менее адекватными. Поэтому происходит отторжение, «делигитимация» существующей системы отношений между государственной бюрократией и гражданским обществом, стремление к пересмотру классического «общественного договора» между ними. Проявления этого – с одной стороны, социальные и, что существенно, интеллектуальные протесты, с другой – происходящие в ответ на них очень серьезные перемены и в устройстве бюрократии, и в ее отношениях с обществом.

Приведем в этой связи некоторые фрагменты из «провокативного доклада», сделанного еще в 2005 году и послужившего основой для дискуссий в международном интеллектуальном сообществе «Демос» во время мероприятия с характерным названием – «Форум о будущем систем правления». «Классовые либо партийные формы аффилиации отмирают, уважение к традиционным формам власти, исходит ли она от парламента или из лаборатории ученого, упало. С 70-х годов многие страны стали свидетелями фундаментальных изменений в масштабах, сфере и формах действий государства. Многие государства отошли от прямого вовлечения в процесс предоставления услуг и переориентировались на посредничество, координацию и регулирование услуг, предоставляемых другими – частным и добровольным секторами... Это – радикальная трасформация роли правительств. ... Каждый день мы читаем о новых скандалах и не вызывающих доверия действиях политиков и чиновников повсюду в мире. “Евробарометр” показывает, что более трех четвертей американцев и европейцев не доверяют политическим партиям. ...люди в обществах постмодерна более критичны и требовательны, а уважение к власти определенно снижается... внеэлитные формы политического участия все более распространяются»[8].

Процессы эти идут в разных странах, в очень разных формах, как «сверху», так и «снизу» – в амплитуде от очень умеренных и неохотных реформ в странах континентальной Европы, через весьма серьезные «антибюрократические» ре-

[8] *Skidmore P., Bound K.* Governance as Jazz: Meeting the Adaptive Challenge. A paper produced in advance of the British Council / Demos Governance Forum to be held in London in March 17–18, 2005.

формы, предпринятые правительствами англосаксонских стран, и вплоть до событий «арабской весны» и акций типа «Захвати Уолл-стрит». Они начались не вчера, а лет 30 назад, потом произошел некоторый спад, а сейчас нарастает новый подъем. На мой взгляд, истинный масштаб и последствия процесса еще в полной мере не осознаны. И это опасно, особенно для России, поскольку и наши государственные институты, и преобладающая часть работающих в них людей явно неспособны к адекватной, т. е. не консервативно охранительной, а позитивной, способствующей развитию, реакции на его проявления.

Сложившееся у нас полицейско-чиновничье государство с квазидемократическим фасадом в его нынешнем виде и формах с очевидностью вошло в полосу кризиса и не в состоянии отвечать на вызовы времени. Думается, все это – следствие как заложенного еще в Конституции 1993 года несовершенства институтов, допускающих возможность властного авторитаризма, так и воплощения этой возможности в реальность, причем в худших формах, руками персон, оказавшихся в 2000-е годы у рычагов власти.

Разумеется, реформа институтов критически важна. Каждый год отсрочки с ее проведением будет порождать все новые отрицательные эффекты. И выход из этого «порочного круга» будет стоить обществу, т. е. всем нам, все дороже и дороже. Да и до критической «красной линии», за которой нас ждут лишь разные катастрофические сценарии, на мой взгляд, не столь уж далеко. Однако это условие необходимое, но недостаточное. Институты решают не все. Они – артефакты. А действуют люди. И даже хорошие институты, оказавшись в распоряжении людей с разложившейся моралью, либо бездействуют, либо действуют избирательно, по «понятиям», обслуживая далекие от общественных нужд групповые и даже личные интересы и тем самым становятся контрпродуктивными. Простейший пример: без корпуса честных судей – совсем не героев, а просто честных перед собой и своей профессией людей – никакая реформа судебной системы не совладает с нашим «шемякиным правосудием». И тут не обойтись без обращения к мотивам, по которым люди совершают те или иные поступки.

Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» писал, что поступками людей управляют три основных мотива: *интересы, привязанности и принципы*. В реальности и тем более в субъективном мире человеческого сознания они чаще всего переплетаются, и в конечном итоге срабатывает некая их комбинация. Однако при этом не существует их жесткой иерархии, как полагают сторонники безусловного господства эгоизма как главного мотиватора. Да, эгоизм – мотив мощный и во многих случаях решающий. Во многих, но далеко не во всех. Порой – и не столь уже редко – он уступает место принципам или, иными словами, *совести* человека. Как пишет один из ведущих современных либеральных аналитиков проблематики «человек – государство» Чандран Кукатас, «при анализе человеческого поведения совесть становится не менее важна, чем личные интересы, и отнюдь не из-за того, что люди всегда подчиняются диктату совести, забывая о личных интересах. Все дело только в том, что *время от времени* (выделено автором. – *А.О.*) совесть оказывается сильнее личных интересов. Юм понимал это, когда отмечал поразительную непримиримость религиозных конфликтов»[9]. А то, что мы исчезающе редко можем наблюдать приоритет принципов над интересами в нашей государственной машине, на мой взгляд, следствие не какой-то якобы неизбывной «порочности» человеческой натуры или «российской ментальности», а целенаправленной негативной селекции людей, туда попадающих, их «понижающего отбора». И тут мы воз-

[9] *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг: теория разнообразия и свободы. М., 2011. С. 94.

вращаемся к главному предмету наших тревог и размышлений – к государственному аппарату и составляющим его людям.

Наблюдающуюся в современном мире различную по формам проявления и интенсивности, но единую по своей базовой сути тенденцию падения престижа государственных институтов и роста недоверия к представляющим их персонам некоторые даже называют «административной», «постбюрократической», «менеджериальной» революцией. На мой взгляд, это риторическое преувеличение. Однако глубину и характер уже произошедших и тем более возможных в недалеком будущем перемен нельзя и недооценивать. Происходит весьма серьезный по масштабам и последствиям сдвиг в самих основах отношений между гражданами и государством. И толчком к нему далеко не в последнюю очередь послужило именно недоверие общества в лице его интеллектуально продвинутых сегментов к власти в ее традиционных формах.

Впрочем, это совсем не новое явление. Вспомним, что американская «Декларация независимости» есть не что иное, как прекрасно сформулированное обоснование права граждан на отказ в доверии «дурно ведущей себя» власти. И эта, как любят говорить в США, «великая американская традиция недоверия к правительству» стала одной из основ реализации «американской мечты» и воспроизводится в цепи поколений. Уже почти в наше время, в 80-е годы XX века, американский философ Эдвард Эбби писал: «Настоящий патриот всегда должен быть готов защитить свою страну от своего правительства». Например, в 1939 году Конгресс США принял до сих пор действующий так называемый Закон Хэтча, запрещающий государственным служащим участвовать в любом качестве в избирательных кампаниях, а также использовать служебное положение для действий в пользу какой-либо политической партии. В основе его лежали антитоталитарные по своей природе опасения, что политически ангажированные чиновники могут использовать свое служебное положение для создания сращенной с государством политической машины, а также стремление запретить использование публичного статуса в частных или групповых политических целях. В сущности, смысл этого закона – прямой запрет на использование почти тотально распространившегося у нас «административного ресурса», что трактуется, таким образом, как прямое преступление. (Кстати говоря, и в российском законодательстве – Уголовном кодексе и Законе о государственной гражданской службе – есть похожие запреты. Но они, как мы все знаем, игнорируются открыто и беззастенчиво.) И не следует думать, что этот подход – атрибут американской «уникальности». Шотландский писатель Норман Дуглас еще в XIX веке писал: «Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом».

Государства, наиболее чувствительные в социально-политическом плане, – прежде всего англосаксонские, но не только они – сделали из этого достаточно серьезные, продиктованные прагматизмом организационные выводы. Многие из связанных с этим механизмов я описал в различных публикациях, в частности в изданной Фондом «Либеральная миссия» книге[10]. В рамках данной статьи я затрагиваю лишь один из них, тот, который непосредственно связан с ее темой и практическими мерами, которые должны стать следствием осознания факта общественного недоверия к носителям власти, прежде всего к корпусу чиновников.

Имеется в виду опыт английской Комиссии по гражданской службе. В настоящее время этот весьма необычный и по принципу формирования, и по функциям, и по форме функционирования орган является, может быть, самым показательным символом кардинальных

[10] *Оболонский А.В.* Кризис бюрократического государства. Международный опыт и российские реалии. М., 2011.

перемен в основах подхода к кадровой политике на гражданской службе в нынешние времена «постбюрократической революции». Это ведомство, недавно отметившее 150-летие своего существования, вплоть до конца 90-х годов было довольно обычным ведомством «по кадрам». Однако теперь ситуация принципиально иная. Комиссия состоит из 11 «комиссионеров», назначаемых на пятилетний срок, на основе частичной занятости (совместительства) и, что представляется кардинально важным, главным образом не из числа государственных служащих, а извне, из числа авторитетных людей, обладающих опытом работы на заметных публичных должностях в общественном и частном секторах. Так, недавно Комиссию возглавляла крупный адвокат, авторитетный член Английского юридического общества, к тому же одновременно бывшая и главным распорядителем по организации Олимпийской лотереи. В состав Комиссии входят люди с опытом работы в различных культурных, коммерческих, медицинских, образовательных организациях – журналист, вице-президент университета, административный директор Британского музея, сотрудники всевозможных консультативных и инспекционных фирм, бывший член совета британской ветви фирмы «Макдональдс» и т. п.

Концепция такого подбора – *передача функции формирования корпуса чиновников под контроль и в руки не профессиональных аппаратчиков, а тех, кто имеет с ними дело с другой стороны – со стороны общества, являясь потребителем предоставляемых ими услуг*. Стоит привести несколько цитат из программного документа Комиссии: «Комиссионеры осуществляют контроль над назначениями на гражданской службе и соблюдением при этом стандартов... Ключевые ценности – честность, порядочность, объективность, беспристрастность и отбор на основе заслуг и достоинств... Мы – рядовые граждане, представители обычного населения. Мы принесли с собой наш различный опыт и интересы, которые мы приобрели, работая в государственном, частном и общественном секторах. Это, по нашему мнению, дает нам понимание того, как гражданская служба может лучше служить народу и заработать его доверие... Наше коллективное знание хорошей практики, существующей за пределами гражданской службы, представляет в этом отношении особую ценность»[11].

Комиссия – независимое агентство, в круг полномочий которого входит: окончательное рассмотрение и утверждение на основе принципов «системы заслуг и достоинств» (merit system) кандидатур примерно на 600 должностей, входящих в перечень старших гражданских служащих (они подразделяются на четыре градации); издание и доведение до общего сведения Кодекса найма служащих, регулирующего соответствующие процедуры на всех уровнях службы; контроль за его соблюдением непосредственными нанимателями; распространение примеров положительной практики найма; рассмотрение, в качестве высшей инстанции, жалоб на нарушение Кодекса. Комиссия имеет относительно небольшой штат сотрудников, действующих при этом весьма эффективно. На заседаниях, где решается вопрос о назначении на должности старших служащих, председательствует один из членов Комиссии; в них также участвуют постоянный секретарь соответствующего министерства (агентства) и сотрудник его кадровой службы. В ходе заседания возможно проведение собеседования с каждым из претендентов. Наймом на все прочие должности, за исключением шестисот высших, занимаются кадровые службы самих учреждений. Но Комиссия осуществляет мониторинг их деятельности по кадровым назначениям. Исключение из открытого конкурса составляют временные назначения на срок до 12 месяцев, а также, в некоторых случаях,

[11] Supporting an Effective and Impartial Civil Service. Civil Service Commissioners Annual Report. 2005–2006. P. 7.

должностные перемещения служащих. Все это достаточно детально прописано в Кодексе найма.

Главный смысл этого опыта – реальное, а в некоторых отношениях и решающее участие представителей гражданского общества в найме чиновников на государственную службу. Еще раз подчеркнем: общество само нанимает чиновников себе на службу. На мой взгляд, это почти беспрецедентный прорыв к модели государства будущего, к «постбюрократическому» обществу.

Описывая этот опыт, говоря о его «прорывном» характере и перспективах его применения в России, порой сталкиваешься со скептицизмом, сводящимся, впрочем, к неверию в возможность набрать в наших условиях персонал для таких комиссий – людей честных, компетентных, с чувством социальной ответственности. Однако я не столь пессимистичен относительно человеческих качеств современных россиян. Более того, полагаю, что именно эта часть зарубежного опыта для нас жизненно важна. Что может быть лучше для столь необходимых и, надеюсь, неизбежно предстоящих в недалеком будущем серьезных кадровых перемен в наших коррумпированных и неэффективных государственных структурах? К тому же есть еще одно дополнительное обстоятельство. *Пожизненная административная карьера не отвечает объективным потребностям мира XXI века.* Персонал на разных этажах управления и власти должен периодически и регулярно обновляться. В эти органы должны приходить люди из других секторов рынка труда, получившие иной опыт. А сейчас кроме этого необходима и достаточно серьезная разовая их очистка, в чем-то даже сродни люстрации. Таким образом, создание у нас чего-то подобного английским комиссиям позволило бы решить две задачи – одноразовую тактическую, т. е. очистить аппарат государства от недостойных людей, и долговременную стратегическую – создать фильтр, препятствующий проникновению туда подобных людей в будущем.

Мы в России столкнулись за последние 20 лет с феноменом обманутого доверия. За этим стоит целый ряд факторов и конкретных обстоятельств. В конце 80-х – начале 90-х годов произошла неизбежная в подобные моменты истории «революция завышенных ожиданий». В общественном сознании едва ли не доминировали представления, что достаточно будет демонтировать обанкротившуюся во всех отношениях – идеологически, экономически и политически – советскую систему и ввести в политику демократические процедуры, и «все будет хорошо». Однако пришедшая на смену достаточно суровая реальность погасила эту эйфорию. Буквально в один момент произошло гигантское имущественное расслоение общества, причем механизм фантастического мгновенного обогащения немногих на фоне падения и без того невысокого жизненного уровня большинства сограждан воспринимался как явно несправедливый (по сути, он таким и был, но сейчас не об этом речь).

Очевидной стала эрозия государственных институтов, особенно их неспособность сколько-нибудь эффективно защищать жизнь и собственность людей. Вместо ожидавшейся демократизации государства произошло резкое падение его эффективности в целом ряде жизненно важных для «простых людей» областей. Героические и в целом успешные усилия правительства Ельцина – Гайдара по спасению страны от экономической и политической катастрофы, позволившие отойти от края вполне реальной пропасти, на таком фоне не были оценены обществом по заслугам. К тому же у рычагов управления постепенно оказывалось все больше людей, мягко выражаясь, сомнительных моральных качеств. В ситуации «клондайка», т. е. беспрецедентного по своим масштабам перераспределения богатств, и при крайне ослабленном правовом регулировании связанных с этим процессов работал упомянутый выше «понижающий отбор», *негативная селекция кадров управленцев.* В 2000-е же годы и

вообще произошло *криминальное перерождение государственных структур*, которое многие не без оснований называют мафизацией государства.

Гигантский рост самых разных и изощренных видов коррупции – лишь один из ее симптомов. Другой, не менее страшный по своим последствиям – разочарование в демократии. Впрочем, перечень как негативных факторов, так и отражающих их симптомов, можно продолжать достаточно долго, по-разному их классифицируя, группируя и ранжируя, по-разному выстраивая и обосновывая причинно-следственные связи между ними. Это отдельная исследовательская и, полагаю, не самая важная в данный момент задача. Для нашего нынешнего сюжета существенен сам факт наступившего социального разочарования и, как следствие, утраты доверия к тому слою и к тем персонажам, что без доли самоиронии и просто здравой самооценки именовали себя властью и даже «элитой». 2000-е годы – это эра восторжествовавшего социального цинизма «верхов» и естественной ответной реакции – политического недоверия к ним «низов». И, возможно, классическая категория «отчуждение» даже не полностью отражает всю глубину произошедшего в эти годы разрыва между людьми и государством.

Однако нет худа без добра. Постепенно стало формироваться то, что Фридрих фон Хайек в своей «Дороге к рабству» назвал «здоровым либеральным презрением к власти». И позитивная роль недоверия к власти не сводится к лишению мандата доверия конкретных ее носителей. Это лишь полдела. Не менее важно, что недоверие имеет тенденцию распространяться и в целом на систему, вознесшую далеко не лучших людей и при том не позволяющую эффективно их контролировать, ограничивать их аппетиты и злоупотребления и смещать их. Не просто лишаются легитимности конкретные персоны, а размывается сам авторитарный синдром, то, что Марк Урнов удачно, на мой взгляд, охарактеризовал как «индивидуалистический патернализм» и «опасные химеры переходных обществ», «сочетание крайних форм индивидуализма с не менее крайними патерналистскими ожиданиями от государства»[12]. Одим из важных интеллектуальных последствий этой делегитимации авторитаризма как вида государственнической идеологии стало осознание опасности, исходящей от самой системы «персоналистской власти» (термин введен Михаилом Красновым), что, в частности, нашло отражение в разработанном группой под его руководством проекте новой Конституции России.

К сожалению, разрушение патерналистских, да и других традиционалистских установок в массовом сознании – процесс не быстрый, идущий неравномерно, с попятными движениями, а также распространяющийся не на всех субъектов патерналистской системы. Так, фигуру Путина – главного ее современного воплощения в России – он пока что лишил доверия в наименьшей степени. И дело даже не только в его добровольных и недобровольных сторонниках, в кавычках и без. Ведь даже многие из тех, кто не приемлет его персону, задают якобы не имеющий на сегодня ответа вопрос: «А кто вместо?» То есть и многие противники Путина мыслят в рамках все тех же патерналистских, подданнических представлений. В этом смысле они, увы, не переросли уровня механика Романа Звягина из рассказа Василия Шукшина, который, слушая, как сын заучивает наизусть знаменитую «Русь-тройку» из гоголевских «Мертвых душ», вдруг задался простым вопросом: «А кого Русь везет? Кто в тройке-то? Чичиков? Мошенник, шулер, прохиндей! И это ему все дорогу уступают?!»[13] Хуже того, к нашему «чичикову» в тройке этот вопрос пока обращен в наименьшей мере. А больше

[12] *Урнов М.* Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 15.

[13] *Шукшин В.* Забуксовал. Рассказы. М., 1985. С. 219–225.

почему-то к его кучеру – «селифанам» из «Единой России».

К счастью, ситуация меняется. Рубеж 2011–2012 годов показал, что общество взрослеет, избавляется от подданническо-патерналистских иллюзий, по крайней мере в своей продвинутой, рефлексирующей части. И пусть пока эти люди пребывают в арифметическом и, следовательно, электоральном меньшинстве. Время работает именно на них, на «белые ленты», а не на их оппонентов, которым, по знаменательной проговорке пропутинских митингов, «есть что терять». Заметим попутно, что эти потери имеют самый различный масштаб и характер – от неправедно нажитых состояний, близости к потокам перетекания бюджетных денег, удобного места в системе коррупционных отношений, небезвыгодных ролей ученых приказчиков, придворных псалмопевцев и проплачиваемых профессиональных обличителей назначаемых «супостатов» до унизительной зависимости от дотационных и иных бюджетных подачек, которыми подкармливают, например, учителей и работников заведомо убыточных предприятий. Дабы не впадать в «грех обличительства» и не уходить от основной темы статьи, ограничусь напоминанием известной мысли: тот, кто, выбирая между свободой и благополучием, отдает предпочтение благополучию, в итоге не получает ни того, ни другого.

И последнее. *Недоверие к носителям власти* разных уровней совсем не эквивалентно так называемому «голому отрицанию». Оно *содержит огромный конструктивный потенциал*. Сегодня его квинтэссенция – стремление к выработке новой, сетевой, преимущественно горизонтальной системы отношений в обществе, между людьми и их объединениями. В этой системе государство, разумеется, сохраняется, но роль и место его становятся более ограниченными. Словом, идет поиск «нового государства для нового мира».

Полагаю, по отношению к этому новому государству, лишь контуры которого мы сейчас можем скорее даже угадывать, чем наблюдать, *доверие возродится. Но уже на принципиально иной основе*. И помогут нам в этом, как мне хочется верить, во-первых, взаимопомощь, которую Петр Кропоткин считал одним из главных факторов эволюции, и, во-вторых, доля здорового идеализма, который Сергей Ковалев охарактеризовал как отнюдь не беспочвенную прекраснодушную мечтательность, а как вещь вполне практическую[14], позволяющую вырваться наконец из дурной бесконечности «дня сурка» – тупиков геополитического и патерналистского ложного сознания.

[14] *Ковалев С.* Прагматика политического идеализма. М., 1999.

Современный политический режим в России: отрицание или продолжение режима 90-х

Какова роль стартовых условий (1990-е годы) в формировании современного политического режима в России, обречена ли наша страна на «исторический бег по кругу», каковы пути выхода из политического застоя – эти вопросы обсуждались ведущими российскими экспертами на круглом столе «Современный политический режим в России: отрицание или продолжение режима 90-х», состоявшемся незадолго до парламентских выборов, 24 ноября 2011 года, в рамках VIII Старовойтовских чтений.

Как подчеркнул в своем вступительном слове ведущий заседания Игорь Клямкин, речь идет не столько о прошлом, сколько о том, куда двигаться дальше: «Возвращаться в 1990-е годы? Практически все, что предлагалось в период президентства Медведева, так или иначе как раз и было связано с таким возвращением. Или преодолевать придется весь этот двадцатилетний период? Но если так, то как именно его преодолевать?»

Материалы круглого стола полностью опубликованы на сайтах московского офиса Института Кеннана (www.kennan.ru) и Фонда «Либеральная миссия» (www.liberal.ru). Мы же предлагаем нашему читателю ознакомиться с позицией нескольких участников – Георгия Сатарова, Дмитрия Орешкина, Андрея Зубова, Михаила Краснова и Игоря Клямкина. Некоторые из выступлений незначительно сокращены.

Георгий Сатаров[1]

Как сравнивать периоды и неким образом определять границу, когда один период закончился, а другой начался? Вот говорят, один является продолжением другого, можно ли провести границу? Если один является продолжением другого, то границу провести нельзя. Просто идут некие монотонные процессы, становится все хуже и хуже или, наоборот, все лучше и лучше, и это кому как.

Я хочу предложить вниманию столь просвещенной аудитории некоторую доморощенную крошечную теорию, я бы так это сформулировал самокритично.

Итак, рассмотрим любой отрезок времени, достаточно короткий, чтобы предполагать, что за этот период не произошло никаких кардинальных изменений, но в то же время достаточно протяженный, чтобы предполагать, что за этот период что-то может осмысленное и анализируемое произойти. Любой такой период содержит внутри себя самые разнообразные зародыши будущего, то есть последующих периодов. И я даже рискну сказать: «и положительные, и отрицательные», потому что утверждение «и положительные, и отрицательные» не зависит от критериев оценки положительности или отрицательности. Просто так устроена жизнь, что в каждый момент рождаются какие-то идеи, социальные практики, происходят какие-то изменения, связанные с некими желаниями людей и т. д. Потом мы рассматриваем следующий за ним период и замечаем, что нечто, происшедшее

[1] Сатаров Георгий Александрович – кандидат технических наук, президент Фонда прикладных политических исследований ИНДЕМ.

раньше, не повторяется или повторяется реже. Или, наоборот, усугубляется, повторяется чаще – некая спонтанная практика становится постоянной и общепринятой.

Если вот так дискретно это рассматривать – конечно, можно построить и непрерывную модель, нет проблем, – мы можем предположить, что есть нечто, влияющее на эти самые зародыши будущего, которое рождается в каждый момент настоящего, что-то переходит в будущее, а что-то нет. То есть существуют некие фильтры, работающие на то, что одно затухает, а другое нет. В каком-то смысле это сродни эволюционной модели, но имеется в виду эволюция не в ее вульгарном понимании как медленное изменение чего-нибудь, а в ее точном понимании. Если мы говорим о социальной сфере, о социальной эволюции, то мы подразумеваем некие социальные мутации и наличие некоторых факторов, обстоятельств, от которых зависит, отмирают они, эти мутации, или укрепляются и переходят в будущее. Итак, есть некие обстоятельства, которые я назову фильтрами, которые эти зародыши либо губят на корню, либо развивают, и они идут в будущее и становятся чем-то общепринятым, действующим и т. д.

Приведу примеры. Есть, скажем, внешние обстоятельства, которые влияют на социум. В сфере российской экономики одним из них являются цены на энергоносители. Низкие цены не способствуют рентоориентированному поведению. А если цены вдруг поднимаются, то рентоориентированное поведение становится выгодным, расширяется.

Другой пример из сферы экономики. Это кризис 1998 года, который сработал потрясающе как некий фильтр, потому что он загубил стратегии, заключающиеся в азартных играх с государством с помощью ГКО и т. д. Кризис обрушил такие краткосрочные стратегии и сделал выгодными консервативные стратегии развития бизнеса, что и происходило в силу импортозамещения, вызванного девальвацией рубля. Это некое внутреннее событие эволюционного характера, но сработавшее как фильтр практик в сфере бизнеса.

В качестве фильтров работают и другие обстоятельства, например свойства массового сознания. А на свойства массового сознания могут влиять в том числе и внешние обстоятельства. Например, революции всегда сопровождаются девальвацией государства как ценности. Государство становится врагом, его надо разрушить, к нему относятся как к чему-то, чем легко манипулировать, что легко менять и т. д. Это то, что называется радикальным периодом революции. Потом наступает постреволюционный период, который характеризуется тем, что государство как ценность восстанавливается, население устает от революций. Сильное государство – это хорошо, это полезно, это поможет преодолеть усталость, разруху и хаос, то есть все, чем характеризуется революция.

Такого рода эффекты массового сознания, естественно, влияют на доминирование тех или иных социальных практик. Например, ходить на митинги или не ходить? Тут очень важны твои собственные представления, скоординированные с твоим представлением о представлениях других. Это и есть, собственно, эффект массового сознания. Я специально привел такого рода примеры фильтров, из которых ясно, что сами эти фильтры во времени могут меняться.

Мой ответ на вопрос о том, можно ли проводить границу, выглядит так. Граница, конечно, весьма размытая, проходит там, где мы видим смену этой системы фильтров, влияющих на постоянный отбор зародышей, которые производятся настоящим для будущего. В этом смысле для меня, бесспорно, период ельцинский и период путинский – это разные периоды, и примеров тому не счесть. Я не буду говорить о Конституции, я буду говорить о вещах другого рода.

С точки зрения этих общих воззрений на революцию ельцинский период – это в основном период революции, за исключением того трагического периода, когда революция закончилась – фактически это произошло в 1994 году, – а постреволюционный период еще не начался. Революция закончилась, а ее лидер остался. Постреволюционный период начался с 2000 года. Это выразилось и в отношении к государству, и в смене лидера, а позже и в изменении экономической конъюнктуры, которая повлияла на все это.

И последнее. Проблемы у общества появляются тогда, когда ограничивается свобода производства этих самых зародышей – идей, социальных практик, инноваций – и свобода производства и смены фильтров. Проблема нынешнего периода состоит именно в том, что предпринимается попытка установления монополии и на то, и на другое. Если с этой точки зрения посмотреть на историю, то выясняется, что такие попытки обычно заканчиваются крахом.

Дмитрий Орешкин[2]

Метафора Георгия Александровича содержательна. Действительно, фильтры меняются, где-то эти корпускулы приживаются, а где-то нет. Зависит не только от их витальности, но и от факторов среды.

Кроме того, ответ на вопрос о том, отрицание или продолжение, зависит от оптики. Этот вопрос даже можно рассматривать как критерий классификации и типологии политических и социокультурных мировоззрений. Для абсолютного большинства «яблочников» – продолжение. Вот если бы коварный Чубайс не провел воровскую приватизацию, а отдал власть честному и благородному Григорию Алексеевичу Явлинскому и его верным друзьям, то все было бы совсем по-другому. А поскольку он власти не отдал, то отсюда и выросло все то ужасное, что мы сегодня наблюдаем.

Для хранителей коммунистической идеи это тоже абсолютно ясное продолжение. Пролетариат угнетается буржуазией – раз, общенародная собственность растоптана – два, мировой капитализм за бесценок эксплуатирует сокровища, накопленные самоотверженным трудом советского народа, – три. Вот она, суть процесса-то где! А уж кто именно персонифицирует интересы буржуазии, Ельцин, Путин или, допустим, Гавел, – какая разница. В оптике марксистско-ленинской мифологии это, безусловно, продолжение.

Если вы поговорите с людьми из группы Чубайса, они скажут: привет, нас цинично вытравили из Думы, за счет фальсификаций украли (кстати, как и у «Яблока») набранные на выборах в 2003 году 5%, потом подняли порог до 7%, запретили предвыборные блоки, разрушили старые партии, создали на их месте картонные муляжи типа «Правого дела»... Какое же продолжение? Чистой воды откат назад к номенклатурной монополии советского образца.

Иными словами, ответы на вопрос отражают не столько объективную действительность, сколько ее субъективную интерпретацию. Что тоже в некотором смысле есть симптом сегодняшней межумочной российской социокультуры. Корпускулы или зародыши здравого смысла и трезвого взгляда как-то в ней не очень приживаются. Спроса нет?

Однако надо иметь в виду эволюционность. Путин 2000-х годов – совсем не то, что Путин 2010-х. Красноречиво первое Обращение Владимира Путина к Федеральному собранию в июне 2000 года. Тогда он ясно сказал, что развитию бизнеса и экономики мешают три вещи – бюрократия, высокие налоги и криминал. Чтобы бороться с ними, необходимо укрепление государства – та-

[2] Орешкин Дмитрий Борисович – кандидат географических наук, политолог, член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

кова была его логика на заре карьеры. Это выглядело разумно, убедительно и воспринималось как реальное продолжение и закрепление демократических достижений 90-х.

Прошло почти 12 лет. Число чиновников выросло вдвое. Криминал сросся с силовиками, коррупция выросла на порядок. Налоги увеличились – на официальном уровне в виде страховых отчислений, на неофициальном – в виде повсеместных откатов. Государство если и усилилось, то лишь в пропагандистском измерении, как в советские времена: Россия опять в кольце врагов, мы встаем с колен, нам все завидуют и потому хотят удушить. Поэтому, с одной стороны, временные трудности, а с другой – необходимость еще теснее сплотиться вокруг любимой партии, вдохновителя и организатора величественных побед советского народа, и ее ленинского Центрального комитета в лице...

Ну и так далее. В данном отношении очевидное продолжение стилистики совка, с дурным пафосом, монополизацией политических и экономических ресурсов в руках номенклатуры, усилением цензуры, уничтожением конкуренции и фальсификацией выборов. В «лихие» 90-е годы даже на Северном Кавказе на федеральных выборах явки и итогов под 100% на уровне целых республик не встречалось (бывало – на отдельных участках и территориях). А теперь практически норма, как в СССР. Если оглянуться по сторонам, мы опять по одну сторону плетня с Ираном, Сирией, Китаем и против всего остального более-менее продвинутого человечества. Если это и продолжение, то точно не 90-х...

То есть если рассмотреть нулевые годы в динамике, то ожидаемая ясность ответа размывается.

В то же время, конечно, есть много общих черт. Понятно, что Путин – ставленник Ельцина. Он его подбирал долго. Не думаю, что дело только в безопасности «семьи» – это ему обеспечил бы и Черномырдин, и Степашин, и Примаков – любой. Мне кажется, Ельцин искал «сильную руку», которая могла бы восстановить управляемость, обеспечить централизацию и поставить на новых рельсах великую Россию. Такую, какой она мыслилась первому президенту, – свободную, богатую и сильную.

У Ельцина был глубокий комплекс вины за развал Большой Страны. Он искал человека, подходящего для решения задач, которые сам решить не мог. Народ в своем большинстве переживал сходные сентименты. На этом фоне в путинскую эпоху просто необходимо должны были произойти совершенно естественные, логичные отступления, которые вытекают не столько даже из траектории 90-х годов, сколько из более глубокой политической традиции. Время и интересы подталкивали к «подмозке», к победной риторике, к стабилизации и торможению кадровых лифтов. К власти пришло поколение новых, жестких, гораздо более образованных молодых управленцев. Власть и связанные с ней привилегии им очень понравились. Значит, на повестку дня выходит народное успокоение, устранение конкуренции, затыкание ртов слишком крикливым и суетливым, отъем собственности у тех, у кого ее «слишком много», и вообще «наведение справедливости». Что такое «наведение справедливости» в стране, где в течение трех поколений 80% экономики работало на войну и большая часть мужских мозгов так или иначе проходила обработку в фабрике-прачечной государственного милитаризма? И с точки зрения кадров, и с точки зрения ценностных шаблонов, и с точки зрения социальных интересов правильным и справедливым казался рывок к власти и к собственности бывших и нынешних силовиков и менеджеров ВПК, которые в 90-е чувствовали себя выброшенными на обочину.

Довольно трудно объяснить десяткам миллионам мужчин в расцвете сил и лет, привыкшим чувствовать себя элитой и костяком советского строя, что они всю свою жизнь в общем-то занимались ерундой, под чутким руко-

водством КПСС гонясь за гарантией пяти-, пятидесяти- или пятисоткратного взаимного уничтожения. А теперь вот экономика не может позволить себе даже однократного полного уничтожения и потому в их услугах более не нуждается...

Одновременно наверху сформировался класс, который я для простоты называю «бюрнесом» – союзом бюрократии и бизнеса. Молодые агрессивные бюрократы, номенклатурщики, силовики, подрощенные еще в советской системе, освободились от мелочной и тупой опеки старого партийного аппарата и получили доступ к ресурсам и преимуществам частного предпринимательства. «Бюрнесмены» научились быстро принимать решения, обходить запреты, вытряхивать ресурсы из федеральных и региональных бюджетов и решать экономические задачи с невиданной экономической эффективностью. Практически «бюрнес» ничем не рискует. Ему не нужно привлекать инвесторов, выдавать гарантии, обеспечивать прозрачность. Напротив! Через свои связи, через то, что в конце 80-х называлось административным капиталом, «бюрнес» становится ключевым – хотя по сути контрпродуктивным – элементом новой экономической модели. Его прямой классовый интерес, с одной стороны, в укреплении бюрократической машины, которая служит ему средой обитания и инструментом получения ресурсов, (отсюда патриотическая риторика про укрепление государственности), а с другой – в применении таких удобных клише либеральной теории, как «коммерческая тайна», «частная инициатива» и т. д.

Настоящий свободный бизнес при встрече с «бюрнесом» обречен на конкурентное поражение, поскольку получает административные палки в колеса, испытывает затруднения в доступе к ресурсам и вообще рассматривается как нежелательный агрессор, разрушающий удачно сложившуюся на данной территории бюрнес-монополию.

В постсоветской социокультурной среде, с ее тоской по сильному и справедливому государству, класс «бюрнеса» не мог не появиться. Если чиновник не дурак, если он может «крышевать» предпринимателя, обеспечивая ему эксклюзивные позиции на рынке, то отчего этого не делать? Так создается и разрастается этот двухголовый урод, крайне заинтересованный в том, чтобы максимально надолго зафиксировать промежуточную ситуацию между условным «капитализмом» и условным же «социализмом».

Милой чертой фальшивой идеологии бюрнеса служат страшилки из «лихих 90-х», когда известный персонаж имел якобы прозвище «Миша-2%». Ужас, ужас, ужас! Однако для тех, кто все еще пытается заниматься предпринимательством в путинской России, это звучит как добрая сказка: нынешние нормы отката часто превышают 50%. Но ни шагу назад! Мы же не хотим вернуться назад, в хаос и развал государственности?!

В терминах долгосрочной стратегии сегодня больше аналогий с застоем конца 70-х – начала 80-х годов. Процветание сформировавшегося номенклатурного класса, замедление социальных лифтов, учащающиеся попытки истребить даже признаки конкуренции. Создаются неэффективные, но необходимые для власти казенные институты, аналогичные советским: вместо комсомола «Наши» и МГЕР, вместо «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» Общероссийский народный фронт. Централизация вместо федерализации, победное ТВ-вранье вместо реальной информации.

И параллельно все более острое понимание тупика, из которого еще пять назад можно было выбраться с помощью честных выборов, – а сегодня уже нет. Сегодня все острее понимание того, что только выборами не обойдешься. Нужно менять и суды, и силовые структуры, и всю «вертикальную» систему управления.

Кстати, само понятие «вертикаль власти» – это из 90-х или из какой-то

другой эпохи, к которой ближе путинский режим?

Андрей Зубов[3]

В 1991 году, когда рухнул коммунистический режим, перед нами стояло три варианта будущего развития. Первый – строить новое государство. Второй – продолжать в исправленном виде старое советское государство, это, собственно, начал уже Горбачев делать. И третий – возрождать докоммунистическое государство. Официально во фразеологии была принята идея строительства нового государства. Фактически было продолжение советского государства. В каких-то декоративных моментах было возрождение: герб, название парламента – «Дума», само название страны. Не забудем, что по Конституции «наименования Российская Федерация и Россия равнозначны». Но характерно, что привыкли все к слову «Российская Федерация», употребляя сейчас почти только его.

Не произошло самого главного – смены элиты. Можно строить государство с белого листа, можно говорить, что мы строим новую страну, но люди-то в ней остаются старые. Люди-то те, которые жили и до 1991 года, и мозги-то старые. Естественно, если нет смены элиты, то воспроизведется государство, которое было до 1991 года. Потому что поведенческие формы, привычки, менталитет – все ведь это старое, советское. Ничего досоветского даже при возвращении двуглавых орлов не появится в головах человеческих по той простой причине, что головы эти на протяжении трех поколений формировались, и очень жестоко формировались, большевистской властью. Для восстановления досоветского необходимо очень большое усилие многих представителей несоветской элиты. А у нас такой элиты в стране не было, а та, которая была, никакого желания восстанавливать старую Россию не имела. И даже та небольшая смена элиты, которая произошла в начале 1990-х годов, потом сошла на нет. И вы видите, что сейчас фактически страной управляет КГБ, который был верным рычагом и защитником партии до 1991 года.

Второе – не было идейного замещения большевизма. Не было обществу предложено альтернативной системы национальных ценностей. И если, скажем, в польской Конституции было объявлено о том, что и коммунистический, и нацистский режимы равно плохие, а мы восстанавливаем традицию первой и второй республик (то есть Речи Посполитой, существовавшей до 1795 года и в 1917–1939 годах), то у нас ничего подобного сказано не было. Коммунизм не был осужден, процесс над коммунизмом захлебнулся, и статуи Ленина остались на своих местах. Улиц и площадей Ленина в РФ видимо-невидимо. Две области страны называются до сих пор Свердловской и Ленинградской. И все это вместе взятое сделало то, что фактически и здесь разрыва с прошлым не произошло, потому что ментальность коммунистическая, ментальность, существовавшая до 1991 года, и после 1991 года сохранила своих кумиров, свою традицию, свою жизнь. Попробуйте убрать что-то из этого даже сейчас – тут же будет дикий скандал.

Третье – не было отказа от самого главного большевистского достижения, от того принципа, о котором здесь много говорили, – тандеме «власть – собственность». У кого власть – у того собственность или, по крайней мере, право распоряжения собственностью. Что были залоговые аукционы как не право распоряжения собственностью? И то, что мы имеем в 2000-х годах, – продолжение этой советской традиции.

И четвертое – не произошло принятие как некой актуальной цели и ценности докоммунистического государства.

[3] Зубов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор МГИМО, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Все это вместе взятое привело к тому, что потесненная в начале 1990-х годов советская ментальность активно стала регенерироваться после апреля 1994 года, после заключения известного пакта Национального согласия, и уж совершенно утвердилась сейчас. Все мы знаем, что в очень многих областях восстановились формы советских отношений между человеком и властью. И понятно почему, потому что по-другому старая элита – а управляют генералы и полковник КГБ, – не умеет управлять, она просто не знает, какие могут быть другие формы управления.

Мы посмеивались над декоммунизацией, свысока глядя, как ее проводят, зачастую, может быть, не очень красиво и не очень ладно, страны Восточной Европы, и думали, насколько мы лучше, гуманней, добрее, что мы охоту на ведьм не устраиваем, реституцию прав собственности не осуществляем, старушек из квартир, возвращаемых былым собственникам, не выгоняем. И оказались, мягко говоря, в луже, а может, даже в одной известной части тела. Дело в том, что декоммунизация имела под собой одну простую идею – надо насильственно изменить массовое сознание. Ведь и в Германии после 1945 года три четверти населения считали Гитлера самым великим немцем. Если бы не было последовательной денацификации в западной зоне Германии, то возродилось бы нацистское государство. Неонацистское, конечно, но возродилось бы, Гитлеры бы стояли на площадях и т. д. Во всей Восточной Европе была предпринята сознательная декоммунизация. Последний акт этой декоммунизации в самой медленно развивавшейся стране Сербии предпринят буквально несколько недель назад, когда сербский парламент в сентябре 2011 года принял закон о реституции прав собственности, который все остальные страны, кроме Польши, там особый разговор, приняли намного раньше.

Итак, перед нами очень простая альтернатива. Конечно, сейчас мы не Советский Союз, мы открыты миру, у нас есть если не политические, то хотя бы гражданские свободы (право выезда и въезда, право на получение информации и т. д.), и в целом общество очень медленно эволюционирует в сторону нормальности и возрождается само по себе. Но мы как интеллектуально-политическое сообщество должны решить: мы будем наблюдать за этим процессом с интересом биолога, наблюдающего деление клеток в пробирке, или мы попытаемся как люди, которые в этой стране живут и в некотором роде сами являются клетками в этой же самой пробирке, все-таки процесс изменить и ускорить. И тогда, я думаю, мы должны вернуться к тому опыту, со всеми оговорками и поправками, который прошли страны Восточной Европы в начале 1990-х годов, который прошла Германия при помощи союзников со второй половины 1940-х и до середины 1960-х годов. То есть мы должны сделать то, что необходимо для изменения сознания общества. Это всем известная «пятичленка».

Во-первых, это объявление коммунистического режима преступным, как это произошло с нацистским режимом.

Во-вторых, это изменение прав собственности с тем, чтобы потомки лишенных собственности при большевиках получить некие права. Не забудем, что отобрали собственность в России в 1917–1933 годах у 95% граждан.

В-третьих, это изменение исторической парадигмы, то есть Ленины, Кировы, Дзержинские и другие мерзавцы и кровавые убийцы должны уйти вон из наших городов, а люди, которые заслуживают уважение России, должны встать на их места.

В-четвертых, это проведение люстрации, потому что если мы позволим людям, которые охраняли коммунистический режим, управлять сейчас страной, то, конечно, это будет продолжение советского режима со всеми вытекающими «приятными» обстоятельствами, сопряженными с их органической безнравственностью.

И наконец, в-пятых, это восстановление связи, гражданского единства между русской эмиграцией и внутренней Россией. Во всех странах Восточной Европы заявительным порядком все потомки граждан, покинувших страну при коммунистах, получили гражданство. У нас ничего подобного. У нас только Путин некоторым старым эмигрантам раздает паспорта, кому сам хочет. Мы скажем, что это невозможно, что через 90 лет «старых русских» в Россию не вернуть, ни их, уже, понятно, умерших, ни их детей, внуков, правнуков. Но тогда нам надо утереться тряпочкой и заткнуться. Другой русской несоветской и к тому же вполне вестернизированной элиты у нас нет. Без реэмиграции нам восстановить Россию будет очень трудно.

Мы – интеллектуальное сообщество России. Если мы не скажем, что надо делать и не будем делать для этого то, что надо делать, то никто больше не будет делать ничего. И тогда мы будем иметь неокоммунистический режим, не такой ужасный, как при Сталине, но все равно отвратительный и постыдный для каждого из нас.

Михаил Краснов[4]

Действительно, 1990-е годы разные. Лично для меня одно дело – до 1996 года и другое – после. Я мог наблюдать изменения внутри Кремля, которые происходили после 1996 года. Они были и в стране. Если отвечать на вопрос о продолжении или отрицании 90-х, есть и общее, есть и отличия. Общее, например, в том, что институты государства разлагались и в 1990-е годы, разлагаются и сегодня. Но в 1990-е годы они разлагались потому, что во многом это были фактически сохранившиеся институты советской системы и в то же время центральная власть была слаба. Другими словами, налицо был постреволюционный синдром. А вот сегодня институты разлагаются контролируемо.

Многие институциональные изменения, произошедшие в 2000 годы, – это, как ни странно, реализация наших мечтаний в 1990-е годы. Разве не было желания создать две контролируемые Кремлем партии? Разве не было попытки фактически назначать губернаторов? Я напомню Указ от 3 октября 1994 года «О единой системе исполнительной власти», который попал потом в Конституционный суд, хотя, когда указ был еще в проекте, удалось его немножечко подправить, ибо мы понимали, что иначе будет прямое противоречие Конституции. Разве не пыталась Администрация президента влиять на региональные выборы? Другое дело, не получалось, но пытались. Разве, начиная с 1996 года, та же администрация не начала работать как пиар-агентство? Не знаю, как это объяснить, я юрист, у меня мозги немножко по-другому устроены, формализованы. Может быть, пришли иные команды с другими ценностями, с другими идеалами, с другими представлениями о мире, не знаю. Конечно же, мы, может быть, наивные люди, но руководствовались совершенно другим. Собственно говоря, то, чем руководствовались, мы без лукавства, без фиги в кармане писали в посланиях вплоть до 1998 года. Это были наши представления о должном.

Другое дело, что это воспринималось как никому не нужная «лирика». И как-то Борис Николаевич нам, помощникам, сказал: «То ли вы пишите нереальные вещи, то ли правительство Послание саботирует...»

Несколько слов о Конституции. Есть очень популярная точка зрения, которую наиболее ясно и четко выражает Виктор Шейнис. Недавно в «Ежедневном журнале» он дискутировал с Игорем Клямкиным по поводу «правил игры», т. е. правил организации власти, установленных Конституцией. Когда мы говорим про Конституцию, речь не идет о первой и второй главах. Там

[4] Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального и конституционного права НИУ ВШЭ.

великолепные вещи. Первая – это принципы российской государственности, конституционализм, а вторая – права и свободы. Но «дьявол сидит» в главах начиная с третьей по восьмую. Конструкция власти – вот что такое «правила игры». Виктор Шейнис говорит, что они плохие, но не это определяющий сегодня фактор. Я тоже не говорю, что это определяет полностью. Но значение этой конструкции в том, что она не препятствует приходу тех команд, элит, которые толкают страну в направлении, противоположном духу Конституции. И мы не должны жить, надеясь, что сегодня придут эти, а завтра, даст Бог, придут другие. Хотя нынешние партии именно об этом говорят: «Правила мы оставляем, поэтому дайте нам только руль, и мы их изменим». Россия не должна зависеть от этих случайностей, хотя на самом деле это, конечно, не случайности.

Да, Конституция закрепила стихийно сложившееся к 1993 году соотношение сил. Но вот пришла другая команда и ее лидер стал популярным, поскольку прежнее соотношение изменилось. А писаные нормы остались прежними. Но поскольку эти нормы предопределяют полное доминирование президента (сейчас неважно, формального или неформального) и безвластие парламента, постольку лидер имеет все возможности изменить тот дух Конституции, который вложен был в нее в иной ситуации. Беда не в том, что общество за двадцать лет стало более трезво воспринимать слова «демократия» и «рынок» и потому склонно отдавать предпочтение антилиберальным силам. Маятник должен качаться. Беда в том, что персоналистский режим, обязанный именно Конституции, как раз не позволяет качаться маятнику.

Мозги правящего класса должны меняться прежде всего от иных правил игры. Поэтому я никак не могу согласиться с точкой зрения: «Конституцию не трогайте, когда-нибудь мы ее изменим». «Когда-нибудь» не получится, потому что не изменятся эти мозги. Как они будут адаптироваться к правилам игры, если эти правила остаются? Я понимаю опасения по поводу того, кто именно имеет возможность сейчас ее менять. Некому, я с этим согласен. Но это и есть как раз фактор, препятствующий приходу тех людей, которые должны были бы прийти к власти.

Игорь Клямкин[5]

В последнее время мне приходится бывать на многих собраниях, как наше сегодняшнее, и я хочу поделиться с вами впечатлением, которое на них возникает. Впечатление такое, что мы предрасположены заниматься либо критикой происходящего, либо объяснением его причин. В том и другом мы преуспели, но при этом давно уже начали повторяться. Из раза в раз мы повторяем одно и то же, этого, похоже, не замечая. Ну сколько можно, скажем, говорить про ментальность? Так нет же, говорим снова и снова одними и теми же словами. Наверное, людям кажется, что если сами они еще про это не сказали, то это значит, что не говорил никто.

Да и так ли уж ссылки на ментальность все объясняют? Только ли в ней причина того, что демократии и правового государства в России не получилось? Я бы все-таки предложил различать элиты и население. Чем те же восточноевропейские элиты отличались от российских? Я полагаю, что не одной лишь ментальностью. Эти элиты едва ли не в первую очередь были ориентированы на вхождение в Европу своими интересами. Постсоветские же элиты, за исключением прибалтийских, ориентировались не на вхождение куда-то, а на передел собственности в своих странах. И, соответственно, на установление таких государственных порядков, которые этому не препятствовали бы. Таков был и остается интерес этих элит, и он, по-моему, объясняет особенности

[5] Клямкин Игорь Моисеевич – доктор философских наук, вице-президент Фонда «Либеральная миссия».

нашей постсоветской эволюции уж точно не хуже, чем апелляции к ментальности населения.

А что мы имели, например, в 1991–1993 годах? Разве население устроило войну – сначала холодную, а потом и горячую – между Верховным советом и президентом Ельциным, которая фактически и перекрыла путь страны к демократически-правовому государству? Насколько помню, войну эту развязали тогдашние российские элиты, понимавшие демократию не как цель, а как средство борьбы за утверждение новой властной монополии. Почему же мы тогда все время ссылаемся на ментальность населения? Кому она мешала и чему препятствовала?

Предлагаю все же отходить от такого рода ничего не доказывающих «аргументов». Роль ментальности проявляется в конкретных событиях. Вот и давайте об этой роли рассуждать не вообще, а применительно к конкретным событиям. В противном случае мы окажемся невольными апологетами сложившегося в стране политического режима. Ведь если мы ищем и находим главное объяснение ему в культурных особенностях народа, то что из этого следует? Из этого следует, что любой сторонник этого режима может сказать: «Вот ведь и враги наши, режим критикующие, признают, что он соответствует народному менталитету».

Да, в России нет пока массового запроса на системную альтернативу сложившемуся порядку вещей. Но я опасаюсь, что когда он появится, мы – я имею в виду интеллектуально-экспертное сообщество – окажемся к нему не готовыми. Нашему типу мышления традиционно присуща институциональная беззаботность. Персоны для нас все еще важнее институтов. Политологический балаган по поводу «дуумвирата», который наблюдался в стране последние четыре года, – убедительное тому подтверждение.

Самое же удивительное и печальное заключается в том, что при этом существует иллюзия относительно ясности необходимых институциональных изменений. Что делать – это, мол, понятно. Непонятно лишь то, как сделать, т. е. как перескочить из нынешнего неправового авторитарного государства в правовое и демократическое. Но это и есть институциональная беззаботность.

Странам Восточной Европы и Балтии после падения коммунизма потребовался не год и не два, чтобы освоить европейские институциональные стандарты и адаптировать их к особенностям каждой из этих стран. И не все у них получалось сразу, случались неверные шаги. Следовать предписанной Брюсселем «дорожной карте» было непросто, и Брюсселю часто приходилось на ошибки указывать. А нам, как и 20 лет назад, все кажется заведомо ясным и очевидным. За годы путинского правления в институциональном проектировании государства, альтернативного путинскому, мы не продвинулись ни на шаг. И даже установки на такое проектирование в нашем экспертном сознании до сих пор не сложилось.

Александр Оболонский, замечательный специалист по вопросам государственной службы, по заказу Фонда «Либеральная миссия» написал об этом книжку, она уже издана. В ней подробно описан опыт современного реформирования госслужбы в ведущих западных странах. И все лучшее, что Александр Валентинович там обнаружил, он предлагает заимствовать. Но можно ли это сделать, учитывая не только наши культурные и прочие особенности, но и тот факт, что Россия находится на другой стадии исторической эволюции? Тот факт, что реформирование госслужбы в западных странах осуществляется при давно сложившемся в них доминировании безличных правовых отношений над личными, чего в России никогда не было и нет? Следует ли нам заимствовать у других все лучшее, учитывая, что даже такие страны, как Франция или Германия, не торопятся перенимать это лучшее у наиболее продвинутых в данном отношении англосаксонских стран?

Нам очень важно знать институциональные стандарты правового государства, в мире уже утвердившиеся. Но не менее важно адаптировать их к нашим условиям, не выхолащивая при этом их сути, как произошло с той же российской Конституцией. В том, что касается распределения властных полномочий, она близка к французской, но французский оригинал отредактирован в ней в соответствии с российской самодержавной традицией. И если Виктор Леонидович Шейнис советует нам вопрос об изменении Конституции отложить на потом, то я и в этом вижу проявление той же самой институциональной беззаботности, о которой говорил.

Дело ведь не в том, реально сегодня такое изменение или нет. И не в том, насколько оно политически актуально. Дело в стратегическом институциональном ориентире, от наличия либо отсутствия которого может зависеть и то, в каком направлении будет происходить изменение баланса сил. Пока же так получается, что правовые основы государственности больше интересуют авторитарную власть, чем тех, кто ей противостоит. Неспроста же Путин на похоронах Ельцина счел нужным похвалить того только за действующую Конституцию. Кстати, и Янукович, став президентом, едва ли не первым делом вернул Конституцию, действовавшую при Кучме. Повторяю: авторитарная власть уделяет своей правовой охране гораздо больше внимания, чем мы уделяем правовой альтернативе.

Россия после выборов: взгляд из Берлина

Андрей Станиславович Макарычев,
доктор исторических наук,
приглашенный профессор Института Восточной Европы
Свободного университета Берлина,
Former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

В российских политических, да и экспертных кругах практически все уверены, что Германия является самым надежным партнером нашей страны в Европе, а может быть, и в мире. Действительно, можно привести множество аргументов, иллюстрирующих прочность германо-российского партнерства (пожалуй, главный из них – проект «Северный поток»), взаимные симпатии политических лидеров (к примеру, речь Владимира Путина в Бундестаге на немецком языке или ставшее крылатым утверждение Герхарда Шрёдера о том, что Путин – «безукоризненный демократ») и даже созвучия международных позиций Москвы и Берлина (так, обе страны в 2011 году воздержались при голосовании в Совете безопасности ООН по резолюции, давшей «зеленый свет» военной операции против режима Муаммара Каддафи).

Значительная часть политической элиты Германии исходит из необходимости сохранения приоритетных отношений с Россией, достигших своего апогея в формате делового партнерства Владимира Путина и Герхарда Шрёдера. Эксперты и политики, принадлежащие к этой группе, полагают, что именно Россия предлагает Германии наиболее приемлемые условия экономического сотрудничества. По их мнению, Германия нуждается не только в российском газе, но и в российских инвестициях[1]. Эта позиция наиболее активно озвучивается в Берлине и Москве Александром Раром, являющимся рупором ориентированной на Россию части политико-академического комплекса Германии. Часто

[1] *Sasse M.* Netze fur alle Falle // Internationale Politik. 2011. September – Oktober. S. 118.

его мнение оказывается эквивалентным позиции «Газпрома»: например, это касается обвинений стран ЕС в политическом характере проекта «Набукко», направленном против экономических интересов России[2]. Весьма характерными в этой связи являются комментарии ряда немецких политиков по «делу Михаила Ходорковского», сделанные в одноименном фильме немецкого режиссера Кирилла Туши: касались они достаточно циничного по сути разведения по разные стороны ценностей и интересов в германской внешней политике при очевидном доминировании последних.

В России также существует немало сторонников максимальной близости двусторонних отношений с Германией – от Александра Дугина, в свое время высказывавшегося в пользу передачи Германии Калининградской области, до Федора Лукьянова, утверждавшего во время своего выступления в Бундестаге в марте 2012 года, что победивший на президентских выборах Владимир Путин – более прогермански (и проевропейски) настроенный президент, чем Дмитрий Медведев.

Однако такой подход не всегда отражает всю полноту и сложность динамики германо-российских отношений, которые нужно воспринимать в нескольких различных контекстах. *Во-первых*, в качестве важнейшего фактора, задающего большую степень подвижности, многомерности и вариативности германской политики, необходимо иметь в виду важное структурное противоречие, связанное с ролью Германии внутри ЕС. С одной стороны, греческий кризис наглядно подчеркнул особую экономическую роль Германии, от позиции которой, по сути, зависят перспективы решения проблем всей еврозоны. Рост финансово-экономического влияния Германии, выражающийся в попытках Берлина предложить собственные меры и условия выхода из кризиса, в Европе иногда воспринимается достаточно болезненно[3], порождая тем самым интенсивную рефлексию внутри самого германского политического сообщества. С другой стороны, на мировой политической сцене Германия, как считают некоторые эксперты, представляет собой «большую Швейцарию», то есть не проявляет должных политических качеств – решительности, воли и принципиальности.

Этот клубок противоречивых позиций проецируется и на сферу внешней политики, которая становится ареной дебатов между фракцией, лояльной по отношению к Кремлю, и ее оппонентами. В качестве своего главного аргумента последние обвиняют правительство Германии в отходе от стратегии выработки общей внешней политики, включая политику в области безопасности, в пользу односторонних договоренностей – в частности, с Россией. Контрреакция на политику Берлина в отношении Москвы состоит в том, что «обещания Москвы о дешевом и бесперебойном снабжении Германии энергией заставили немецких политиков отказаться от части своего суверенитета и снизить энтузиазм в отношении способности ЕС на коллективные действия, особенно на энергетическом фронте»[4]. Многие германские эксперты открыто и аргументированно объясняют, почему экспансия «Газпрома» на европейские рынки не соответствует интересам Германии[5]. Некоторые специалисты активно призывают к более активным действиям правительства Германии в зоне «общего» соседства с Россией, даже если это и приведет к конфликтам с Москвой. Так, по словам Штефана Майстера из Германского общества внешней политики,

[2] *Rahr A.* Vergesst Nabocco! // Internationale Politik. 2011. September – Oktober. S. 121.

[3] *Pauly S.* Germany Holds to its Demands for Austerity // International Herald Tribune. 2011. November 9. P. 4.

[4] *Feifer G.* Too Special a Friendship: Is Germany Questioning Russia's Embrace? // Radio Free Europe – Radio Liberty. 2011. July 11 [www.rferl.org/atricleprintview/24262486.htm].

[5] Gazprom vis-à -vis Germany. Strategic Culture Foundation. 2011. June 12 [www.strategic-culture.org].

следует признать, что РФ не только не считает «замороженные конфликты» в своем «ближнем зарубежье» серьезной угрозой своим интересам, но и наоборот – видит в них важный инструмент обеспечения своего влияния в регионе, постепенно выходящем из-под ее контроля. Политика России по вытеснению США из Киргизии, равно как и энергетическая стратегия Москвы в отношении Европы, не имеют ничего общего с союзническим подходом, от которого Москва чрезвычайно далека[6]. В свете этого Германия должна проявить политическую волю и быть готовой к дипломатическому столкновению с Россией по вопросу об урегулировании ситуации в Приднестровье: по мнению Майстера, ЕС не должен признавать правомочность использования Россией постсоветских конфликтов для укрепления своего влияния в «ближнем зарубежье», поскольку позиция Москвы представляет собой часть проблемы, а не ключ к ее разрешению[7].

Во-вторых, дискурс германо-российского партнерства представляется весьма уязвимым в силу своей эклектичности, которая наглядно иллюстрируется совместной статьей министров иностранных дел двух стран. В ней аргументационной основой для обозначения приоритетности (даже эксклюзивности) экономического сотрудничества выступает риторика идентичности (прежде всего общая память о Второй мировой войне)[8]. Однако очевидно, что утвердившиеся в России и Германии практики коммеморации наполнены разными смыслами и ориентируются на разные ценности. Доминирующей в Германии является точка зрения о том, что именно успешный опыт преодоления наследия тоталитарного прошлого дает право Германии выступать с нормативных позиций (включая вопросы демократии, прав человека и т. д.) в отношении других стран, включая Россию. В силу этого выстраивание стратегии развития двусторонних отношений на основе «общих» идентификационных характеристик имеет свои пределы.

Таким образом, среди германских экспертов, профессионально занимающихся изучением России, существует серьезный конфликт между группой пророссийски настроенных специалистов и теми, кто сохраняет более критическое отношение к событиям в РФ. Этот критицизм находит выражение в следующих позициях, активно обсуждаемых в различных дискуссионных форматах:

• Россия не является надежным партнером ЕС в целом и Германии в частности при решении вопросов безопасности и в том числе «замороженных конфликтов», поскольку либо заинтересована в их сохранении, либо не имеет достаточного политического влияния для их разрешения (Приднестровье, Нагорный Карабах);

• Россия не имеет опыта успешной многосторонней дипломатии и стремится вынудить ЕС признать раздел сфер влияния в зоне их общего соседства, что не входит в интересы Германии;

• политический режим в России после декабря 2011 года не является полностью легитимным из-за несоблюдения им европейских стандартов демократии и многочисленных нарушений во время выборных кампаний;

• экспансия «Газпрома» на европейские рынки является опасным процессом с политической точки зрения, поскольку речь идет об укреплении позиций хорошо обеспеченного ресурсами «лоббиста Кремля» в ЕС;

• Германия проводит в отношении России политику, базирующуюся на интересах правящих элит обеих стран, а

[6] *Meister S.* Multipolare Rhetorik vs. unilateral Ambitionen. Die Grenzen russischer Aussenpolitik. Berlin: DGAP Analyse. 2009. April. No. 3. P. 6.

[7] *Meister S.* A New Start for Russian – EU Security Policy? The Weimar Triangle, Russia and the EU's Eastern Neighborhood. Berlin: DGAP, Genshagener Papiere. 2011. Juli. N 7.

[8] *Лавров С.В., Вестервелле Г.* Предостережение и наказ. К 70-летию нападения гитлеровской Германии на Советский Союз // Российская газета. 2011. 22 июня.

не их обществ (это касается энергетики и «Партнерства для модернизации»). Дополнительным критическим аргументом служит то, что Германия обвиняется в предпочтении, отдаваемом двусторонним соглашениям с Россией без учета мнений и интересов других стран Евросоюза.

Если говорить о зонах совпадения в российско-германских отношениях, то многие из них носят мнимый, кажущийся характер. Так, обе страны скрепили своими подписями «Партнерство ради модернизации». Однако модернизация, с точки зрения германских экспертов, фактически означает признание Россией необходимости догоняющего развития. Смысл языковой игры здесь состоит в том, что Россия не может претендовать на статус абсолютно равноценного партнера в отношениях с ЕС, который эту модернизационную стадию уже давно миновал. Позиция Европы выглядит вполне логичной: то тех пор, пока Россия не завершит построение современного государства (то есть не пройдет фазу модернизации), она сама будет давать повод для того, чтобы воспринимать свои претензии на какую-то важную роль в Европе в лучшем случае необоснованными, а в худшем – опасными.

Далее, Германия, равно как и Россия, отказалась присоединиться к военной операции союзных сил против режима Каддафи, однако урок, извлеченный германской дипломатией из этого, состоит в том, что тем самым Германия подчеркнула «провинциализм» своей внешней политики. «Германия изолировала и маргинализировала себя, породив сомнения в своей надежности как партнера», – полагает один из критиков внешней политики Берлина[9]. По словам Ульрики Геро, «Германия больше озабочена торговой, чем внешней политикой, если не просто торговлей как таковой»[10].

Еще один пример разных подходов при кажущемся совпадении аргументов: Берлин как будто бы готов принять справедливость критики Москвой правительства Михаила Саакашвили. Однако наиболее вероятным эффектом некоторого разочарования Германии в возможностях грузинского режима может стать наметившееся сближение Германии и Азербайджана, что едва ли соответствует стратегии России на Кавказе.

Таким образом, оптимистичный взгляд на российско-германские отношения, несмотря на всю свою привлекательность, выглядит упрощенным. Так, в эту картину не вписываются некоторые события, получившие широкую огласку в Германии в 2011 году. Одно из них связано с отзывом решения о присуждении Владимиру Путину престижной премии «Квадрига», что спровоцировало широкую волну дебатов в прессе о том, насколько вообще разумной была первоначальная попытка наградить премьер-министра России премией, лауреатами которой были политические деятели с высокой репутацией в области защиты прав человека и отстаивания гуманитарных ценностей. Эти дискуссии выявили всю глубину отторжения политики свертывания демократических преобразований в России германским общественным мнением, включая экспертное и журналистское сообщества[11]. Второе событие – это задержание в московском аэропорту известного немецкого эксперта по России профессора Ханса-Хеннинга Шрёдера, которому было отказано во въезде на территорию РФ при наличии действующей визы[12]. Этот инцидент, так и не получивший

[9] *Winkler H.A.* Politics Without a Project // IP Global Edition. The Journal of the German Council on Foreign Relations. 2011. September/October. Vol. 12. P. 31.

[10] *Guerot U.* Germany in Europe: no longer understood // European Council on Foreign Relations Blogs. 2011. October 13 [www.ecfr.eu].

[11] *Kristen A., Ward J.* Award for Putin was "Dilettanish and Politically Insensitive"// Spiegel Online. 2011. July 18 [www.spiegel.de/international/europe/0,1518,775103,00.htm].

[12] *Bidder B.* Moskau sperrt deutschen Russland-Expert Aus // Spiegel. 2011. 5 Oktober.

своего однозначного объяснения, продемонстрировал внутреннюю напряженность германо-российских отношений и их конфликтный потенциал.

Этот потенциал выражается на языке не только традиционных политических дискурсов, но и художественных образов. В марте 2012 года в Германии на широкий экран вышел новый политический триллер «Четвертая власть» (Die Vierte Macht), рассказывающий историю о немецком журналисте, работающем в России и оказывающемся жертвой интриги, распутывание которой в итоге подводит его к мысли о том, что за взрывами жилых домов в Москве более 10 лет назад стояли российские власти. Россия представлена в фильме как страна, погрязшая в коррупции, насилии и всевластии богатства.

В берлинском музее Checkpoint Charlie наглядно и во всех подробностях представлены экспозиции, посвященные «делам» Сергея Магницкого и Михаила Ходорковского, а также трагедиям Анны Политковской, Станислава Маркелова, Анны Бабуриной и Натальи Эстемировой. Музей, по сути, представляет собой точку кристаллизации гражданской активности (скажем, в нем можно поставить свою подпись под обращением об освобождении Михаила Ходорковского и Платона Лебедева) и символической солидарности с различными формами сопротивления репрессивным режимам, включая режим Путина. Экспонаты – от карикатур и календарей с московскими студентками, задающими неудобные вопросы Владимиру Путину, до собственноручных записей Ходорковского, сделанных им во время судебных заседаний, и детских фотографий Магницкого – представляют собой четко выстроенный ряд обвинений в адрес Кремля, выраженных на гуманитарном по форме, но глубоко политическом по содержанию языке.

Официальной России, похоже, просто нечего противопоставить этим нарративам. В Германии практически нет устойчивых и авторитетных «площадок» для политических и культурных дискуссий о России (Русский дом в Берлине – это скорее место для курсов русского языка и выступления артистов, преимущественно для русскоязычной публики). Тревожным симптомом является падение интереса к изучению России в германских вузах. Эффективность европейского представительства Института демократии и сотрудничества, финансируемого государством, оставляет желать лучшего, что во многом связано с неверным выбором соответствующих кадров (Наталия Нарочницкая), которые не являются фигурами, авторитетными для западных профессионалов в сфере международных отношений и политического анализа, и поэтому не способны эффективно функционировать в режиме динамичного международного центра политико-академических инициатив.

В этом смысле можно сказать, что как у Германии нет политики (в полном смысле этого слова) в отношении России, так и у России нет полноценной политики в отношении Германии. Однако причина такого положения дел разная. Германская элита, до сентября 2011 года надеявшаяся на второй президентский срок Дмитрия Медведева и в этой связи строившая оптимистические планы на содержательный диалог по модернизации, сейчас испытывает некоторое разочарование в связи с возвращением в Кремль Владимира Путина и поэтому устами своего министра иностранных дел Гвидо Вестервелле послала предупреждения России о том, что та находится на «неправильной стороне истории». По сути, после 4 марта с.г. Берлин взял некую паузу в отношениях с Москвой, заявляя о том, что сейчас в интересах «новой – старой» российской власти убедить Европу в честности выборов и искренности стремления России сотрудничать с Западом. Москва же, похоже, ни того, ни другого делать не собирается, предпочитая, как и раньше, заниматься в основном коммерческой продажей российских энергетических ресурсов.

В этой связи наиболее острым является вопрос о том, сможет ли Россия найти в своем арсенале новые инструменты «мягкой силы» (soft power) по отношению к Европе в целом и Германии в частности, или же будет опираться на совсем не бесспорную военную силу и отнюдь не бесконечные нефтегазовые запасы. Дипломатический арсенал наших западных партнеров весьма широк – от концепций smart power до механизмов общественной дипломатии. Для нашей внешней политики все это пока – некие абстракции, а зря: всего за три месяца, с декабря по март, наше общество сделало больше для продвижения страны к европейским нормам демократии и гражданских свобод, чем государство за 12 лет «вставания с колен». Было бы очень печально, если бы точка зрения о том, что само государство у нас является основным препятствием для модернизации, стала доминирующей в крупнейших странах Европы, к чему уже есть предпосылки.

Блэр Рубл,
директор Института Кеннана, директор Программы по сравнительной урбанистике Международного научного центра Вудро Вильсона

Городское разнообразие в эпоху масштабных миграций

Мы живем в эпоху урбанизации и миграции. Эти две тенденции тесно взаимосвязаны, так как урбанизация и миграция представляют собой два аспекта развития человечества.

Повышение уровня мобильности населения, зачастую вызываемое глобализацией экономических сетей и потоков информации, формирует новую городскую реальность. Во всем мире растет тенденция превращения городов в агломерации районов, разделенных по этническому, религиозному, классовому или национальному признаку. В данном контексте создание эффективных органов городского управления и укрепление демократических традиций чрезвычайно важны для формирования более однородной городской среды, в которой учитываются интересы мигрантов и положительно воспринимается социокультурное разнообразие.

Вышеуказанные тенденции носят глобальный характер, но условия инкорпорации мигрантов сильно различаются в зависимости от региона. Решающее влияние на этот процесс имеют местная история, обычаи и традиции коренного населения и государственная политика. Вместо того чтобы выступать с рекомендациями, я предлагаю сначала рассмотреть некоторые принципиальные моменты, которые необходимо учитывать при разработке государственной политики в этой требующей деликатного подхода области.

Прежде всего, необходимо отметить, что в период ускоренной глобальной миграции населения, которая характерна для начала XXI века, успеха достигнут только те города, в которых будут одновременно учитываться как общие,

так и особые взгляды и интересы. Местные легенды, традиции и трактовки истории при всем уважении к ним должны оставлять место для плюрализма современности. Другими словами, городская гражданская идентичность должна каким-то образом вобрать в себя все групповое и индивидуальное разнообразие жителей. Даже в некогда разделенных по этническому или иному принципу городах должно сформироваться общее чувство ответственности за общее будущее.

Для появления инклюзивной гражданской идентичности горожане должны выработать общие принципы взаимоотношений друг с другом, поднявшись над индивидуальными и групповыми потребностями и интересами.

Города – это эпицентры растущей взаимозависимости регионов, и культурное разнообразие является их неотъемлемой особенностью. Необходимо создавать условия для регулярных неформальных встреч, способствующих культурной и социальной интеграции различных групп населения. Для этого общественное пространство (как в буквальном, так и в переносном смысле) должно быть одинаково доступным и безопасным для всех групп и слоев населения.

Порой «чувство места» и ощущение себя частью сообщества рождается из самых простых повседневных вещей. Для жителей Чикаго, вне зависимости от их расовой и классовой принадлежности, универмаг «Маршал Филдс» был одним из центров городской жизни. Это стало очевидным, когда универмаг перешел под контроль сети «Мэйсис». Традиционные местные блюда, такие как сэндвич из бифштекса с сыром в Филадельфии (Philadelphia Cheese Steak), объединяют людей, на первый взгляд не имеющих ничего общего. По такому же принципу местные спортивные команды выступают своеобразным связующим звеном, сглаживающим классовые и другие принципиальные различия.

Общность взглядов может складываться в результате совместного использования общественного пространства. Например, широкую сеть парков Монреаля одинаково свободно используют как местные англо- и франкоговорящие жители, так и мигранты. И хотя они совсем не обязательно пересекаются, сам факт их совместного присутствия на территории парка может стать первым шагом на пути создания более значимых отношений.

Известный историк джаза и радиоведущий Джамал Мухаммад отметил, что вашингтонская улица «У» (U) в последнее время стала привлекать представителей широкого круга различных поколений, рас и этнических групп. Несмотря на то, что эти полярные группы мало общаются между собой, их существование в едином пространстве неизбежно перерастет во что-то большее. По его словам, «скоро этнокультурное многообразие обретет глубину и люди будут тянуться в этот район безотносительно расовой принадлежности, объединяемые совместными интересами»[1].

Таким образом, кажущиеся незначительными моменты повседневной жизни на самом деле далеки от тривиальности, когда речь идет о формировании широкой социальной идентичности, которая вбирает в себя множество полярных и зачастую конкурирующих идентичностей. Политики, если они всерьез заинтересованы в упрочении социального единства, не должны пренебрегать подобными возможностями.

Примером может служить официальная политика городских властей Санкт-Петербурга, которые в ответ на рост насилия и преступлений на почве этнической ненависти активно способствуют развитию межкультурной толерантности.

Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности вступила в силу в 2006 году и недавно была

[1] *Butler-Truesdale S.* Paying Homage to U Street // Washington Times. 2009. October 14.

продлена еще на пять лет[2]. Она включает введение темы толерантности в школьные программы, специальное обучение сотрудников полиции, проведение культурных фестивалей и поддержку местных НКО. Несмотря на эти усилия, рост этнической нетерпимости в городе продолжается. Одной политической программой сознание жителей пятимиллионного города изменить невозможно. В то же время некоторые социологи начинают замечать глубокие изменения в сознании отдельных граждан, что говорит о том, что в городе растет толерантость по отношению к культурному разнообразию[3].

В случае Санкт-Петербурга, который самим своим существованием в значительной степени обязан иностранцам, толерантность можно стимулировать с помощью привлечения внимания к истории города. Другие европейские города, например Лодзь и Вроцлав в Польше, также делают акцент на исторически сложившемся культурном разнообразии, для того чтобы сам факт присутствия различных, непохожих друг на друга групп населения воспринимался в общественном сознании как норма.

Недавний опыт городов России и Восточной Европы подчеркивает сложность задачи содействия выработке общих ориентиров для сообществ, обладающих большими различиями. Этот процесс можно стимулировать только с помощью разносторонних и постепенных мер. При этом необходимо быть готовыми к тому, что достижение успеха потребует настойчивости и значительных временных затрат. Это не тот вопрос, который можно решить на скорую руку.

Политики сталкиваются с непростой проблемой: как создать благоприятные экономические и социальные условия для иммигрантов с учетом местной специфики и уже существующих общественных программ.

Города с растущим количеством иммигрантов должны примириться с тем, что ни один город не является статичным организмом, в каждом из них постоянно происходит процесс перераспределения приоритетов, целей и интересов. Как жители, так и предприятия и учреждения продолжают пересматривать границы социального, экономического, политического и языкового пространства. Таким образом, городская политика должна быть подвижной и предусматривать готовность к изменениям с учетом быстро изменяющихся реалий.

Такой подход значительно сложнее, чем можно предположить. Моральный релятивизм оскорбляет граждан, которые всю жизнь «играли по правилам», а теперь должны уступать тем, для кого эти правила корректируются. Решение можно найти, если достигнуть компромисса между общими традиционными представлениями и новой гибкой политикой, направленной на решение отдельных проблем. Иначе местные органы власти не смогут справиться со сложностями процессов миграции и урбанизации в условиях ускоренной мировой глобализации.

Сложность этих вопросов очевидна уже из того, что прошлое предлагает не так много примеров успешного решения проблем культурного разнообразия. При обсуждении этой темы в голову приходят в основном конфликты, которые начались еще в билейские времена с истории Вавилонской башни. Можно привести такие примеры, как напряженность в Иерусалиме, конфликт в Сараево или сегодняшние проблемы городов России и США. Говоря о Лос-Анжелесе, американцы определенного поколения в первую очередь вспоминают массовые беспорядки 1992 года на юго-западе

[2] [www.spbtolerance.ru]

[3] *Rozanova M.S.* Migration Process, Tolerance and Migration Policy in Contemporary Russia // Popson N. (ed.) Eurasian Migration Paper. Number 5: Demography, Migration and Tolerance; Comparing the Russian, Ukrainian and U.S. Experience. P. 36–53.

города или в районе Уоттс за 28 лет до этого. Многие вашингтонцы до сих пор помнят беспорядки в районе пересечения 14-й улицы с улицей «У» на северо-западе города в 1919, 1968 и 1991 годах. То же самое касается недавних событий в Лондоне и Париже.

Так как примеры расовых и межкультурных конфликтов свежи в памяти многих, мне бы хотелось остановиться на положительных исторических примерах. Начнем с города моего детства Нью-Йорка.

Историк из Нью-Йоркского университета Томас Бендер в сборнике статей, посвященном первой годовщине теракта во Всемирном торговом центре 11 сентября 2001 года, рассмотрел вопрос о значении Нью-Йорка для Америки и всего мира. «Специфика Нью-Йорка была очевидна с самого начала, – замечает Бендер. – Если пуритан вдохновляла религия, а жителей Вирджинии манили образы плантаций и богатства, то поселенцы Нового Амстердама отличались практичностью торговцев. Если в Массачусетсе и Вирджинии первым делом возвели храмы и начали проводить регулярные богослужения, то символом раннего Нового Амстердама стала отнюдь не церковь, а здание казначейства – первое солидное строение из камня, появившееся на Манхэттене.

Ограничений по приему поселенцев практически не существовало и прошлое торговых партнеров в расчет не принималось. К 40-м годам XVII века люди, жившие на территории теперешнего Нью-Йорка, говорили на 18 языках»[4].

«История города очень нетипична, – продолжает Бендер, – но именно благодаря ей здесь сложилось особое понимание общества и политики, которое приветствует различия, многообразие и конфликты, а также доллар. Характерными чертами Нью-Йорка были расслоение элит и великое множество этнических и культурных групп. В результате уже на ранней стадии существования города остро стоял вопрос о его самоидентификации»[5]. По мнению Бендера, Нью-Йорк продолжает самоопределяться, особенно после трагических событий 11 сентября.

Как и американский поэт XIX века Уолт Уитмен, Бендер полагает, что Нью-Йорк можно понять, только если прислушаться к его великолепной какофонии.

Грубо говоря, Нью-Йорк как вместилище всевозможных различий зародился у каменного здания казначейства, в бурлящей вокруг него толпе, говорившей на многих языках. Рассел Шорто, воспевая унаследованные американцами от голландцев терпимость и демократию – качества, которые он считал залогом будущего успешного развития города, – подчеркивал, что с самого начала это поселение отличалось поразительным разнообразием. Шорто пишет:

«Его основали голландцы и назвали Новыми Нидерландами, но при этом половина жителей были выходцами из других стран.

Столица Новых Нидерландов представляла собой несколько грубо сколоченных домишек, притулившихся на краю бескрайней пустыни. На ее грязных узких улочках и прибрежной линии царило поистине вавилонское столпотворение – кого там только не было: норвежцы, немцы, итальянцы, евреи, африканцы (рабы и вольные), валлийцы, цыгане, индейцы разных племен и многие другие. Эти жители задворков империи пытались найти оптимальный способ совместного существования, некую золотую середину между хаосом и порядком, свободой и гнетом. Там заправляли пираты, проститутки, контрабандисты и акулы бизнеса. Иными словами, с самого начала своего существования поселение было истинным Манхэттеном, подобного которому не было ни в северо-

[4] *Bender T.* The Unfinished City. New York and the Metropolitan Idea. New York: The New Press, 2002. P. 192.

[5] Ibid. P. 192.

американских колониях, ни за их пределами»[6].

«Вавилонская башня» в миниатюре, возведенная в Новом Амстердаме, отразила и более глубокие структурные особенности города. Его деловая элита была изначально настолько разномастной, что даже определить ее состав было практически невозможно. Бендер отмечает, что «стать членом пуританской общины города или деревни в Новой Англии могли лишь те, чья система ценностей совпадала с системой ценностей соседей. Градоначальники-пуритане, вместо того чтобы принимать «чужаков» в свое сообщество, с готовностью предлагали им «свободу держаться от нас подальше»[7].

В то же время корпоративному руководству Нового Амстердама, присланному голландской Вест-Индской компанией, приходилось принимать в свое захудалое поселение всех подряд, лишь бы это было выгодно находящимся в Голландии акционерам компании. Таким образом, ими руководили чисто прагматические соображения, а не забота о поддержаниии добродетели среди населения.

По мере того, как в поиске славы и богатства в Новый Амстердам стекались все новые группы людей, среди городских властей было все больше разногласий и конфликтов. Местных политиков не волновали ни христианская мораль, ни общественная стабильность. Для успешного управления Новым Амстердамом, ставшим позже английским колониальным городом, приходилось подстраиваться, порой вынужденно, к интересам бизнеса.

Шорто отмечает: «Заслуга голландской колонии в том, что Манхэттен изначально принял курс на общественную открытость и свободную торговлю»[8]. После установления в 1664 году британского владычества ситуация мало изменилась. Ради достижения личных и групповых интересов в любой области требовалось отказаться от антагонизма и коллективно добиваться общей цели.

Такое безоговорочное принятие «прагматического плюрализма» не всегда приводит к построению демократических институтов и установлению доброжелательных отношений между людьми. Прагматический плюрализм вырастает из вынужденной необходимости терпимо относиться к проявлениям достаточно агрессивного поведения. Прагматический плюрализм (и сопутствующая ему стратегия выживания, наглядно проявившаяся в таком динамичном космополисе, как Нью-Йорк) является лучшим доводом в пользу достижения компромиссов между отдельными гражданами и группами населения. С его помощью город лучше адаптируется к любым переменам.

Коммерческие центры, такие как Нью-Йорк и его прародитель Амстердам, основаны на объединении своего многообразного населения в деловых интересах. Почти с самого своего основания этим городам было присуще то, что Ричард Стрен из Университета Торонто и Марио Полезе из Квебекского университета в Монреале называли «социальной устойчивостью городов» (urban social sustainability). Они определяют это понятие как «политику и общественные институты, обеспечивающие интеграцию различных групп и культур в соответствии с принципами справедливости и равноправия»[9].

Нью-Йорк, Амстердам и подобные им города исторически демонстрируют способность справляться с нуждами своего многообразного населения, од-

[6] *Shorto R.* The Island at the Center of the World. The Epic Story of Dutch Manhattan and the Forgotten Colony That Shaped America. New York: Doubleday, 2004. P. 2.

[7] *Bender T.* Op. cit. P. 187.

[8] *Shorto R.* Op. cit. P. 310.

[9] *Stren R., Polese M.* Understanding the New Sociocultural Dynamics of Cities: Comparative Urban Policy in a Global Context // Stren R., Polese M. (eds.) The Social Sustainability of Cities: Diversity and the Management of Change. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 3–38.

нако их история далеко не безоблачна. Принципы «справедливости и равноправия», о которых говорят Полезе и Стрен, зачастую были выше понимания местного населения. В то же время благодаря практике прагматического плюрализма в этих городах сформировалась благоприятная обстановка для более или менее мирного сосуществования различных групп. В этих городах, как нигде в мире, укоренилась привычка спокойно воспринимать культурное многообразие. Другими словами, это города с большим запасом «капитала разнообразия».

Особо ценным ресурсом капитал разнообразия стал в начале XXI века. Наше время характеризуется быстрым и масштабным перемещением людей на глобальном уровне. Проблема миграции касается как стран исхода, так и стран приема мигрантов. Культуры диаспор, формирующиеся на основе общих тягот и невзгод, перенесенных вынужденными переселенцами, оказывают сильное влияние на общественную и культурную жизнь как тех стран, из которых они уехали, так и тех, которые предоставили кров этим «глобальным странникам» XXI века.

Мигранты создают новые проблемы практически всем крупным городам мира, поскольку именно сюда устремляются людские потоки, которые заставляют учитывать плюрализм интересов и культурных особенностей сообществ и индивидуальностей.

Традиционные представления о месте проживания и устоявшихся сообществах рассыпаются в прах в условиях небывало быстрого роста городских метрополий, мгновенного информационного обмена и стремительного перемещения людей.

В век больших скоростей достаточно сложно поддерживать гражданское сознание людей вне групповой идентичности. Новая эра, в которой отличительной чертой метрополий является высокая степень раздробленности населения, разрушает прежние представления о власти. В современных городах социальные группы вынуждены с большой осторожностью подходить к поискам собственной ниши и отстаивать свои интересы лишь в тех областях, от которых зависит их выживание или благополучие. Городская жизнь порой становится вынужденным вместилищем соперничающих друг с другом частных интересов.

Так как же городские сообщества, вмещающие в себя огромную массу транснациональных мигрантов, приспосабливаются к новым реалиям XXI века?

На первый взгляд кажется, что ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к опыту таких крупных коммерческих центров, как Нью-Йорк и Амстердам, исторически преуспевших в области накопления капитала разнообразия. Этот подход, несмотря на кажущуюся привлекательность, имеет изъяны: Нью-Йорк изначально, с момента своего основания в начале XVII века, отличался людским многообразием. Таким образом, его пример непригоден для городов, не имеющих подобной истории толерантности.

Исходя из этого, я хотел бы поразмышлять о том, как можно повысить уровень социальной устойчивости традиционно сегрегированных сообществ, опыт накопления нового капитала разнообразия которых насчитывает всего несколько десятилетий. Другими словами, я попробую проанализировать, как определенные черты, присущие таким традиционно толерантным городам, как Нью-Йорк и Амстердам, проявляются в городах, где царят более враждебные настроения.

Начну с городов, традиционно разделенных по языковому принципу. В частности, мне хотелось бы остановиться на ситуации в Монреале, где осели десятки тысяч мигрантов из различных стран. Надеюсь, что приведенные мною примеры продемонстрируют, что наряду с традиционными центрами космополитизма, такими как Нью-Йорк и Амстердам, существует множество других городов, располагающих богатыми

возможностями для вмещения разнообразия.

Монреаль идеально подходит для анализа того, как в городе создается капитал разнообразия, так как языковой конфликт на протяжении долгих лет остается определяющим фактором его культурной, социальной и политической жизни. Городские реалии сформировались под влиянием взаимоисключающих лингвистических категорий, которые по значимости превысили такие понятия, как ближайшее окружение, профессия, пол и класс. Несмотря на это, сегодняшний Монреаль стал одним из тех городов, где особенно успешно проводится политика обеспечения мирного сосуществования различных групп населения. Как же этого удалось добиться?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обратимся к образу «двух одиночеств», с которым часто ассоциируется Монреаль. В 1945 году канадский писатель Хью Макленнан написал роман «Два одиночества», где франкоговорящая Канада противопоставляется Канаде англоговорящей. Они существуют как два параллельных и настороженно относящихся друг к другу мира, раскинувшихся вдоль реки Святого Лаврентия.

«... ниже по течению, в излучине реки у холма Монреаль, – начинает автор свой рассказ о разобщенности, – ... две древние расы и религии встречаются и живут бок о бок, каждая своей обособленной жизнью»[10].

Язык – как и религия, которая зачастую лежит в основе языковых проблем, – является для Канады такой же до конца не решенной проблемой, как расовая проблема в США. Действительно, язык, культура и религия вкупе с географическим и историческими факторами несколько раз приводили канадское общество на грань полного раскола.

Монреаль, на протяжении двух веков являвшийся самым крупным канадским городом (в 70-х годах XX века первенство перешло к Торонто), населен представителями обеих языковых групп и по сей день остается эпицентром обсуждения языковых и межкультурных проблем.

Присущие Монреалю сложности исторического развития языка, религии и этничности в значительной мере обусловлены тем, что после захвата территории в 1763 году англичане разрешили французам, к тому времени уже жившим в Верхней Канаде, сохранить основные общественные институты: католическую церковь, учебные заведения и гражданский кодекс. Французские канадцы переместились в небольшие приходы и сельскую местность. Монреаль был отдан на откуп колониальной администрации и ее торговым партнерам. В начале XIX века это был в основном англоговорящий город. В середине XX века миграция сельского населения в города, которая сопровождалась модернизацией экономики и секуляризацией культурной жизни, получившей название квебекской «тихой революции», способствовала восстановлению Монреаля как франкоговорящего города.

Вплоть до середины 60-х годов XX века монреальские канадцы, потомки англичан-протестантов, сохраняли за собой высшие руководящие посты, особенно в частном секторе. Франкоязычный средний класс, все более укреплявший свои позиции, и примкнувшие к нему представители высокообразованной интеллигенции требовали предоставить им возможность социального продвижения. Язык был ратным полем, на котором монреальские и квебекские представители французских сообществ пытались утвердить свою гражданскую принадлежность и получить доступ к местным источникам обогащения.

Таким образом была подготовлена почва для появления мощного политического движения, выступавшего за суверенность провинции Квебек. На-

[10] *MacLennan H.* Two Solitudes. Markham, Ontario: Fitzhenry & Whiteside, 1996. P. 3.

чалась квебекская кампания по «повторному завоеванию городской метрополии», целью которой было вновь сделать Монреаль франкоговорящим городом.

Мигранты из-за рубежа попали в водоворот растянувшегося на полвека соперничества, сказавшегося на политике, экономике и культуре Монреаля, а также на его пространственном развитии.

В последней четверти XX века языковые границы Монреаля стали неуклонно разрушаться под воздействием следующих трех факторов: притока новых мигрантов извне Североатлантического региона; расширения Монреаля за счет обширных территорий пригородной зоны (что характерно для всех крупных североамериканских городов), поскольку жители центра, относящиеся к разным социоэкономическим, языковым и этническим группам, стали ездить на своих автомобилях в города, находящиеся в пригородной зоне; и наконец, появления закона № 101, обязующего иммигрантов отдавать детей в школы с французским языком, в результате чего центром этнической ассимиляции становились не англо-, а франкоязычные городские учреждения.

Эти разительные перемены в жизни города показывают, насколько транснациональные мигранты способны изменить социальные и экономические условия формирования местной политики. Несмотря на атмосферу напряженности и конфликтов, создававшуюся на протяжении последних 50 лет, социальные, экономические, культурные и политические преобразования в Монреале свидетельствуют о том, что даже в самом враждебном окружении городские сообщества способны изыскать новые возможности для адаптации различных социальных групп. Конечно, раем на земле Монреаль называть пока рано, однако его пример показывает, что положительные изменения возможны в каждом городе.

В то же время нельзя забывать, что прогресс может быть недолговечным. Городские власти должны неустанно работать над поддержкой капитала разнообразия, в противном случае он может не выдержать давления улиц. Прошлогодние события в Лондоне показали, как многолетние усилия, направленные на интеграцию жителей города, могут исчезнуть в мгновение ока.

Теперь взглянем на ситуацию в России. Когда у нас на Западе речь заходит о российских городах, тема многообразия редко выходит на передний план. Между тем настало время пересмотреть представление о них как об этнически однородных русских городах.

Население многих крупных городов России отличается заметным этническим многообразием. Например, в Казани проживают не только русские (48,8%) и татары (47,5%), но и значительное количество чувашей, украинцев, азербайджанцев, а также представителей многих других национальностей[11]. В Ростове-на-Дону, кроме русских, живут украинцы, армяне, белорусы, татары, азербайджанцы, турки и др.[12] Очевидно, что этим и многим другим городам России не чужды те же проблемы, которые давно стоят перед Нью-Йорком и Монреалем.

Не мне как американцу давать советы о решении внутренних российских проблем. В то же время я бы хотел предложить одну отправную точку для их обсуждения. По моему мнению, городам России следует подумать о создании безопасных и открытых площадок для взаимодействия между различными группами населения. Они могут иметь виртуальную форму (например, вебсайты и блоги) или вполне физическую (парки, спорткомплексы и студенческие клубы).

Необходимо одно – чтобы они играли роль так называемых «зон контакта», в которых представители различных, порой поляризованных и

[11] [http://g2p.tatarstan.ru/rus/newview.htm]

[12] [http://rostov.gks.ru]

враждебно настроенных групп неизбежно сталкиваются друг с другом в процессе повседневной жизни. Термин «зона контакта» впервые предложила Мери Луиз Пратт в начале 1990-х годов. Она определила ее как место «встреч, столкновений и дискуссий между культурами»[13].

«Зоны контакта» – это своего рода полигоны, где многообразие может постепенно из проблемы превратиться в преимущество. Именно с помощью таких зон достигают успеха города, которые воспринимают многообразие как ресурс. Как болота в природной среде, эти места смешения противоречий могут с первого взгляда показаться бесполезными. Горе-реформаторам свойственно первым делом избавляться от них в целях городского благоустройства. Такая позиция глубоко ошибочна. Зоны контакта принадлежат к наиболее продуктивным участкам городского ландшафта, и если их время от времени освежать, они будут продолжать обогощать городскую жизнь в целом. Задача властей охранять целостность таких виртуальных и реальных зон, в рамках которых общение между людьми различных взглядов (каких бы областей жизни эти различия не касались) постепенно станет вполне обычным явлением.

Существующий на сегодняшний день опыт успешного управления городским многообразием не дает достаточной базы для разработки конкретной политики в этой области. В то же время этот опыт показывает, что если действовать деликатно, можно способствовать постепенному преобразованию вынужденного сосуществования поляризированных групп населения в общую философию жизни, удовлетворяющую противоречивые частные интересы каждой группы. Изначальный успех Нового Амстердама и положительные сдвиги, достигнутые в Монреале за последние 30 лет, имеют в своей основе именно такой подход. Достижение этих целей дается непросто, однако нельзя забывать, какими чудовищными последствиями грозит альтернатива. У нас, людей XXI века, нет иного выбора, если мы хотим предотвратить преступления против человечности, подобные тем, которые совершили люди в веке двадцатом.

Перевод с английского
Асель Мак

[13] *Pratt M.L.* Arts of the Contact Zone // Profession 1991. New York: MLA, 1991. P. 33.

После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты

Владимир Сергеевич Малахов,
доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН,
директор Центра изучения проблем
гражданства и идентичности,
Former Fulbright-Kennan Scholar

В 2011 году в наш лексикон вошло слово, которое до сих пор было вполне экзотическим и употреблялось только в узких академических кругах. Это «мультикультурализм», или, как выражаются немцы, multi-kulti. Это случилось благодаря памятным заявлениям европейских лидеров – сначала канцлера ФРГ Ангелы Меркель и, вскоре после нее, британского премьера Дэвида Кэмерона (это было еще осенью 2010 года), а затем, вдогонку им, в феврале 2011 года – президента Франции Николя Саркози. Все они объявили тогда о «смерти мультикультурализма». Эти заявления породили много шума и недоразумений.

Шум улегся, недоразумения остались. Я бы выделил три. Первое недоразумение связано с плавающей семантикой этого термина. Дело в том, что он обозначает как минимум две вещи. Вещь первая – это *факт культурного многообразия*, будь то этническое, конфессиональное, жизненно-стилевое разнообразие, и будь оно обусловлено исторической разнородностью общества или миграцией; и вещь вторая – это *способ обращения с этим фактом*, с этой реальностью. Конечно же, главы европейских государств имели в виду второе значение слова. Факт разнообразия никем не ставится под сомнение. Это сложившаяся, устоявшаяся действительность современных обществ, и никто не пытается отыграть ситуацию назад – скажем, в 1950 год. Так что злорадство, с которым некоторые наши комментаторы сопровождали эти заявления, было, по меньшей мере, неуместным.

Второе недоразумение связано с мотивацией той политики, которую окрестили этим словом. У нас в России есть характерное представление, что

эта политика была мотивирована неким чрезмерным гуманизмом или либеральным благодушием. Дескать, европейцы заигрались в праздник различия, переборщили в уважении к инаковости, но потом одумались, протрезвели и начали вести себя более рационально. Но поздно. К ним уже понаехали и вошли во вкус. На самом деле, как я пытаюсь показать, эта политика была мотивирована вполне рационально-бюрократически и ничего идеалистического и гуманитарного в ее основе не лежало.

И наконец, третье недоразумение связано со степенью распространенности интересующего нас феномена. Во-первых, не надо путать риторику и практику – политику символическую и политику инструментальную. Совсем не факт, что там, где много говорят о мультикультурализме, он – в смысле реальной политики – действительно практикуется. Но даже там, где он практиковался (всего в трех странах Европы – для поддержания интриги я пока не буду их называть), все эти практики свернули еще в конце 90-х годов. Поэтому весть, которую возвестила госпожа Меркель и ее коллеги, была несвежей. Она устарела лет на десять.

Желание опровергнуть эти недоразумения и послужило главным мотивом к написанию этого текста.

Я построю свое изложение в четыре шага. Сначала о том, где, когда и почему возникает такая политика. Далее, почему от этой политики отказались. Затем, что изменилось после того, как от нее отказались. И в заключение несколько соображений по поводу национальной специфики европейских стран в их отношении к иммиграции и иммигрантам. О том, что зависит от национальных особенностей, а что обусловлено общими социально-структурными императивами.

Когда и почему в Европе возникает политика мультикультурализма

Дискурс мультикультурализма получает широкое хождение в середине 80-х годов и производит впечатление интеллектуального импорта. Действительно, одно дело Канада, где мультикультурализм был средством решения проблемы квебекского сепаратизма, или США, где он был лекарством, смягчавшим последствия расовой сегрегации, и совсем другое дело – Европа, где он был адресован мигрантам. И одно дело, когда вы говорите о таких вещах, как уважение к инаковости, признание различий и так далее, и имеете в виду собственное население, будь то квебекцы или вообще франкофоны в Канаде или чернокожие и индейцы в США, и другое дело, когда речь идет о «гастарбайтерах» – трудовых мигрантах, беженцах или тех, кто себя за таких выдает (если нет другого способа легально въехать в страну, то люди выдают себя за беженцев). Неслучайно вдумчивые наблюдатели сразу подметили, что этот дискурс был не чем иным, как символической компенсацией низкого социального статуса. Пусть работа, которую вы делаете, подпадает под аббревиатуру 3D (dirty, dangerous, difficult – грязная, опасная, тяжелая), пусть жилье, в котором вы обретаетесь, оставляет желать много лучшего и т. д., но мы вас уважаем как носителей инаковости, представителей другой культуры, другой цивилизации. Иными словами, дискурс мультикультурализма позволял перенести социальную проблематику в моральный план, перекодировать социальные отношения в отношения по поводу идентичности. Пресловутые «identity wars» (войны по поводу идентичности) – это идеологический артефакт, идеологически искаженная форма более сложных вещей. Так вот если оставить уровень публичной риторики и перейти к уровню практических политических действий, то выяснится много интересных вещей.

Например, то, что те практики и мероприятия, которые ассоциируются с термином «мультикультурализм», стали вводить задолго до того, как сам термин вошел в моду. А именно преподавание на языке страны происхождения в начальных классах школы вводили в

начале 70-х годов во многих странах, включая Францию, где «мультикультурализм» вообще был табу как нечто совершенно несовместимое с республиканскими ценностями. Ну какой во Франции может быть мультикультурализм, ведь это страна, которая признает только граждан, где нет никаких «этнических групп». Тем не менее такие уроки там вводились. Понятно, в чем состоял резон этой практики – не дать детям забыть родной язык, ведь это может стать препятствием для их возвращения на «историческую родину», родину их родителей. Больше всего эта практика продержалась в Германии в южных землях. В Баварии, например, даже существовали отдельные от немецких турецкие школы, чтобы дети, не дай Бог, не почувствовали себя немцами и не захотели остаться. Их турецкая идентичность таким образом пестовалась.

Теперь о политике мультикультурализма. Поскольку без дефиниций не обойтись, я могу предложить такое определение (хотя контроль над значениями слов – самое последнее, на что стоит претендовать): мультикультурализм – это такой способ обращения с новоприбывшим населением (повторяю, речь идет только о Европе, Америка – особый случай), когда государство *институализирует различия*. Когда государство обращается с мигрантами не как с индивидами, а как с коллективами (они же – «меньшинства», они же – «этнические группы»). Эти коллективы, или группы, становятся объектами поддержки и спонсирования. (Надо ли говорить, что тем самым – в силу этих практик – такие группы и создаются, но это отдельная тема, заслуживающая специального обсуждения.)

Как я уже упомянул, политику мультикультурализма в Европе проводили всего три страны – Швеция, Нидерланды и, с оговорками, Великобритания. Во всех остальных странах Европы это в лучшем случае была деталь символической сферы («круглые столы» по поводу межкультурного диалога или этнические фестивали, ансамбли песни и пляски и т. д.). Всерьез по пути *спонсирования меньшинств, выделения меньшинств в качестве объектов поддержки* и т. д. пошли только в этих трех государствах. Хотя, повторимся, в Великобритании в гораздо меньшей степени, чем в Швеции и Нидерландах.

Шведский мультикультурализм возник в середине 70-х и дожил до конца 90-х. Он обязан своим появлением корпоративистской и патерналистской природе шведского государства. Понятно, что это связано с пребыванием у власти социал-демократов на протяжении многих десятилетий. При них в 1975-м был принят закон о поддержке меньшинств. В этом законе *«меньшинства», образуемые мигрантами, были приравнены по статусу к историческим меньшинствам* – саамам и финнам. И так было до 1995 года. «Меньшинство» по упомянутому закону – это любая культурно отличная группа числом более тысячи человек. У каждой такой группы есть право на образование на родном языке, на отдельные программы на телевидении и радио, на издание газет и журналов, на проведение культурных мероприятий, и все это при щедрой поддержке государства.

Второй европейской страной, которая приблизительно в тот же период, что и Швеция, пошла аналогичным путем, были Нидерланды. Специфика голландского случая может быть описана следующим образом. Первый момент заключается в том, что Нидерланды – это бывшая империя, и едут сюда выходцы из бывших колоний. Это не «гастарбайтеры», а люди, приезжающие в страну на постоянное жительство, и в этом ни у кого нет никаких сомнений. Второй момент – это то, что называется традицией «пилларизации». Этот искусственный термин образовался от английского перевода (pillar) голландского zuil (столб, колонна или общественная группировка). Пилларизация в Голландии – вариант «сообщественной», или «консоциативной», демократии, которую описывал еще Аренд Лейпхарт в своей знаменитой книге о

«многосоставных обществах»[1]. Коль скоро общество состоит из сегментов, из отделенных друг от друга сообществ, то способ организации политии, механизм политического сосуществования этих сообществ – это наделение каждой общины (в голландском случае это католики и протестанты плюс секулярные силы) отдельными квазиавтономными институтами. У каждой «колонны» свои школы, кассы взаимопомощи, дома престарелых, СМИ, жилищные кооперативы, профсоюзы, поликлиники и т. д. Предполагалось, что мигранты тоже станут такой «колонной», которая будет подпирать здание общества. Но закавыка в том, что уже в 60-е годы эта традиция стала себя изживать. Если, скажем, в 1950 году брак между католичкой и протестантом или между протестанткой и католиком был чем-то вроде истории между Монтекки и Капулетти, то уже в 1970 году это стало уже более-менее частым явлением, а в 1980 году почти рутиной.

Как бы то ни было, эта черта политической культуры Нидерландов определила собой способ обращения принимающей стороны с мигрантским населением. А поскольку Нидерланды – бывшая империя, то для выходцев с ее периферии, мигрантов из бывших колоний, существует особый режим доступа и особые правила предоставления гражданства. Они либо автоматически получали голландский паспорт, либо после выполнения процедуры чисто формальных процедур регистрации. Следующий этап – собственно трудовая иммиграция, когда к индонезийцам, суринамцам и антильцам присоединяются «гостевые рабочие» – выходцы из Турции, Югославии и Марокко.

Ну а в 1973 году грянул экономический кризис. Ситуация, которую я описываю, не специфически голландская, а общеевропейская. Она была характерна для всех на тот момент развитых индустриальных стран – Германии, Швейцарии, Бельгии, Австрии. Везде в 1973–1974 годах набор «гастарбайтеров» прекращается. Но, как говорил Макс Фриш, приглашали работников, а приехали люди. Люди привезли с собой семьи. Они правдами и неправдами оставались в стране, где проработали многие годы. Причем зачастую они работали в рамках юридически оформленных договоров между странами. То есть эти люди работали по контрактам, делали большие налоговые отчисления, выплаты в фонды социальной поддержки и т. д. И если они в таком режиме пробыли в стране 10, а то и более лет, то понятно, что возвращаться многие из них не захотели. Их планы на жизнь изменились. Это, кстати, очень любопытная вещь: не только их считали гастарбайтерами, гостевыми рабочими, но и они сами себя таковыми считали в определенный момент. А потом их жизненная траектория изменилась.

Нидерланды в этом смысле ничем не отличались от многих других стран. Их специфика лишь в том, как они стали реагировать на эту ситуацию. В 1983 году они приняли программу, которая называлась «Политика в отношении этнических меньшинств». Целью этой политики провозглашалась «интеграция мигрантов при сохранении их культурных особенностей». Объектами программы стали девять групп: турки, марокканцы, антильцы, молуккцы[2], суринамцы, южные европейцы, беженцы[3], синти и рома (цыгане) и «тревеллеры»[4]. Итак, *мультикультурализм по-голландски (как, впрочем, и по-шведски) – это программы социальной поддержки, адресованные определенным – выделяемым*

[1] *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.

[2] Христиане с Молуккских островов в Индонезии, воевали на стороне Нидерландов против Японии и против Джакарты, когда Джакарта воевала за свою независимость.

[3] Именно так, хотя классификация, в которой «беженцы» находятся в одном ряду с «марокканцами» и «суринамцами», заставляет вспомнить о китайской энциклопедии, выдуманной Борхесом.

[4] Тревеллерами (travellers) в ряде стран называют кочевые народы, по поводу происхождения которых идут споры (например, шотландские, ирландские, норвежские, шведские тревеллеры).

государством – группам. Кого отнести к категории «этническое меньшинство», решает государство. Иными словами, статус «меньшинства» или отсутствие такого статуса определяется не какими-то объективными характеристиками, свойствами группы, а бюрократией. Например, китайцы не были отнесены к «этническим меньшинствам». Забегая вперед, замечу, что программа была свернута в 1994 году, так как голландский истеблишмент счел ее неэффективной.

Когда наши сограждане слышат об этих программах – о 110 языках, на которых в Стокгольме в 1995 году преподавали в начальных классах школ, или о щедрых грантах, которые мигрантские организации получали в Амстердаме, Роттердаме и Гааге, – они обычно пожимают плечами и высказываются в том смысле, что европейцы впали в безмерный идеализм от избытка денег. Между тем дело заключалось вовсе не в идеализме, а в том, что *голландские и шведские власти на тот момент именно так понимали интеграцию мигрантов*. Целью этих дорогостоящих мероприятий была контролируемая интеграция. Я хотел бы подчеркнуть слово «контролируемая». Власти этих двух стран стремились вовсе не к тому, чтобы сохранить чью-либо культурную самобытность, а к тому, чтобы предотвратить появление «этнического андеркласса». То есть избежать ситуации, когда этнические и социальные границы совпадают, когда низкий социальный статус накладывается на этнические различия.

И наконец, особый случай – Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии. Я неслучайно заметил, что здесь нужны оговорки, поскольку в Великобритании никогда не было того щедрого великодушного welfare state (государства всеобщего благосостояния), как в Скандинавии и Нидерландах. Здесь поддержка этнических меньшинств (британцы называют их также «расовыми меньшинствами») заключалась прежде всего в их правовой поддержке и защите. Британцы, как известно, не гнушаются такой категорией, от которой у французов волосы бы дыбом встали, как «расовые отношения» (race relations), и выделяют целый ряд живущих в стране «рас».

Две основные «расы» – это *Blacks* (чернокожие) и *Asians* (азиаты). «Чернокожие» – это прежде всего афрокарибцы, выходцы с островов Карибского бассейна, а под «азиатами» имеются в виду выходцы из Индии, Пакистана и Бангладеш; китайцы и выходцы из Юго-Восточной Азии не подпадают под категорию «Asians», для них зарезервирована отдельная категория. «Чернокожие» и «азиаты» являются объектами правовой защиты. Это значит, что они могут апеллировать в суде к тому, что нарушены их права не как индивидов, а как представителей этнического (расового) меньшинства. Существует Комиссия по расовому равенству (Commission on Race Equality), которая с 1976 года мониторит такого рода случаи. И если вдруг возникает подозрение в дискриминации по расовому признаку, скажем, при приеме на работу, то инициируется соответствующая жалоба. Она формулируется как жалоба на несправедливое обращение с расовой группой. У Комиссии по расовому равенству рекомендательные функции. То есть она не наделена властью, но, следуя ее рекомендациям, в Великобритании ввели, например, элементы этнического квотирования при наборе кадров в полицию. Это несколько напоминало политику «утвердительного действия», которую вели в Америке[5]. Но именно напоминало. Столь далеко по пути «позитивной дискриминации», как американцы, британцы не пошли.

Так вкратце выглядела картина в пору увлечения мультикультурализмом.

[5] «Утвердительное действие» (affirmative action) – совокупность мер по преодолению последствий расовой дискриминации, которые заключались прежде всего в расово-этническом квотировании. Определенные позиции (например, места в университетах) резервировались для представителей расово-этнических меньшинств. К последним поначалу были отнесены только афроамериканцы и потомки индейцев.

Причины отказа от политики мультикультурализма

Как я уже заметил, в Нидерландах и Швеции флирт с «мультикультурализмом» продлился до середины 90-х годов. Соответствующие программы сворачиваются именно в этот период. В Британии же сворачивать было особенно нечего, поэтому там просто переименовали Комиссию по расовому равенству в Комиссию по гражданскому равенству и правам человека.

Почему же произошел отказ от политики мультикультурализма? Можно было бы ответить: слишком накладно для бюджета. Но это было бы упрощением. Здесь играли роль административно-бюрократические соображения, а именно: стала понятна нереализуемость, непрактичность самого «мультикультуралистского» подхода. Ведь ясно, что чем больше приезжало людей, тем больше было потенциальных претендентов на статус меньшинства – и по количеству мигрантов как таковых, и по количеству потенциальных претендентов на статус группы. Не говоря уже о том, что внутри каждой группы обнаруживалась еще масса групп. Скажем, куда деть курдов, которых причислили к туркам? Оказалось, что это крайне непрактично. Ну и, разумеется, совершенно неподъемно для бюджета, поскольку в середине 1990-х уровень безработицы среди мигрантского населения был в среднем в три раза выше, чем среди местного населения, а среди молодежи этот разрыв был еще большим. Например, в Швеции в это время безработных среди местного населения насчитывалось 7,3%, а среди мигрантов и их детей – 30,6%[6]. В Нидерландах от 20 до 40% мигрантской молодежи не имело работы[7]. А платить пособие по безработице нужно всем. Мало того, что это непомерная нагрузка на бюджет, это еще и провоцирует социальное напряжение и рост правого популизма.

Что касается остальной Европы, то здесь поворот от плюрализма к ассимиляционизму наблюдается повсеместный. Хотя в Европе употребляется не слово «ассимиляция», а слово «интеграция». Но, как заметил Зигмунд Бауман, «интеграция» – это политкорректное имя для ассимиляции. Поворот к ассимиляционизму произошел в начале 2000-х годов и был обусловлен сменой общественного умонастроения. Кризис welfare state, с одной стороны, теракты 11 сентября – с другой, резко меняют климат в обществе. Растет влияние ультраправых, они усердно и не без помощи массмедиа изображают миграцию исключительно в образе угрозы. Угрозы «государству всеобщего благосостояния», угрозы безопасности, угрозы социальной сплоченности, угрозы идентичности и т. д. В результате происходит следующий идеологический эффект: структурная маргинализация мигрантов воспринимается как морально-психологическая проблема, как проявление нежелания мигрантов интегрироваться. Взгляд, очень популярный в России. Но, в отличие от Европы, у нас почти не слышны голоса тех экспертов, которые показывают, что корень проблемы не в психологии и не в культуре, не в чьем-то желании или нежелании, что это проблема социально-структурного свойства.

Что изменилось и что не изменилось после отказа от политики мультикультурализма

Изменений немного, поскольку и в эпоху, когда эта риторика была в фаворе, и в эпоху, когда от нее отказались, на повестке дня стоял один и тот же вопрос.

[6] См.: *Soininen M.* "The Swedish Model" as an Institutional Framework for Immigrant Membership Rights // Journal of Ethnic and Migration Studies. 1999. Vol. 25. No. 2. P. 694.

[7] См.: *Entzinger H.* The Rise and Fall of Multiculturalism: The Case of the Netherlands // Joppke C., Morawska E. (eds.) Towards Assimilation and Citizenship: Immigration in Liberal Nation-States. Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2003. P. 68.

Это вопрос об интеграции мигрантов и их потомков. И поскольку задача осталась, то осталось и многое из того, что появилось в ту эпоху.

Начнем с объективных границ возможных изменений.

Во-первых, коль скоро долгосрочной целью является включение мигрантов в жизнь принимающего сообщества, некоторых вещей невозможно не делать. Например, не разрабатывать специальные учебные программы для детей, плохо знающих язык страны, не формировать для них дополнительные классы, не вводить дополнительные часы и т. д. В противном случае через пять лет вы будете иметь хулиганов и двоечников, а через 10 лет – преступников.

Во-вторых, либеральные демократии по определению не могут решать свои проблемы репрессиями. Они не могут воспрепятствовать некоторым действиям людей, если это действия в рамках закона. Например, запретить строительство культового здания или открытие религиозной школы[8]. Если есть иудейские, протестантские и католические культовые сооружения и школы, то почему бы не быть индуистским и исламским? Если государство по своей политической системе является либеральной демократией, то оно обязано гарантировать соблюдение тех прав и свобод, которые записаны в конституции. А если писаной конституции нет, как в случае Великобритании, то эти права и свободы гарантированы монархом. Примечательно, что принц Чарльз в свое время заявлял о намерении после восшествия на престол изменить один из королевских титулов, став вместо Defender of the Faith («Защитник Веры», то есть христианства) Defender of Faith («Защитник веры», то есть веры вообще). По мнению принца, это позволило бы отразить мультикультурность современной Великобритании[9].

И наконец, *в-третьих*, не следует преувеличивать возможности бюрократических решений. Есть решения, которые прекрасно смотрятся на бумаге, и есть реальная жизнь, которая не очень хорошо согласуется с теми циркулярами, которые разрабатывают чиновники. Причем чиновники об этом прекрасно знают и, как правило, идут на очень серьезные компромиссы. Даже во Франции, о которой мы наслышаны как о строго «республиканской», одержимой ассимиляцией стране. Приведу пример. В период между Первой и Второй мировыми войнами дети из еврейских семей во французских школах не писали контрольные работы по субботам, все переписывали в воскресенье. А в местах компактного проживания евреев школы по субботам вообще были закрыты, зато открыты по средам, когда католики не учились, поскольку изучали катехизис. И это республиканская, «лаицистская»[10] Франция! А сегодня дети из мусульманских семей, если не хотят, то во время Рамадана ничего не пишут, и на это директор школы дает разрешение. Как видим, есть официально продекларированный «республиканизм», а есть реальные практики.

Теперь о том, что изменилось.

1. Вводятся обязательные *курсы интеграции*. Прежде всего, языковые курсы (они существовали и раньше, но не были обязательными), а также так называемые «курсы гражданской интеграции». Это несколько часов, на которых приехавших знакомят с конституцией страны, ее историей и, что особенно важно для деревенского жителя в городской среде, с тем, как себя вести в городе (как открыть счет в банке, как пользоваться общественным транспортом, как совершить покупку в супермаркете и т. д.). Курсы языковой и гражданской интеграции являются обязательными (около 30–40 часов гражданской и 600 часов

[8] Запрет возводить минареты, принятый недавно в Швейцарии, касается именно внешнего вида культового сооружения. Нельзя запретить построить мечеть или открыть молельню.

[9] [http://lenta.ru/lib/14171278/full.htm]

[10] Лаицизм (от слова laïcité – светский) – принцип строгого отделения церкви от государства.

языковой интеграции в год). На сегодняшний день многие страны увязывают предоставление гражданства с успешно сданным тестом на интеграцию. В частности, такая практика существует в Австрии, Дании, Германии, Греции, Нидерландах, Великобритании, Люксембурге, Франции и Испании, хотя во Франции и Испании эти тесты формальные, в то время как в Австрии и Дании – довольно жесткие. Кроме того, вводятся тесты для супругов, если те хотят переехать на постоянное место жительства к мужу или жене.

2. Происходят заметные сдвиги в *символической сфере*. Это те или иные меры символического характера типа запрета в 2004 году на ношение «демонстративных» религиозных символов в публичных школах во Франции. В финансируемых государством школах нельзя появляться в кипе, носить на видном месте крест и, главное, мусульманский платок. Другие символические мероприятия из того же ряда – упомянутый выше запрет на строительство минаретов в Швейцарии (2009 год) и на появление в публичных местах в никабе, то есть паранджe, во Франции и в Бельгии (2010 и 2011 год соответственно).

3. В *сфере образования*, помимо упомянутых специальных классов для детей, не знающих языка, произошли довольно значительные изменения в учебных программах. Теперь они отражают растущее культурное разнообразие. В недавно изданной нашим Центром книге[11] есть небольшая, но емкая статья Есемин Сойсал о школьных учебниках, прежде всего по истории и литературе, в сегодняшних европейских странах. Автор показывает, как в этих учебниках проявляется отказ от white man burden, бремени белого человека, от европоцентристских иллюзий. Иначе говоря, «националистическая» ориентация в школьных программах сменяется «космополитической».

4. *В правовой сфере* следует выделить следующие сдвиги:

а) жесткое законодательство против дискриминации по этническому или религиозному признаку;

б) как это ни парадоксально, *либерализация законов о гражданстве*. Казалось бы, на фоне обязательных тестов по интеграции, о которых я упомянул, это идет в противофазе. Тем не менее, за редкими исключениями (можно назвать всего несколько стран, где это не так), европейские государства сегодня либерализируют правила натурализации. И происходит это при одновременном ужесточении правил въезда, то есть для тех, кто за пределами Европы, правила ужесточаются, а для тех, кто внутри, открываются широкие возможности на пути к гражданству. Сокращается срок постоянного проживания, необходимый для ходатайства о гражданстве, во многих странах вводятся элементы «права почвы» для детей мигрантов. Подчеркну, именно права, т. е. обязательства государства. Это значит, что по достижении совершеннолетия (обычно 18 лет, кое-где 21–23 года) человек не просто ходатайствует о гражданстве и ждет решения (поскольку оно оставлено на усмотрение властей), а имеет такое право; и если ему в нем откажут, это будет поводом для судебной апелляции;

в) в логику либерализации законодательства о гражданстве вписывается и *изменение отношения к институту двойного гражданства*. Если раньше в Европе это была едва ли не революционная практика (двойное гражданство разрешалось в Ирландии, Франции, Португалии и некоторых других странах), то сегодня двойное гражданство либо введено – а это большинство стран Европы, – либо на него смотрят сквозь пальцы. Это значит, что, хотя оно формально не разрешено (в частности, в Германии, Нидерландах и Испании), оно существует де-факто. В Германии

[11] Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции. Под ред. В.С. Малахова, В.А.Тишкова и А.Ф. Яковлевой. М: ИКАР, 2011.

на сегодня 2 млн человек имеет двойное гражданство;

г) кроме того, во многих странах Европы вводится *избирательное право на выборах в местные органы власти для неграждан, легально проживающих в стране*. В этом отношении наблюдается общий тренд. Если прежде очень многие страны рассматривали гражданство как венец интеграции, как своего рода премию за усилие человека по включению в жизнь принимающей страны, то теперь логика обратная. Теперь предполагается, что гражданство – условие успешной интеграции. Его надо предоставить, чтобы облегчить процесс интеграции. В противном случае интеграция застопоривается. Чем дольше удерживать человека в ситуации лишенности каких-то прав, доступа к каким-то ресурсам, тем больше вероятность того, что он будет маргинализироваться.

5. И наконец, об изменениях в *социокультурной сфере*.

Начнем с неотменяемых проявлений разнообразия на уровне повседневности. Это и дресс-код – джелаб, хиджаб, тюрбан и т. д. (на предстоящей Олимпиаде в Лондоне сикхи будут иметь возможность появляться на публике в полном традиционном одеянии, а оно включает в себя кинжал). Это и халяльные мясобойни, и магазины халяльной и кошерной пищи, а также соответствующие отделы в супермаркетах. Это отдельные участки на кладбищах для мусульман. Это возможности проведения погребальных обрядов по индуистскому образцу. Это теоретически равный доступ для священнослужителей всех конфессий в казармы и тюрьмы. Это широкомасштабные фестивали этнических культур, будь то фестиваль Welt Kultur в Берлине или карнавал Noting Hill в Лондоне. Кстати, Noting Hill, этот гигантский праздник афро-карибской культуры, был впервые проведен в 1964 году в ответ на атаки местных неонацистов на чернокожих в 1959 году. Карнавал стал ежегодным и собирает порядка 2 млн каждый август, являясь вторым после бразильского. Такой вот праздник различия. Понятно, что для бюрократической машины подобные фестивали – это инструмент репутационных приобретений государства, улучшения его имиджа на мировой арене. Когда в Германии случились страшные нападения на турецких женщин со смертельным исходом[12], тогдашний канцлер Гельмут Коль высказался в том смысле, что Германия это не страна, враждебная иностранцам (Auslaenderfeindlich), а страна, «дружественная по отношению к иностранцам» (Auslaenderfreundlich). Иначе и быть не могло. Ибо, если бы закрепился имидж Германии как страны ксенофобии, это бы очень дурно сказалось на немецком экспорте.

Последнее из нововведений – не знаю, к какой сфере его отнести, к образовательной, социокультурной, или выделить в отдельную сферу «*государственно-церковных отношений*», – это подготовка имамов на территории европейских стран. Опять же резон таких нововведений был вполне практический. Понятно, что лучше подготовить у себя предсказуемого священнослужителя, чем импортировать непредсказуемого откуда-нибудь из Саудовской Аравии.

Национальные модели иммиграционной и интеграционной политики

По этому поводу существует клише – и я должен признаться, что сам принял участие в его распространении, – согласно которому есть три модели: ассимиляция, сегрегация и плюрализм. Ассимиляция характерна для Франции,

[12] В ноябре 1992 года в городке Мёлн в земле Шлезвиг-Гольштейн впервые в истории послевоенной Германии произошло расово мотивированное нападение со смертельным исходом. В дом, где проживали турецкие семьи, были брошены бутылки с зажигательной смесью. Погибла пожилая женщина и две девочки, 10 и 14 лет. Аналогичная вылазка неонацистов имела место в мае 1993 года в местечке Золинген в земле Нордхейн-Вестфаллен. Погибло пять человек. Оба случая вызвали острую реакцию гражданского общества. На демонстрации, осуждавшие расизм, вышли миллионы людей по всей стране.

сегрегация – для Германии, а плюрализм – для Великобритании. Такие модели, в лучшем случае, – теоретический конструкт. И насколько хорошо этот конструкт описывает реальность – вопрос открытый. Скорее плохо, чем хорошо. Почему я думаю, что плохо?

Во-первых, как уже отмечалось, есть официальные декларации и есть реальные практики. Ассимиляционистская Франция и плюралистическая Британия на уровне повседневности мало чем отличаются друг от друга. Скажем, мечетей в этих странах примерно одинаковое количество (порядка 1600 в Британии и 1500 во Франции). Да и Германию язык не поворачивается назвать страной сегрегации, когда видишь, какие там колоссальные деньги вкладываются в программы по интеграции – более 400 млн долл. ежегодно. Недавно на одной конференции американцы говорили о том, что США, где на эти программы тратится всего 40 млн долл., пора брать пример с немцев.

Во-вторых, то, что на первый взгляд кажется результатом работы модели, на деле может оказаться результатом прагматических соображений. И здесь великолепный пример дает опять-таки Германия, эдакая «черная овца» современной Европы. Я имею в виду то обстоятельство, что Германию долгое время стигматизировали как страну, которая упорно не желала обновлять свое законодательство о гражданстве, цеплялась за устаревший закон, опиравшийся на нормы 1913 года[13]. Реформа произошла только в 1999 году, а вступил в силу новый закон о гражданстве в 2000 году. С легкой руки Роджерса Брубейкера было принято объяснять эту ригидность немецких элит их приверженностью этническому пониманию природы нации[14]. Дескать, если вы понимаете нацию как гражданское, политическое, территориальное сообщество (как во Франции), то у вас будет более открытая политика в сфере иммиграции и более инклюзивное законодательство о гражданстве. А если вы исходите из того, что нация – это прежде всего сообщество происхождения, то и ваша политика, и ваше законодательство будут соответствующими. Если во Франции «национальность» и «гражданство» – практически синонимы и определяются по принципу территории (отсюда «право почвы» – jus soli), то в Германии национальность (Nationalitaet) и гражданство (Staatsbuergerschaft) разделяются. Национальность определяется не через территорию, а через происхождение, через родство (отсюда «право крови» – jus sanguinis). И Германия, повторяю, упорно не желала вводить у себя «право почвы». Поэтому получалось, что люди, которые родились на ее территории, прожили там 10–20 и более лет (а также их дети) считались «иностранцами» и продлевали вид на жительство, тогда как «переселенцы» из бывшего СССР, часто не знавшие по-немецки ни слова, считались немцами. Во всяком случае, так обстояло дело на тот момент, когда вышла знаменитая работа Брубейкера.

Однако последующие годы показали, что приверженность Германии закону о гражданстве времен Второго рейха можно объяснить и не прибегая к спекулятивным аргументам, не апеллируя к различиям в концепциях национального сообщества. У немецких властей, начиная с правительства Аденауэра, был вполне понятный практический – политический – резон придерживаться определения национальной принадлежности через родство: существование ГДР. Определив, что немцем является любой индивид, который постоянно проживал в Германии на 31 декабря 1937 года (а также его потомки)[15], власти ФРГ решали две задачи:

[13] Закон о гражданстве, принятый при кайзере Вильгельме, определял, что немцем считается любой человек, чьи предки когда-либо проживали на территории одной из немецких земель.

[14] См.: *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass: Cambridge University Press, 1992.

[15] Строго говоря, концепция гражданства не имела «этнического» характера, ибо это положение относилось ко всем жителям довоенной Германии независимо от этнической принадлежности.

• они не признавали легитимности ГДР (любой житель ГДР потенциально являлся гражданином ФРГ и становился таковым, если перебегал в ФРГ);

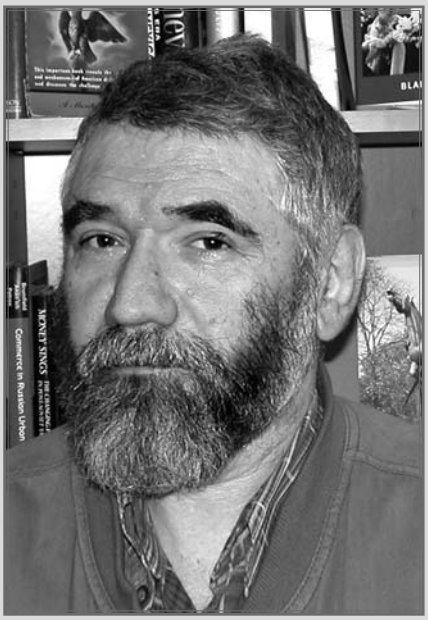
• они открывали дорогу для «репатриации» – переселения в Германию тех немцев, которые оказались за границей после 8 мая 1945 года.

Вот и объяснение «архаическому» закону. Как только прагматический резон для такого закона исчез – как только пала Берлинская стена и произошло объединение (Wiedervereinigung), – он был пересмотрен. Первые изменения в закон о гражданстве были внесены в 1990 году, затем были приняты поправки 1993 года. С одной стороны, были ужесточены правила для въезда так называемых «этнических немцев», а с другой – началась либерализация правил натурализации для иммигрантов. Минимальный срок пребывания в стране, необходимый для ходатайства о гражданстве, был сокращен с 15 до 10, а затем и до 8 лет, а также оговорены условия предоставления гражданства детям, которые либо родились в Германии, либо прибыли туда до достижения 12-летнего возраста. То есть в немецком законе тут же появились элементы jus soli – того самого «права почвы», которого, если исходить из «этнической» концепции национального сообщества, здесь быть не могло. А новый закон о гражданстве (1999) еще более последовательно вводит «право почвы» – все дети мигрантов, родившиеся в Германии после 1 января 2000 года, по достижении 23-летнего возраста получают немецкий паспорт (правда, при условии, если не выразят желания принять гражданство страны происхождения родителей).

Но это еще не все. Если мы присмотримся к тому, как выглядит та «ведущая культура» (Leitkultur), интеграция в которую ожидается в Германии от мигрантов, то мы там не найдем ничего специфически этнического. Разумеется, требуется знание языка и знакомство с Конституцией. Но культурная адаптация, культурное включение в жизнь принимающего сообщества описываются в самых нейтральных (и этнически не окрашенных) терминах. Любопытно, что даже в Нидерландах от мигрантов ждут чуть большего, чем в Германии. Там их заставляют во время курсов по интеграции смотреть видеоролик, где показывают женщин topless, целующихся мужчин во время брачной церемонии, беснующуюся толпу на рок-концерте (и все это выдается за черты «голландской культуры»). В Германии же, когда на таких курсах описывают содержание «немецкой культуры», оказывается, что вся она сводится к уважению к правам человека, принципу верховенства закона и равенству полов. А что касается «немецкой культуры» в бытовом аспекте, то мигранты узнают, что немецкая кухня – это pommes frites (картофель фри) и café au lait (кофе с молоком), что немецкая поп-музыка сложилась под влиянием британского и американского рока и что в немецкой футбольной сборной играет много выходцев из Турции и Польши. Словом, та самая Германия, о которой у нас представления как о стране Мартина Хайдеггера и Эрнста Юнгера, едва ли не дальше всех в Европе зашла по пути «процедурного либерализма».

Это, на мой взгляд, хороший повод к тому, чтобы перестать повторять банальности о модели «сегрегации», противостоящей модели «ассимиляции», и обратить взор от спекулятивных теорий к вечно зеленеющему Древу жизни.

Религия и церковь в становлении гражданской нации



Владимир Сергеевич Кржевов,
кандидат философских наук,
заместитель заведующего кафедрой социальной философии
философского факультета МГУ

Методология анализа и основные понятия

Обсуждение данной темы требует нескольких предварительных замечаний. Прежде всего, представляется целесообразным уточнить смысл двух ключевых понятий – «гражданское общество» и «гражданская нация», нередко употребляемых как синонимы. Поскольку содержание первого из них сегодня также трактуется неоднозначно, важно точно указать на те феномены, которые характеризуются при его помощи. Так, вослед Гегелю, термин «гражданское общество» используется мною для обозначения тех структурных компонентов социального организма, которые четко отграничиваются от «государства». Это последнее, в свою очередь, рассматривается прежде всего как *институт* публичной власти. При этом следует принять во внимание, что гражданское общество исторически формируется и укрепляется по мере разложения и распада общества сословного, постепенно «замещая» его собой. В итоге, используя термин «гражданское общество», мы в историческом плане фиксируем изменения в положении некоторого политически интегрированного множества людей, обладающих отныне одинаковым правовым статусом (граждане государства), но при этом не входящих в публичные властные структуры (аппарат государственной власти). В странах, обладающих развитым демократическим режимом, возможно формирование второго структурного

Статья написана при поддержке РГНФ, проекты № 11-03-00050 «Этнос и нация в глобализирующемся мире» и № 12-03-00514 «Концептуализации общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании».

уровня гражданского общества, представляющего в этом случае совокупность некоммерческих и непрофессиональных институтов и организаций, обеспечивающих деятельность граждан за рамками названных сфер[1]. Отметим сразу, что в демократических странах религиозные общности, существующие в территориальных пределах государства и представляющие собой строго добровольные объединения разделяющих общую веру индивидов, являются неотъемлемой частью гражданского общества. «Церковь» в этом случае понимается как организационная структура таких религиозных объединений.

Вместе с тем применительно опять-таки к демократическим государствам в качестве особого структурного элемента следует еще выделить политические партии и движения, поскольку они являются и частью политической системы (но не государства!), и в то же время свободно сформированными добровольными объединениями граждан. Тем самым такие партии и движения можно рассматривать как своего рода средостение между гражданским обществом и аппаратом государственной власти.

В отличие от «гражданского общества», термин «гражданская нация» будет использоваться для обозначения особого рода *культурной* общности, обнимающей людей, живущих в четко очерченных политических границах и в большинстве своем обладающих набором устойчивых общих черт (знаний и определенных ценностных установок, а также интериоризованных стандартов и стереотипов социального и политического поведения). Важнейшей чертой такой общности является присущее ее членам отчетливое сознание своей гражданской принадлежности и ответственности (сознание «мы – граждане») и вытекающего отсюда права соучастия в делах, направленных на реализацию общих интересов. Среди ценностных предпочтений, необходимо присущих «гражданской нации», следует в первую очередь выделить принцип верховенства прав человека. Особая значимость этого принципа обусловлена тем, что только в случае его соблюдения у людей сохраняется способность «управлять и быть управляемыми в качестве свободных граждан».

Сообразуясь с такой логикой, можно видеть, что «гражданское общество» не просто возникает в силу единовременного политико-правового акта, утверждающего формальное равенство, но формируется в течение некоторого времени – по мере действительного, а не чисто декларативного разрушения сословных перегородок. В дальнейшем мера его зрелости и развития напрямую сказывается в способности направлять деятельность институтов власти согласно принципам правового равенства граждан и защиты их интересов. Отсюда также ясно, что и «гражданская нация» не рождается спонтанно и одномоментно, обретая себя лишь в результате усилий, направленных на упрочение гражданского общества и его институтов в их взаимодействии с государством. Вместе с тем, начиная с известного момента, уже ставшая «гражданская нация», знаменуя собой новый уровень консолидации общества, оказывается важнейшим фактором его стабильного развития.

Проблема культурной интеграции стратифицированного общества

Сегодня общепризнано, что интеграция индивидов на основе общей им всем системы «смыслов-ценностей-норм» является непременным условием поддержания целостности социальных организмов. Однако по мере развития общественного неравенства

[1] Здесь возникает известное затруднение, связанное с существованием независимых СМИ, чья деятельность в большом числе случаев также связана с получением прибыли. Формально это противоречие неразрешимо, поэтому приходится прибегать к допущению ad hoc, делая исключение из общего правила. Понятно, что такое исключение применимо только к тем СМИ, которые действуют строго легально, в рамках демократической конституции.

решение этой задачи становилось все более и более затруднительным. Одной из составляющих нарастающего обособления основных общественных страт было развитие в каждой из них своей собственной и достаточно специфической субкультуры. Наиболее ощутимым это культурное своеобразие становилось тогда, когда имущественное расслоение и различия в качестве и престижности исполняемых индивидами социальных ролей достигали крайних пределов. Тем самым для обществ такого типа создавалась сложная проблема, которую они были вынуждены решать постоянно, но всегда лишь с переменным успехом, – проблема поиска путей и способов культурной интеграции групп и слоев, во-первых, обладающих несхожими и нередко конфликтными интересами, а во-вторых, довольно сильно отличающихся друг от друга в своем мировосприятии и ценностно-нормативных установках[2]. Наработанные в истории принципы и приемы такой интеграции известны – разработка и последующая индоктринация «идеологии», провозглашаемой общеобязательной; такая идеология поддерживалась всеми средствами государственного принуждения, вплоть до уголовных репрессий против «диссидентов» и инакомыслящих. (В скобках замечу, что именно в этом – принудительно-обязательном – характере, а вовсе не в объединяющей всеобщности заключается основной смысл выражения «государственная идеология».) Среди основных ее функций – легитимация наличного социально-политического порядка, а также связанная с первой функция формирования индивидуальной идентичности – в части сознания принадлежности к определенному политически организованному сообществу («единому народу»). Конкретные формы и степень выраженности такого сознания могли сильно варьировать в зависимости от наличных форм политической организации, социального статуса индивидов и групп и других привходящих обстоятельств. Тем не менее «общая картина мира», фундирующая «программы» культурной интеграции, непременно должна была содержать идеи и представления, способные наполнить смыслом человеческое существование – даже и в невыносимых условиях[3].

Двойственная роль религии в стратифицированном обществе

Поскольку на протяжении тысячелетий именно религия оставалась доминирующей формой мировоззрения, содержание религиозных учений в обществах с ярко выраженным неравенством – при всех конкретно-исторических вариациях – модифицировалось как раз в русле решения этой задачи. Тяжкое угнетение и сильнейший контраст с относительно обеспеченной жизнью верхов наряду с протестными настроениями обуславливали стремление людей из низших слоев общества получить хоть какую-нибудь компенсацию. И если на ранних стадиях существования стратифицированного общества эта задача решалась созданием культов особых богов – подателей помощи, защитников и покровителей слабых и угнетенных, то дальнейшее нарастание порабощения и эксплуатации приводит к значительным подвижкам в умонастроении широких народных масс. Поскольку надежды на обретение благополучия в земной жизни становились все более призрачными, получает признание идея непременного искупления страданий и воздаяния за попранную справедливость в мире «ином».

[2] Исторической иллюстрацией этого положения могут служить отмечаемые исследователями различия «народного» и «аристократического» миропонимания, все более и более усугублявшиеся по ходу становления Римской империи. См. об этом: *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. М., 1977; *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

[3] В современной социологии такие идеи и представления порой называют «универсалистскими санкциями», подчеркивая их необходимость для стабильного и эффективного функционирования общественных институтов.

Вместе с тем подобные представления и надежды, способствуя примирению угнетенных со своей участью, оказались весьма эффективным инструментом социального управления, ибо грядущее спасение в горнем мире обуславливалось требованием неукоснительного соблюдения правил и установлений, предписанных для земной грешной жизни. На этом общем принципе и строились все системы легитимации иерархического общественного строя, отличавшегося кричащими противоречиями в образе жизни «верхов» и «низов», «богатых» и «бедных». Представляется, что именно здесь следует искать истоки развития такого специфического института, как «господствующая церковь». Главной ее задачей было рука об руку с государством насаждать и ревниво оберегать не только и не столько догматы «единственно истинной веры», сколько тот освящаемый при их помощи социальный порядок, в котором люди, образующие «правящий класс» (включая самих церковных иерархов) наделялись практически неограниченными властными полномочиями и весьма значительными привилегиями. Трудно отрицать, что в этой своей роли церковь функционировала в первую очередь как политический институт, и только потом – как вероисповедная инстанция.

Вместе с тем хорошо известно, что, несмотря на все усилия «правящего класса», добиться полного примирения масс с нуждой и угнетением практически никогда не удавалось. В условиях устойчивого социального неравенства насаждение принудительного единоверия встречало неизбежное противодействие – вновь и вновь вопреки всем репрессиям возрождались всевозможные «секты» и «ереси», объединявшие людей, стремившихся во имя все той же «истинной веры» опротестовать и делегитимировать существующие общественно-политические порядки. Отсюда, в частности, следует, что, принимая во внимание одно лишь внешнее сходство догматов, символики и ритуалов какого-либо религиозного учения, мы не получим глубокого понимания его действительного бытия в культуре сообщества. Поскольку множество фактов говорит о том, что образы и символы одного и того же религиозного учения могут быть использованы для обоснования и диаметрально противоположных оценок, и направляемых ими социальных практик, постольку ставший ныне модным тезис о религии, как «образующем ядре» всякой культуры представляется сильным преувеличением[4]. В действительности, как уже было сказано, конкретные интерпретации содержания религиозных учений существенно зависимы от наличных социально-экономических и политических условий и обстоятельств. Именно эти последние во многом определяют те всякий раз специфические представления о «подлинном смысле» веры, которые принимаются той или иной культурной общностью или группой[5].

Церковная реформа как условие развития демократического государства

Рассматривая историю в перспективе «долгого времени», нельзя не видеть, что там, где происходили крупномасштабные изменения социальных условий и форм социальной организации, обязательно менялись как интерпретация религиозных учений, так и характер деятельности церквей. Поэтому метаморфоза западноевропейского христианства, начавшаяся в эпоху Но-

[4] Подробнее об этом см.: *Рассел Б.* Почему я не христианин. М., 1987.

[5] «Приверженность к какому-либо верованию, – пишет М. Блок, – ...становится неким узлом, где переплетается множество сходящихся черт, будь то социальная структура или способ мышления. Короче, она влечет за собой проблему *человеческой среды в целом*». (курсив мой. – *В.К.*). Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 22.

вого времени, не находит достаточного объяснения в одних только вероучительных различиях с христианством «восточным». Более важным ее источником представляются совершавшиеся тогда глубинные преобразования «человеческой среды». И если, по мысли Фридриха Энгельса, в феодальном обществе католическая церковь давала ему высшую санкцию, будучи в то же время одним из структурных элементов системы феодальных отношений, то по мере прорастания и развития в этом обществе элементов отношений буржуазных и роль церкви, и ее статус претерпевали неизбежные изменения.

Доминирующая направленность этих трансформаций обуславливалась тем, что по своей внутренней сути буржуазно-демократическое общество требует секуляризации государства. Соответственно – пусть очень медленно и непоследовательно – совершается выход церкви за пределы собственно политической системы и ее преобразование в добровольное объединение верующих, входящее в состав нарождающегося гражданского общества. С этой точки зрения можно говорить о том, что общий итог западноевропейской Реформации не ограничивается одним лишь переосмыслением христианской догматики и сменой этических доминант – не менее важным ее результатом оказывается утрата церковью (будь то реформатской или ортодоксально-католической) статуса политического института, обладающего непосредственными властными полномочиями в масштабах всего социального организма. Тем самым и принадлежность к той или иной религиозной общности перестает расцениваться в демократическом обществе как маркер гражданской и политической благонадежности человека, а вера (точнее, мировоззрение) становится делом его свободного личного выбора.

Историческое своеобразие социально-политической системы России. Православие как государственная религия

В свете приведенных выше общих соображений рассмотрим некоторые важные для обсуждаемой темы особенности устроения российского государства и его идейного оснащения. Прежде всего отметим, что со времен Московского царства российское общество было интегрировано и организовано в первую очередь политически (через центральную власть) и в гораздо меньшей степени – экономически («внутренний рынок» долгое время был довольно аморфным и значительно сегментированным – свободно формируемые связи в нем были весьма нестойкими и неравномерными). Наряду с этим, общественные отношения характеризовались чрезвычайно высоким уровнем стратификации – с наибольшими разрывами между стратами по двум осям: политической и имущественной; отношения профессионально-квалификационных страт выстраивались несколько более сложным образом, но разнообразие и неравномерность их распределения как в социальном, так и в физическом пространстве были также весьма значительны[6].

В целом же разделенное на сословия общество было чрезвычайно гетерогенным, социальные лифты развиты весьма слабо, социальная мобильность очень затруднена. Все это дополнялось весьма высоким уровнем этнического разнообразия, так как в единое государство были инкорпорированы народы, сильно отличавшиеся друг от друга по характеру и уровню развития культуры.

В этих обстоятельствах поистине судьбоносное значение приобретает стратегия, избранная верховной влас-

[6] Примечательно, что когда в XIX веке за рамками традиционных отношений вызревает новая общественная группа, для нее находят весьма характерное наименование – «разночинцы». Думается, что уже одна только этимология этого термина как нельзя более точно выражает противоречия и напряжения в социокультурном пространстве России того времени.

тью для решения проблемы формирования общегосударственной идентичности и легитимации политического устройства. Как известно, основанием для системы общих «идеологических координат» в Московской Руси и затем в Российской империи служила концепция «православного царства». Тем самым инкорпорированные в империю неправославные общности неизбежно дискриминировались (хотя и в разной степени). Со временем устоялась своеобразная иерархия религиозных общин, причем в понимании государственных чиновников принадлежность к ним человека всецело определялась фактом рождения. Напомню, что в официальном языке российского государства, где люди и без того были разобщены сословными перегородками, имели хождение синонимичные термины «инородец» и «иноверец», недвусмысленно указывающие на правовой статус соответствующих социальных групп[7]. Люди, подпадавшие под эти определения, лишались иногда самых элементарных прав. На государственную службу всех видов практически допускались только принадлежащие к государственной же церкви православные; исключения были и крайне редки, и весьма избирательны (в основном они делались для отдельных лиц, исповедовавших протестантизм, реже ислам). Зато выход из православия считался крайне предосудительным и, в соответствии с законодательством, мог повлечь существенное ущемление «прав состояния» (показательна в этом смысле история графа Бенкендорфа, смертельно боявшегося, что Николаю I станет известно о его тайном переходе в католичество).

Наряду с этим есть еще ряд фактов, которые никак невозможно обойти вниманием. Дело в том, что и самое православную общность России нельзя считать однородной. Характерное для нее множество локальных вариантов можно все же свести к двум основным типам. Исследования показывают, что до Октябрьской революции православие, практикуемое жителями больших и средних городов, довольно ощутимо отличалось от того, что получило название православия «народного», крестьянского по своему существу, поскольку тогда основная масса тех, кого называли «народом», были крестьянами. А в крестьянском православии – оставляя в стороне весьма распространенные сектантские, протестные верования, – всегда был ощутим сильный привкус язычества и таковой же обрядности[8]. Давно замечено, что эта особенность вообще характерна для крестьянской культуры – языческое миропонимание соответствует повседневной жизни крестьянства, поскольку напрямую вырастает из способа его существования, закрепляясь веками монотонно воспроизводимой практики. (Подчеркнем, однако, что теперь этот тип культуры принадлежит истории, поскольку ни того крестьянства, ни его ментальности в современной России больше не существует.)

Сказанное подтверждается целым рядом свидетельств, собранных исследователями русской деревни еще в конце XIX – начале XX века. При этом в крестьянской культуре отмечается очень характерный мотив резкого неприятия православных приходских священников, которые зачастую расценивались мужиками как агенты правительства, как некое чужеродное включение в крестьянский мир. И тому были основания. Вот, например, история с письмом деревенского священника, который информирует своего епископа, что крестьяне его деревни не ходят к исповеди. Это 80-е годы XIX века. Следует типичная реакция властей – епископ обращается в администрацию, администрация присылает роту солдат, крестьян секут,

[7] Подробнее об этом см.: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие. М.: Изд-во НЛО, 2012.

[8] Эти черты «народного православия» получили замечательное воплощение в поэме Николая Клюева «Заозерье». Здесь весьма наглядно и образно показано, что языческие верования, хотя и облаченные в христианскую форму, прочно удерживались в культуре русской деревни.

и после этого они выстраиваются на исповедь к священнику.

Но и этим дело не исчерпывается. Когда мы говорим о православии, о его роли в русской культуре, то можем уверенно различать еще и православие рафинированных интеллектуалов, богословов, таких как Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, и их почитателей и последователей. Но, к сожалению, было (и есть) нечто совсем иное – православие городского мещанства, маргиналов, «охотнорядцев»-погромщиков. А ведь они тоже – и, должно быть, вполне искренне – считали себя верующими, причастными к той же самой «православной русской духовности».

В итоге, несмотря на некоторые подвижки в отношениях государства и религиозных общностей, начавшиеся после революции 1905 года, имперские власти так и не сумели найти и задействовать надежное идейное основание для культурной интеграции российского общества. Но чем менее результативной оказывалась проводимая в этой сфере политика, тем большее значение придавалось сугубо символическим элементам и декларативным утверждениям о несокрушимой верности православному учению и прочности единения в нем. В результате, как отмечает в этой связи Пол Верт, вплоть до Октябрьской революции «в России не сложился гражданский строй, при котором все население страны объединялось бы одинаковыми правами и обязанностями, и конфессии являлись одним из главных факторов разделения общества на обособленные компоненты»[9].

Принимая во внимание одни лишь эти (далеко не исчерпывающие) характеристики реалий русской истории, можно утверждать, что в течение очень долгого времени «народ России» как культурное целое оставался консолидированным и очень слабо, и очень неравномерно, пребывая в том своеобразном состоянии, которое в терминах Питирима Сорокина можно было бы охарактеризовать как общность отчасти даже «номинальную», а в основном – «полуорганизованную». Другими словами, значимость «смыслов – ценностей – норм», обеспечивавших интеграцию внутри социальных страт и локальных групп, была много важнее значимости тех, что выражали единство государства. Притом что для этих целей использовались одни и те же понятия и символы, представление о своей общей принадлежности к Российской империи в самосознании большинства ее подданных (даже этнических русских и православных) было выражено очень и очень смутно. Это обстоятельство неизменно драматически сказывалось в кризисных ситуациях, почти всегда подпитывая настроения, чреватые политическим разобщением и даже распадом страны.

На первый взгляд, положение радикально изменилось после совершения «социалистической революции» и утверждения «советского строя». Но только на первый взгляд. Дело в том, что подобно России самодержавной, созданное большевиками государство тоже было выраженной идеократией, только в значительно более высокой степени. На роль несущей идейной конструкции вместо пресловутой уваровской триады было назначено «всепобеждающее учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина»; его четко оформленные догмы должны были взять на себя функцию «образующего ядра» – новой «идеи-правительницы», связующей воедино все еще остающееся весьма разнородным культурное пространство советской империи. Сверхмощная официальная пропаганда в соединении с тотальной цензурой и постоянно действующим механизмом репрессий по идеологическим мотивам позволяли поддерживать впечатление всеобщего приятия «научной идеологии марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма». Нельзя не признать, что с формальных позиций

[9] *Верт П.* Указ. соч. С. 44.

у новой идеологии было важное преимущество: будучи адресованной «всем трудящимся» – без учета ранее сложившихся культурных особенностей и конфессиональных различий – она вроде бы могла осваиваться и приниматься вполне добровольно, не сталкиваясь со сколько-нибудь значительным внутренним сопротивлением, тем более что формально декларировалась и приверженность принципу свободы совести. Но идеократия есть идеократия, и как таковая она испытывает идиосинкразию к любому инакомыслию. Да и господство партийной номенклатуры, в конце концов утвердившееся взамен обещанного «государства победившего пролетариата», для своей легитимации требовало не свободомыслия, а «несокрушимого идейного монолита». Именно поэтому (а не только в силу личной нетерпимости Ульянова-Ленина к религии и церкви) новая власть жестоко терроризировала священнослужителей и преследовала верующих всех толков – пока не уверилась в том, что в собственных целях можно безопасно использовать остатки авторитета РПЦ. Расчет был точный – после пережитого разгрома прикормленная церковная иерархия охотно воспользовалась дарованной возможностью восстановить хоть малую часть былых привилегий – на условиях безоговорочного признания господства своих недавних палачей и покорного им услужения. Вместе с тем, следуя той же логике, и клирики, и верующие других конфессий (при как минимум молчаливом согласии «православного священноначалия») по-прежнему ущемлялись и дискриминировались[10]. В целом же положение дел в области идеологии обстояло много сложнее, нежели это изображала официальная пропаганда. В действительности идеологическое пространство в СССР было, если можно так выразиться, «многослойным» – на поверхности демонстрировалась приверженность «марксизму-ленинизму», а в глубине присутствовали публично не признававшиеся, но вполне явственные для непосредственных участников взаимодействия идейные мотивы совсем иного свойства, в том числе и националистические, и даже откровенно шовинистические. Порой они ненароком выходили наружу, отражаясь в специфическом лексиконе, широко употреблявшемся для описания отношений между «братскими народами». Среди «братьев» выделялся «старший», а все прочие занимали положение «младших»[11]. Последние тоже, впрочем, считались не вполне равными между собой – в литературе не раз приводились факты, свидетельствующие о практике ощутимых преференций для выходцев из славянских общностей перед представителями других народов СССР.

Религия в России XXI века: духовное единение или межконфессиональный конфликт?

Сказанное выше, на мой взгляд, позволяет более верно судить о состоятельности рассуждений относительно возникшего после обрушения советского режима «идеологического вакуума» и желательности его заполнения реанимированными «традициями русской духовности», якобы полнее всего воплощенными в православии. Если действительно острую проблему поиска оснований культурной интеграции народа Российской Федерации рассматривать всерьез, нужно бы принять во внимание, что даже в

[10] В последние десятилетия существования СССР РПЦ МП получала даже что-то вроде негласной поддержки со стороны «безбожной власти»; и хотя жизнь религиозных общин по-прежнему проходила под жесточайшим контролем партийно-государственных органов, положение этой церкви было все же много лучшим, чем у других религиозных общностей и организаций.

[11] Представляется, что именно желание подыграть этим, увы, весьма прочно утвердившимся мысленным стереотипам, побудило Владимира Путина в своей программной статье «Россия: национальный вопрос» прямо заявить, что русские являются «государствообразующим народом». Здесь особенно примечательно, что политический деятель, не раз говоривший о своей обеспокоенности по поводу возможного распада России, публично оглашает идеи, реализация которых более всего чревата этим печальным исходом.

эпоху Николая I «казенное православие» и таковая же «народность» с этой ролью не справлялись. Отсюда вряд ли можно признать обоснованными весьма настойчивые ныне попытки апеллировать к якобы счастливо наработанному в нашем историческом опыте «культурному коду», открывающему пути единения всех россиян. Те, кто эксплуатирует подобного рода идеи, явно игнорируют многие и многие реалии, выдавая желаемое за действительное[12]. Вместе с тем за такими рассуждениями отчетливо просматриваются далеко не бескорыстные стремления ряда высших должностных лиц государства и представителей РПЦ МП политически и идеологически закрепить особое положение этой церкви, признав православие «государствообразующей религией».

Несмотря на многочисленные декларативные опровержения, РПЦ МП явно стремится если не де-юре, то де-факто восстановить для себя статус государственной церкви, что, на мой взгляд, очень опасно, потому что, если даже здесь нет прямого умысла, это, как уже было в нашем историческом прошлом, повлечет (и уже повлекло) дискриминацию всех остальных религиозных общностей. Нередко привычным рефреном звучит, что, вот, мол, согласно учению Иисуса Христа «несть ни эллина, ни иудея». Обычно это толкуется в том смысле, что единение в общей вере способствует преодолению прежних различий. В отношении некоторых таких различий это может быть и верно, но в более широком плане это очень благостное толкование. Историческим фактам больше отвечает другое прочтение: «эллин и иудей» – это ведь не этнонимы в нашем современном понимании, это имена – обозначения другой религиозной принадлежности, т. е. имена «язычников», способных «обратиться», принять «истинную веру», стать последователями Иисуса Христа. Отсюда ясно, что чаемое единение во Христе не столько преодолевает прежние разграничительные линии, сколько заменяет их новыми – христиане отныне противостоят инаковерующим. Хорошо известно, что впоследствии по той же логике совершалось размежевание и в самом христианском мире. Выше уже говорилось о значении социальных и политических факторов, оказывающих существенное влияние на то, как именно разными людьми понимаются и на какие действия ориентируют положения, казалось бы, одного и того же вероучения. Поэтому попытки, ссылаясь на традицию, вновь рассматривать православие как исток и средство национального единения, а принадлежность к нему – как главный критерий политической лояльности, чреваты серьезными последствиями. В социологии (особенно в той ее отрасли, что специально занимается проблемами социальных конфликтов) уже давно сформулировано правило: риск нарастания внутренней напряженности в обществе существенно снижается, когда удается свести к минимуму вопросы, требующие общего согласия. Но вопросы веры и тем более вопросы, связанные с толкованием смысла религиозных учений, явно не принадлежат к числу тех, где такое согласие достижимо. Поэтому наиболее разумным выходом было бы последовать опыту тех стран, где религиозная принадлежность стала частным делом индивидов, а связанные с этим проблемы рассматриваются сугубо приватно, не выходя на уровень общегосударственных.

Еще одним тревожным симптомом духовного кризиса современной России является безосновательное и очень опасное в многонациональном и многоконфессиональном государстве безоговорочное отождествление русской этнокультурной идентичности с идентичностью религиозной, более того, с принадлежностью именно к РПЦ МП. Здесь в ходу уже не только ложная фор-

[12] В обсуждении этой темы решающее значение имеет тот факт, что в стране, располагавшей, как нас уверяют, столь замечательной традицией единения, одни православные люди торговали другими, такими же православными; не говоря о физических истязаниях и моральных унижениях, которым подвергались крепостные крестьяне. И ведь это события не столь отдаленного времени, когда, по логике, уже должна была вызреть упомянутая традиция.

мула «русский – это обязательно православный», а совсем уже нелепое «истинно русский – это прихожанин РПЦ». О том, что именно такое понимание превалирует среди значительной части служителей этой церкви и ее прихожан, свидетельствуют многочисленные выступления и публикации в недавнем прошлом митрополита, а ныне Патриарха Кирилла (Гундяева) и людей из его ближайшего окружения. Уже несколько лет они настойчиво повторяют, что представление о России как о многоконфессиональной стране является ошибочным, поскольку-де народ ее искони был и остается «православной общиной»[13]. Соответственно, всех, кто не принадлежит православной церкви, предлагается рассматривать как «религиозные меньшинства». Поскольку к этим заявлениям едва ли не автоматически подверстываются высказывания, где вероисповедание отождествляется с этничностью, постольку вместо духовного единения мы получаем перспективу углубляющегося размежевания и нарастающую вероятность развития конфликтов на этнической и религиозной почве. К величайшему сожалению, противоречие подобных рассуждений неоспоримым фактам, а равно и Конституции РФ, нимало не смущает приверженцев этих взрывоопасных идей.

Очевидно, что сегодня одной из насущных задач внутренней политики Российской Федерации является содействие формированию единой гражданской нации. Однако важно отдавать себе отчет в том, что гражданская нация в России находится в эмбриональном состоянии, причем очень долгое время. Как уже было сказано, преодоление подобного положения вещей возможно только соединенными усилиями гражданского общества и государства, поскольку спонтанно, сама собой гражданская нация не возникает. И одной из важнейших составляющих ее формирования должны стать усилия, направленные на размыкание религиозных сообществ, достижение их открытости через деятельное утверждение веротерпимости на основе принципов свободы совести и равноправия всех форм и видов мировоззрения. Но, увы, руководство РПЦ МП сегодня демонстрирует прямо противоположные устремления. В подтверждение можно привести очень характерный пример. Несокрушимая позиция церковных иерархов – это противодействие так называемому «прозелитизму» иных христианских конфессий. Поскольку вопреки действующему закону церковь считает всю территорию РФ своей т. н. «канонической территорией», присутствие здесь проповедников иных религий рассматривается как нечто совершенно недопустимое. Ничего общего с принципами веротерпимости и свободы совести эта позиция не имеет. Нельзя не видеть, что здесь реализуется та политика, которая очевидным образом усугубляет разрывы в обществе. А оснований для разрывов хватает и без этого.

Большевики, конечно, допустили страшную ошибку, когда, стремясь к освобождению людей, начали принудительно искоренять религию. Насильственное подавление свободы совести никогда ни к чему хорошему не приводило – только к конфликтам и нарастанию ожесточения. Этой катастрофической ошибкой сейчас очень ловко пользуются церковные публицисты, работающие в парадигме «атеизм – это заведомо плохо, а религия, вера – заведомо хорошо». Но ведь эта позиция в корне неверна, потому что в современном сверхсложном обществе, где тесно взаимодействуют миллионы людей, принадлежащих разным культурам, положительные результаты может дать только свобода личного самоопределения, когда человек сам выбирает мировоззрение, а сделанный выбор никак не сказывается на его социальном статусе и не влечет ущемления его прав и свобод. Гражданская нация консолидируется ровно в той мере, в какой этот принцип становится общепризнанным.

[13] *Митрополит Кирилл.* Россия – православная, а не «многоконфессиональная» страна // Радонеж. 2002. № 8; *Чаплин Всеволод, протоиерей.* Идеал единства // Эксперт. 2004. № 31; *Сысоев Даниил, священник.* Понятие «традиционные религии» как главное препятствие делу православной миссии // Благодатный огонь. 2003. № 10.

Балтийский путь к демократии: опыт Латвии

Юрис Розенвалдс,
доктор философских наук,
декан факультета социальных наук
Латвийского университета

Эта статья посвящена прежде всего развитию Латвии за последние 20 лет, хотя и в сравнении с другими балтийскими странами – Эстонией и Литвой.

За прошедшие два десятилетия Латвия, как и другие балтийские страны, пережила очень многое. Вначале был энтузиазм «песенной революции», необычайно высокая степень политической мобилизации, когда третья часть нации собиралась на демонстрации в центре Риги. Кульминацией «песенной революции» стал «Балтийский путь» – живая цепь от Таллинна до Вильнюса из взявшихся за руки людей в пятидесятую годовщину пакта Молотова – Риббентропа. В августе 1991 года Латвия восстановила свою независимость, утраченную в 1940 году, и была принята в члены ООН в сентябре 1991 года. Как и другие балтийские страны, Латвия избрала путь восстановления довоенных государственных институтов. Таким образом, довоенный политический опыт сыграл значительную роль в последние 20 лет развития латвийского государства и общества. Этот опыт включает в себя и 12 лет демократического развития после принятия Конституции 1922 года, и авторитарный режим Карлиса Улманиса в 1934–1940 годах. Это был достаточно мягкий, но, тем не менее, авторитарный режим. Таким образом, обращение к прошлому, столь характерное для латвийской политической культуры, означает и обращение к демократическим традициям 20–30-х годов, и глорификацию «сильной руки».

В постсоветском развитии Латвии, равно как и других стран Балтии, можно выделить три основных этапа. Первый этап – это начало 1990-х годов, когда в

центре были вопросы политического развития, в том числе вызывающий до сих пор споры вопрос о гражданстве, решение которого напрямую было связано с произошедшими за послевоенные годы демографическими изменениями. В Латвии и Эстонии, где эти изменения оказались очень существенными, политическая элита (при поддержке значительной части населения) избрала путь восстановления довоенного корпуса граждан, что, в свою очередь, означало потерю гражданского статуса для подавляющего большинства послевоенных приезжих. В Литве, где в силу разных причин демографические изменения не были столь существенными, восторжествовал «нулевой» вариант гражданства.

В 90-е годы начались фундаментальные социально-экономические реформы, которые в Эстонии были проведены быстрее и эффективнее, чем в Латвии и Литве. Справедливости ради надо сказать, что в Эстонии с точки зрения унаследованной от советского периода структуры народного хозяйства была гораздо более благоприятная ситуация, чем, например, в Латвии. Это стало одной из причин того, что после 1990 года ВНП в Латвии упал на 50%, а в Эстонии он сохранился на прежнем уровне, что обеспечило хорошие предпосылки для дальнейшего развития. Трудности резких социально-экономических перемен привели к тому, что в середине 90-х годов энтузиазм «песенной революции» постепенно сменился отчуждением от государства. Довольно быстро это проявилось в падении уровня политического участия. Социально-экономические реформы, которые проводились под заметным влиянием неолиберальной идеологии, привели к усиленному расслоению общества, росту социальной напряженности, что, впрочем, не ограничилось серединой 90-х годов, а продолжается до нашего времени.

Второй этап был связан с начавшимися в 1997–1999 годах переговорами о вступлении Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз и НАТО. Следует подчеркнуть, что переговоры о вступлении в ЕС стали мощнейшим вестернизирующим фактором. Многие положительные изменения, которые произошли в Латвии и других балтийских странах в первые пятнадцать лет после восстановления независимости, не произошли бы, если бы политикам и обществам балтийских стран постоянно не напоминалось о необходимости следовать принятым Европейским союзом критериям и о том, что неспособность и тем более нежелание их придерживаться означали бы отказ от вступления в этот «клуб». В этом смысле балтийские страны были послушными учениками.

Третий этап – это вступление в ЕС и НАТО в 2004 году, что тоже существенно поменяло ситуацию. Латвия, Литва и Эстония стали равноправными членами «клуба», что, в свою очередь, значительно уменьшило возможности политического давления со стороны «старых» членов Европейского союза. Результатом явилось то, что в Латвии, равно как и в других странах – новых членах ЕС, произошло известное, хотя и не очень значительное, отступление назад с точки зрения развития демократии, усиление популистских тенденций. Другой характерной чертой этого периода стал очень существенный приток европейских денег, который привел к быстрому (и несбалансированному) росту экономики и благосостояния. Многим в Латвии казалось, что вот наконец-то мы будем вознаграждены за лишения переходного периода. Экономика Латвии в эти годы росла как на дрожжах, темпы роста ВВП достигали 12%. Но затем последовал кризис, катастрофическое падение ВВП на 18% за один год. В других балтийских странах была похожая, хотя и менее драматичная ситуация. Для преодоления кризиса Латвия избрала путь внутренней девальвации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Многие говорят, что Латвия спасала безответственно кредитовавшие нас шведские банки за счет уровня жизни своего населения. Тем не менее результат налицо – Латвии удалось выйти из глубокого кризи-

са: по данным Eurostat, в 2011 году прирост ВВП составил 5,5% по сравнению с 1,5% в Европейском союзе в целом[1]. Латвия еще не достигла предкризисного уровня, но, тем не менее, прогнозы достаточно оптимистичные. В том, насколько мирно – несмотря на драматические урезания государственного и муниципальных бюджетов, сокращение заработной платы и другие «прелести» внутренней девальвации – происходил выход из кризиса, существенную роль сыграли настроения в обществе, готовность избирателей идти на жертвы во имя будущего социально-экономического роста. Нельзя сказать, что в Латвии эти процессы прошли без каких-либо конфликтов. В январе 2009 года в Старой Риге развернулись настоящие бои между протестующими и полицией. Тем не менее то, что произошло в Латвии за эти годы, несравнимо с тем, что произошло и происходит, например, в Греции. О настроении избирателей свидетельствует и то, что на первых после начала кризиса выборах 2010 года латвийские избиратели проголосовали за те политические силы, которые были у власти в кризисные годы. Этим Латвия (равно как и Эстония) отличается от многих других европейских стран.

Заключая исторический экскурс, следует отметить, что, несмотря на все проблемы переходного периода, в Латвии, как и в других балтийских странах, сформировалась достаточно успешно функционирующая парламентская демократия, которая стоит особняком на фоне все более явно выраженного крена к авторитаризму на остальном постсоветском пространстве. Что этому способствовало? Многие современные черты балтийских демократий, равно как и их современные проблемы, в значительной мере можно объяснить на основе анализа господствующих в обществе установок политической культуры.

Можно выделить две доминирующие установки латвийского (латышского) постсоветского сознания на протяжении последних 20 лет. Это «травма» и «надежда на возвращение». Обе эти установки объединяет направленность в прошлое, что, впрочем, характерно для постсоветского сознания. Например, в этом у Латвии есть много общего с Россией, в которой самые различные группы общества объединяет отношение к опыту войны, закончившейся почти 70 лет назад. Это понимание своей идентичности через прошлое в наших обществах зачастую существенно отлично по содержанию, сходной является известная «зацикленность» на прошлом.

Что имеется в виду под «надеждой на возвращение»? Это прежде всего лозунг, который был провозглашен с самого начала «песенной революции»: «Мы хотим назад, туда, где мы были», иными словами, мы хотим вернуться в Европу. В латвийском обществе широко распространено представление, что по уровню социально-экономического развития в 20–30-е годы Латвия была на уровне Финляндии или даже Дании, а насильственное включение в состав СССР обрекло ее на отставание от этих стран. Стремление вернуться в Европу стало важным фактором консолидации общества, определило готовность ради достижения этой цели идти на известные жертвы и в то же время – открытость общества давлению со стороны западных демократий. В этой связи имеет смысл вспомнить о том, что происходило в Латвии в 1997–1998 годах. Это был кризис в отношениях с Россией, когда она начала активно поднимать вопрос о положении русскоязычного населения Латвии и правах неграждан. В этой ситуации западные страны, с одной стороны, активно защищали и поддерживали Латвию, а с другой – постоянно указывали, что отсутствие прогресса в плане натурализации и интеграции общества грозит Латвии изоляцией и ставит под угрозу ее перспективы быть принятой в Европейский союз. Подобно тому,

[1] Real GDP growth rate – volume [http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsieb020].

как Катон в свое время в каждом своем выступлении в древнеримском Сенате говорил, что Карфаген надо разрушить, каждый западный посол, приходивший к латвийским руководителям, говорил о необходимости прогресса в плане натурализации и интеграции. Западные союзники Латвии в значительной мере добились своего – именно в эти годы в стране был существенно смягчен Закон о гражданстве и сформулирована государственная политика интеграции.

В то же время в связи с «возвращением в Европу» следует различать два процесса, которые связаны между собой, но отнюдь не идентичны. Первый можно назвать «ЕС-изацией». Это трансформация законодательных норм, политических институтов и процедур в соответствии с Копенгагенскими критериями, требованиями Европейского союза в отношении стран-кандидатов. Латвия выполнила все эти требования. Благодаря ним в стране появился целый ряд важных для демократического развития институтов. В качестве примера можно привести Бюро по предотвращению и борьбе с коррупцией. Вряд ли, учитывая актуальную для Латвии проблему коррупции, этот институт вообще появился бы, по крайней мере в его современном виде, если бы не настоятельные требования западных союзников.

Но есть и второй процесс, который отнюдь не закончен и происходит гораздо медленнее. Речь идет о «европеизации» в полном смысле этого слова – изменении сознания людей, отношений между ними, готовности менять свое политическое, социальное поведение в соответствии с демократическими традициями европейской цивилизации. Если с этой точки зрения мы посмотрим на процессы демократизации на постсоветском пространстве, то увидим, что, например, по оценке Freedom House, Латвия, Литва и Эстония являются консолидированными демократиями и значительно опережают в этом плане другие постсоветские страны[2]. В то же время хорошо известно, что индекс Freedom House оценивает прежде всего то, что называют формальной демократией, определенную институциональную и процедурную структуру демократии. Но этого недостаточно. Демократия не может долговременно и успешно функционировать без демократически мыслящих граждан и демократически ориентированных политических элит. Иными словами, демократии нет без демократов. И если мы обратимся к тем международно признанным индексам демократии, которые оценивают и состояние политической культуры, тут предстанет несколько иная картина. Возьмем индекс известного журнала The Economist. В плане политического плюрализма и состязательности на выборах Латвия, Литва и Эстония оцениваются на уровне Швеции и Германии (9,58 при максимально возможной оценке в 10 баллов) и, например, впереди Соединенных Штатов. Что касается политической культуры – тут ситуация иная. Норвегия, Швеция и Германия получили в этом индексе 9,38, Эстония – 7,50, Литва – 6,25, а Латвия – 5,63 балла[3]. Конечно, по отношению к политической культуре всегда можно задать вопрос, в какой степени она является причиной и в какой – следствием. Этот вопрос важен в плане понимания несомненных успехов Эстонии по сравнению с Латвией.

Корни этих различий в темпах развития в значительной мере следует искать в сознании людей, в тех различиях политической культуры Латвии и Эстонии, которые проявились уже в 90-е годы. Возьмем отношение к демократии. По данным European Values Survey, в 1999 году 49,6% латышей и только 25,9% эстонцев считали, что демократия не способствует экономи-

[2] Nations in Transit 2011. The Authoritarian Dead End in the Former Soviet Union. P. 24 [http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/inline_images/NIT-2011-Release_Booklet.pdf].

[3] Democracy Index 2010. Democracy in Retreat. A Report from the Economist Intelligence Unit. P. 3–4 [http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf].

ческому развитию, 74,7% и 45,1%, соответственно, полагали, что демократия нерешительна[4]. В 2008 году этот разрыв остался прежним. Интересно отметить, что общий настрой в обществе влияет на такую в обеих странах существенную группу, как эстонские и латвийские русскоязычные. Я буду использовать термин «русскоязычные» (хотя у многих против него есть возражения) как более точный, чем, скажем, «русские», и отражающий язык (а не этническую принадлежность) как главный группообразующий фактор. Некоторые мои коллеги (и я вслед за ними) используют также термин «восточные славяне»: это русские, украинцы, белорусы, которые составляют достаточно гомогенную группу, в основном говорящую на русском языке в повседневном общении.

Возвращаясь к вопросу об отношении к демократии, мы видим, что в 1999 году 45,2% русскоязычных респондентов в Латвии считали, что демократия не способствует экономическому развитию (в Эстонии – 42,1%)[5], в 2008 году в Эстонии таковых среди русскоязычных респондентов было уже гораздо меньше – 26,4%, а в Латвии удельный вес скептиков возрос до 46,2%[6]. Я думаю, что это существенное изменение можно напрямую связать с экономическими успехами Эстонии. Вместе с тем это свидетельствует и о том, что при рассмотрении положения и стремлений русскоязычного населения в странах Балтии следует избегать представления о нем как о какой-то однородной массе. Это касается и исторических традиций, и степени самоорганизации, и политической культуры.

Продолжая разговор о политической культуре, мы видим большую разницу между балтийскими странами в плане отношения к национальным парламентам. В Эстонии в 2009 году 39% респондентов доверяли Рийкогу (парламенту), а в Латвии и Литве всего 6 и 10% соответственно поддерживали национальные парламенты[7]. Результатом очень низкого уровня доверия к парламенту в Латвии стали внеочередные выборы 2011 года. Вышеупомянутые цифры говорят не столько об эффективности работы законодателя, сколько об отношении к нему общества. Характерной чертой латвийского политического сознания стало неверие рядовых граждан в свою способность что-то изменить в обществе, а оборотной стороной этого (как, впрочем, во многих постсоветских обществах) – поддержка «сильной руки». Если сравнивать три балтийские страны, то в последнее время в Латвии эти тенденции выражены в наибольшей степени.

В начале статьи я уже упоминал о «травме» как об одной из определяющих черт постсоветского латвийского сознания. Речь прежде всего идет о потере независимости летом 1940 года. При всех спорах по поводу правомерности употребления термина «оккупация» в Латвии мало тех, кто будет отрицать, что добровольно мы в Советский Союз не вступали, что советский тоталитаризм лишил латвийский народ возможности демократического выбора. И дело не в том, в какой степени нахождение в составе СССР способствовало или препятствовало социально-экономическому развитию Латвии. Речь идет о потере государственности, которая повлекла за собой далеко идущие последствия в духовной жизни, структуре общества и, наконец, принудительный перевод на стратегически тупиковый путь социально-экономического развития. Второй составной упомянутой «травмы» является тот испуг, который

[4] World Values Survey. 1999–2004 Wave [http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAnalizeSample.jsp].

[5] Там же.

[6] European Values Study 2008 [http://zacat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacat.gesis.org/obj/fCatalog/Catalog5].

[7] Eurobarometer 71. Public Opinion in the European Union. 2009. Spring. P. 75 [http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb71_std_part1.pdf].

пережили, по крайней мере, две балтийских нации – эстонцы и латыши. Это в гораздо меньшей степени касается литовцев – в послевоенные годы в Литве сложилась другая демографическая ситуация, что позволило провести в стране послевоенную индустриализацию в основном за счет внутренних демографических резервов, что, в свою очередь, сохранило удельный вес литовцев постоянным на протяжении послевоенных лет. Для латышей и эстонцев изменения в составе населения, которые произошли за послевоенный период, были поистине драматическими. В конце 30-х годов латыши составляли 75% населения Латвии[8], а в 1989 году – всего 52%, при этом они превратились в меньшинство во всех больших городах. Удельный вес восточных славян возрос за послевоенные годы с 12 до 42%[9]. В Эстонии удельный вес эстонцев понизился с 88,1% в 1934 году до 61,5% в 1989 году, а удельный вес восточных славян возрос с 8 до 35%[10].

Этот испуг сыграл большую роль в том, что многие жители Латвии видели источник своих бед в тех, кого они называли послевоенными эмигрантами. И это несмотря на то, что, по оценкам экспертов, примерно треть русскоязычных жителей Латвии в годы «песенной революции» активно поддерживала идею восстановления независимости, а еще треть занимала нейтральную позицию, о чем свидетельствуют и результаты референдума 1991 года (как известно, в пику горбачевскому референдуму о сохранении СССР в Латвии, Литве и Эстонии проводились референдумы о независимости) – в Латвии число ответивших положительно на вопрос о независимости было на 12,5% больше, чем удельный вес латышей в населении страны[11]. Причем в референдуме участвовали все постоянные жители и даже военнослужащие Советской армии, расквартированные тогда на территории Латвии.

В середине 90-х годов 11% литовцев, 31% эстонцев и 46% латышей поддерживали идею, что в парламентских выборах должны участвовать только граждане довоенных республик и их потомки[12]. Из этого можно сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, популярность идеи ограничения круга граждан напрямую зависела от удельного веса жителей республики, не принадлежащих к титульной нации. Во-вторых, принятое в Латвии и Эстонии решение проблемы гражданства не было навязано обществу политической элитой, оно пользовалось достаточно широкой поддержкой.

Все вышеупомянутое определило и различия между балтийскими странами в решении проблемы гражданства. Литва с 80% литовцев и только 8% русских предоставила гражданство всем постоянным жителям. Латвия и Эстония избрали путь восстановления довоенного корпуса граждан, что лишило гражданства значительные группы постоянных жителей. Например, в Латвии после 20 лет восстановленной независимости гражданами являются 99,7 латышей и 60,3% русских[13]. В Эстонии значительно меньше так называемых «старых русских», поэтому удельный вес граждан среди эстонских русских несколько ниже. Если будете обсуждать проблему гражданства с убежденным латышским националистом, он вам скажет, что

[8] Latvijas Centrālā statistikas pārvalde [http://www.csb.gov.lv/en/statistikas-temas/population-various-characteristics-33081.html].

[9] Demoskop weekly. No. 501–502, 5. 18.08.2012 [http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10].

[10] Estonia.eu. Country. Population by Nationality [http://estonia.eu/about-estonia/country/population-by-nationality.html].

[11] Centrālā vēlēšanu komisija [http://web.cvk.lv/pub/public/27555.html].

[12] *Rose R.* New Baltic Barometer II. A Survey Study. Studies in Public Policy 251. Centre for the Study of Public Policy. University of Stratchclyde. Glasgow, Scotland, 1995. P. 24 [http://www.balticvoices.org/documents/spp-251.pdf].

[13] Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde [http://www.pmlp.gov.lv/lv/statistika/dokuments/2012/ISVN_Latvija_pec_TTB_VPD.pdf].

гражданство не восстанавливалось на основе этнической принадлежности, и будет совершенно прав. В то же время именно восточные славяне составляли подавляющее большинство послевоенных приезжих, которым для получения гражданства приходится теперь проходить через процедуру натурализации. Еще одно различие между Латвией и Эстонией заключается в том, что в Эстонии гораздо более высокий удельный вес граждан России. Граждане других государств составляют 8,8% жителей Эстонии. Из общего числа жителей других государств (120 654) подавляющее большинство (95 404) составляют граждане России[14]. В Латвии граждан России значительно меньше. Граждан других стран здесь всего 3,3%. Сейчас их число возрастает, но это не массовый процесс, который бы существенно менял общую картину. Справедливости ради следует отметить, что неграждане Латвии – это не лица без гражданства. Это уникальный статус. Во-первых, это люди, которые имеют право на возвращение в страну в любой ситуации, консульскую поддержку, их социальные права близки к правам граждан и т. п. В целом сейчас в Латвии удельный вес граждан в населении страны составляет 83,2%[15], а в Эстонии – 84,3%[16].

Почему число граждан возрастает не так быстро, как могло бы? Следует заметить, что это вопрос не только ограничений, заложенных в латвийском или эстонском законодательстве, но и мотивации тех, кто гражданством не обладает. Конечно, приходится проходить через бюрократическую процедуру, какая-то часть неграждан чувствует себя обиженной из-за событий двадцатилетней давности. Недостаток мотивации к натурализации зачастую связан со слабым знанием латышского языка, в то же время свою роль играют и чисто практические соображения. Как ни парадоксально, сегодня неграждане Латвии имеют определенные преимущества: они могут без проблем путешествовать от Владивостока до Лиссабона – паспорт негражданина позволяет свободно перемещаться и по Европейскому союзу, и по России. Гражданин Латвии для поездки в Россию должен идти в российское посольство и получать визу.

За последние 20 лет сложилась ситуация явно диспропорционального представительства этнических групп Латвии в государственном аппарате. Например, в 2002 году 92,1% аппарата министерств составляли латыши и только 5,7% – русские[17]. Эта ситуация не связана с какими-либо запретами, свою роль играет не всегда достаточное знание латышского языка, в известной мере это и вопрос традиции, потому что латыши с довоенного времени – нация крестьян и государственных служащих. Но диспропорциональность – это факт. Кроме того, в Латвии этнический фактор играет очень существенную роль в политической жизни. В этом смысле в Латвии в отличие от Эстонии сформировалась ярко выраженная связь между партиями и этническими группами. Скажем, среди избирателей, поддерживающих «Центр согласия», 27% латышей, 68% восточных славян. Остальные партии, попавшие в Сейм в 2011 году, – «Единство», Партия реформ Затлерса, «Союз зеленых и крестьян» и «Национальное объединение» – почти полностью латышские. Среди их приверженцев латышей соответственно 89, 93, 87 и 94%[18]. Характерная тенденция в политической жизни Латвии в последние годы – рост электоральной поддержки партий, ори-

[14] Estonia.eu. Citizenship [http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html].

[15] Pilsonibas un migrācijas lietu pārvalde. Statistika [http://www.pmlp.gov.lv/lv/statistika/dokuments/2012/ISVG_Latvija_pec_DZGada_VPD.pdf].

[16] Estonia.eu. Citizenship [http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html].

[17] *Pabriks A.* Occupational Representation and Ethnic Discrimination in Latvia. Riga: Nordik, 2002. P. 25.

[18] Опрос граждан Латвийской Республики после парламентских выборов 2010 года (1005 респондентов в возрасте 18–74 лет).

ентированных на русскоязычного избирателя. В 2011 году «Центр согласия» (ЦС), в основном ориентированный на русскоязычный электорат, стал номинальным победителем выборов, набрав 28,36% голосов[19]. В результате при формировании правительства осенью 2011 года развернулась бурная дискуссия о возможности вхождения ЦС «во власть». В конце концов, ЦС не вошел в правительство, но его лидеры утверждают, что не пройдет и года, как это случится. Сейчас пока трудно судить, насколько эти прогнозы оправдаются.

Изменяется ли отношение общества (прежде всего латышской его части) к усилению политического влияния «русских» партий? Ситуация меняется, но медленно. С одной стороны, вопрос о вхождении ЦС в правительство стал предметом активного обсуждения в средствах массовой информации. С другой стороны, сохраняются предубеждения против вхождения русских «во власть» среди значительной части избирателей. Непосредственно после выборов 2010 года был проведен опрос граждан Латвийской Республики, где им предлагалось выбрать между альтернативными ответами на вопросы, касающиеся межэтнических отношений[20]. Первая альтернатива: следует ли в Латвии защищать идентичности меньшинств и способствовать их развитию, или же нет необходимости допускать существование различных этнических идентичностей? На этот вопрос 57,8% латышских избирателей отвечают, да, надо защищать, надо развивать, ну а среди русских граждан такой ответ дают более 80% респондентов. А вот следующий вопрос очень важен с точки зрения демократической логики. Это вопрос о том, является ли более активное участие нелатышей в процессе управления государством благом для Латвии. На этот вопрос положительно отвечают 79% русских и всего 29% латышей. То есть на уровне кокошников, народных танцев, пожалуйста. Но как только речь заходит об управлении, на уровне обыденного сознания срабатывает известный тормоз, и люди говорят «нет». Отсюда и эффективность лозунга «Русские идут!» в политической жизни Латвии. Он до сих пор безотказно работает в плане мобилизации представителей титульной нации. Впрочем, лозунг «Наших бьют!» не менее эффективен в плане мобилизации русскоязычных граждан.

И наконец, вопрос о том, насколько интегрировано латвийское общество. Сразу следует сказать, что «снизу» больше, чем «сверху». В Латвии давние традиции совместного проживания людей различных национальностей и за последние 20 лет не было серьезных столкновений на межэтнической почве. Примерно 20% браков – смешанные, это тенденция, имеющая давние исторические корни. Проблемы в большей степени появляются на уровне политической элиты. И здесь зачастую на первый план выходят «профессиональные латыши» и «профессиональные русские». Для многих разыгрывание «этнической карты» стало основой политической карьеры. Значительными изъянами страдает и латвийская интеграционная политика последних десятилетий. Во-первых, она на протяжении последней четверти века в основном вызывалась внешними стимулами. В годы «песенной революции» это было давление союзного центра, после восстановления независимости – западных союзников. Латвии говорили «надо», латвийские политики отвечали «есть». Во-вторых, эта политика была неравномерна, то есть были подъемы и падения. В-третьих, она была непоследовательной, достижения в одной сфере были связаны с попытками реванша в других сферах. Классический пример – события 1998 года, когда после либе-

[19] Centrālā vēlēšanu komisija [http://web.cvk.lv/pub/public/30177.html].

[20] Опрос граждан Латвийской Республики после парламентских выборов 2010 года (1005 респондентов в возрасте 18–74 лет).

рализации в результате референдума закона о гражданстве в последний день работы Сейма шестого созыва был принят новый закон об образовании, который впоследствии – в 2003–2004 годах – вызвал бурные протесты русскоязычного населения. И наконец, ее всегда характеризовал патернализм, то есть представление, что латыши (вернее – латышские политики) лучше русских знают, что тем нужно, чтобы быть счастливыми в этой стране.

В последнее время в Латвии наблюдается известное усиление радикальных тенденций и с той и с другой стороны. Оно не проявляется, конечно, в каких-то столкновениях, но, тем не менее, налицо усиление напряженности в обществе. В 2011 году велась подготовка двух референдумов. Первую попытку инициировали националисты из объединения «Все для Латвии – ТБ/ЛННК», предложив все школьное образование перевести на латышский язык. Эта попытка закончилась неудачей. Необходимое число подписей не было собрано. Латышский избиратель предпочел не раскачивать лодку. В то же время эта попытка была использована радикалами с другой стороны для начала сбора подписей за референдум по русскому языку как второму государственному языку. Было собрано 183 тыс. подписей, референдум состоялся 18 февраля 2012 года. С точки зрения результата это был совершенно безнадежный референдум. Не существовало вариантов получить большинство, в глазах подавляющего большинства латышей это была провокационная попытка возвращения к русификации советского времени, что, впрочем, не означает, что вопрос о статусе русского языка не следует упорядочить – сейчас по латвийскому законодательству это иностранный язык, не более того. Весьма двусмысленную политику по отношению к референдуму занял «Центр согласия». С одной стороны, его лидеры неоднократно заявляли, что в Латвии должен быть только один государственный язык. С другой стороны, лидер ЦС и мэр Риги Нил Ушаков сам подписался за проведение референдума, чем в значительной мере способствовал успеху сбора подписей, но в то же время оттолкнул от ЦС часть латышского электората, которая на последних выборах голосовала за него, разочаровавшись в латышских партиях. Референдум продемонстрировал невиданную со времен «песенной революции» и первых после восстановления независимости выборов в Сейм активность избирателей с обеих сторон, в нем участвовал 71,13% избирателей[21]. Из них 74,8% (53,19% от общего числа имеющих право голоса) проголосовали против, 24,88% (17,69% от общего числа) – за русский язык как второй государственный язык[22].

Совершенно очевидно, что проблемы межэтнических отношений в Латвии нельзя считать решенными и после 20 лет восстановленной независимости. Приведут ли события последнего времени к дальнейшему усилению влияния этнического фактора в латвийской политике, или же, учитывая опасность обострения отношений между этническими общинами, на первый план выйдут умеренные центристские силы с обеих сторон, сейчас судить трудно. В любом случае ясно, что ключ к дальнейшему углублению процессов демократизации – нормализация отношений между общинами и разумная интеграционная политика.

[21] Centrālā vēlēšanu komisija [http://www.tn2012.cvk.lv/activities.html].

[22] Centrālā vēlēšanu komisija [http://www.tn2012.cvk.lv/].

Республика Молдова: двадцать лет независимости

Языкова Алла Алексеевна,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Средиземноморья и Черноморья Института Европы РАН

Молдова – одна из первых союзных республик, провозгласивших независимость от Москвы. Произошло это в августе 1991 года, сразу после попытки захвата власти ГКЧП, хотя за независимость тогда проголосовали далеко еще не все союзные республики (Украина – только в декабре 1991 года)[1]. И здесь, несомненно, сказалось влияние Румынии.

Основной предпосылкой утверждения национального самосознания и выхода на первый план национальной проблематики стало усилившееся в годы перестройки сопротивление политике русификации, сужавшей возможности развития национальной культуры и экономики. Одним из общих требований разнородных национальных движений стала реформа молдавского языка и его перевод на латинскую графику. Первоначально это сочеталось с поддержкой «курса КПСС на перестройку», однако уже в 1989 году на митингах в Кишиневе стали появляться румынские флаги, а предметом дискуссий в рамках учрежденного тогда же Народного фронта стали вопросы о единстве молдавской и румынской наций, осуждении пакта Молотова – Риббентропа и возможном объединении Молдовы с Румынией. На практике же пока речь шла лишь о принятии закона о языке и постепенной замене русских руководящих кадров молдаванами. Когда же в июле 1990 года Верховным советом МССР была принята декларация о суверенитете, прорумынские настроения значительно усилились и стал заметным отток не молдаван из республики.

[1] Тогда же была запрещена и Коммунистическая партия Молдовы (КПМ). В новом формате (Партия коммунистов Республики Молдова – ПКРМ) она была воссоздана в 1994 году.

19 августа, в день августовского путча, румынский президент Ион Илиеску (лидер Социал-демократической партии) направил в Брюссель своего представителя для переговоров о вступлении Румынии в НАТО. Сработала «историческая память»: если в СССР будет восстановлен авторитарный режим, то Румынии может угрожать опасность «нового пакта Молотова – Риббентропа». Молдова восприняла этот сигнал, и ее независимость была провозглашена еще до формального распада СССР. В то же время принятие законодательного акта о независимости республики поставило известную преграду призывам к объединению с Румынией.

Ориентиры внутренней и внешней политики

За истекшие годы основные ориентиры внутренней и внешней политики Республики Молдова претерпевали неоднократные и существенные изменения.

После обретения независимости в ее политике доминировал Народный фронт, где по-прежнему сильны были позиции сторонников объединения с Румынией. Но избранный всенародным голосованием в декабре 1991 года (т. е. еще до окончательного распада СССР) президентом Молдовы Мирча Снегур[2] отклонил призывы к молдавско-румынской унии. В годы его президентства, несмотря на сопротивление сторонников Народного фронта, Молдова вступила в СНГ.

В 1994 году была принята Конституция, в преамбуле которой говорится о «вековом стремлении народа жить в суверенной стране», а в специальных статьях закреплен «постоянный нейтралитет Молдовы» и запрет на размещение на ее территории вооруженных сил других государств (ст. 11). Молдавский язык (на основе латинской графики) был объявлен государственным при признании права «на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны» (ст. 13)[3].

Конституция была обсуждена и одобрена европейскими экспертами. Вскоре после ее принятия Молдова была первой из стран СНГ принята в Совет Европы.

Несмотря на все эти несомненные достижения, Снегуру не удалось в дальнейшем разрешить в свою пользу конфликт с парламентом по «российскому образцу 1993 года», и в ноябре 1996 года президентские выборы, хотя и с небольшим перевесом, выиграл спикер парламента Петр Лучинский, выступивший в союзе с тогдашним премьер-министром Андреем Сангели[4]. «Мирный переход власти от главы государства к его сопернику – случай в СНГ совсем не типичный, – замечал Дмитрий Фурман. – Тем не менее в 90-е годы, когда системы “имитационных демократий” в постсоветских государствах еще не устоялись, такое было возможно и без “цветных революций”»[5]. Если, однако, учесть, что подобная ситуация повторилась и в конце нулевых годов, то следует задуматься и о специфике внутренних и внешних факторов, определяющих политическую жизнь Республики Молдова.

В избрании на президентский пост Петра Лучинского как раз и проявилась психологическая способность молдавского общества к нахождению выхода из назревающего конфликта посредством компромисса. В советские времена Лучинский был первым секретарем ЦК комсомола, а затем – ЦК КП Молда-

[2] Выборы 1991 года были безальтернативными, поскольку другие возможные кандидаты отказались участвовать в них. Тем не менее М. Снегур получил подавляющее большинство (98,18%) голосов. Не последнюю роль в этом сыграли и его антиунионистские позиции, близкие большинству рядовых граждан Молдовы.

[3] Constitutia Republicii Moldova. Adoptata la 29 Iulie 1994. Chisinau, 1994.

[4] Подробнее об этом см.: *Фурман Д.* Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие республики Молдова // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 11. Молдова. С. 80–85.

[5] Там же. С. 86.

вии и членом Политбюро ЦК КПСС. Но при этом уже в годы перестройки он проявил себя как «реформатор» и «либерал». Важно было и то, что он в равной степени владел молдавским и русским языками.

Но первые же его попытки провести через парламент жесткие рыночные законы, на которых настаивал Международный валютный фонд, и начать борьбу против захлестнувшей страну коррупции встретили сопротивление не только парламента, но и Конституционного суда. Усмотрев в проводимых президентом мерах попытку взять под контроль элиту, представители большинства представленных в парламенте партий объединились против президента-реформатора.

Особое сопротивление вызвал внесенный в 1999 году в парламент законопроект о проведении конституционной реформы и расширении президентских полномочий, против чего объединились представители всех представленных в парламенте оппозиционных партий. В итоге законопроект, несмотря на его активную поддержку Москвой, был отклонен, и в июне 2000 года парламент подавляющим большинством голосов принял поправку к Конституции, заменившую прямые выборы президента выборами в парламенте, что означало превращение Молдовы в парламентскую республику. И здесь можно лишь вновь согласиться с выводом Дмитрия Фурмана: Молдова и на этот раз оказалась первой, если не единственной страной СНГ, пошедшей по пути не усиления, а ослабления президентской власти, и совершено это было посредством открытого голосования в парламенте[6].

В 2000 году президентом страны был избран лидер ПКРМ Владимир Воронин, пребывавший у власти два президентских срока вплоть до 2009 года. Коммунистам удалось закрепиться у власти по ряду понятных причин: на парламентских выборах за них голосовало обнищавшее население, молдавское село, большая часть которого рассчитывала на возвращение «советских порядков» и не хотела объединения с Румынией, что, согласно массированной пропаганде, могло произойти в случае прихода к власти либеральных партий. В то же время Воронин выступал за «европейский путь», приняв программу ЕС «Восточное партнерство», и сохранял при этом нормальные отношения с РФ (что было особенно важно для работающих в России трудовых мигрантов и экспортеров вин и сельскохозяйственной продукции) и США. И даже в тех случаях, когда такая «многовекторность» давала сбои, он находил выходы из положения.

В то же время главные задачи, стоявшие перед страной, – преодоление экономической отсталости, проведение экономических и политических реформ – при правлении ПКРМ не решались. По оценке Всемирного банка, Республика Молдова оставалась самой бедной страной в Европе. В 2005 году объем ВВП на душу населения немногим превышал 3 тыс. долл. На постсоветском пространстве ей уступали только Таджикистан и Киргизия, а в процентном отношении к 1973 году это составляло всего 57%. Экономика Молдовы имеет преимущественно аграрный характер, и ее состояние зависит от экспорта продукции сельского хозяйства и перечислений заработков трудовых мигрантов из России и стран Западной Европы.

Внешние связи Молдовы во многом определяются ее непростой геополитической ситуацией между Европой и Евразией, в непосредственном окружении более крупных держав – сегодня это Украина, Румыния и Россия. Все более привлекателен для нее европейский вектор внешней политики. «Насколько далека Молдавия от Брюсселя, административного центра Европейского союза? – задается вопросом директор кишиневского Центра стратегических исследований и реформ Анатолий Гу-

[6] Там же. С. 105. Президент избирается тремя пятыми голосов депутатов и может быть отправлен в отставку двумя третями голосов. В парламенте Молдовы 101 депутат, для избрания президента необходим 61 голос.

дым. – Географически это более полутора тысяч километров, политически – для постсоветских стран – тоже не близко. Но все зависит от того, с какой скоростью эту дистанцию преодолевать»[7]. И, добавим, от того, какие препятствия ожидаются на этом пути.

На практике же решение наиболее актуальных для республики задач находится в региональном пространстве, которое одним из западных авторов было в свое время названо «полем напряженности» между Россией, Румынией и Украиной[8]. На протяжении последних двух десятилетий формировавшиеся на этом пространстве отношения были постоянно подвержены воздействию «приднестровского фактора» и поиску путей урегулирования конфликта между правым и левым берегами Днестра.

Приднестровье

Приднестровская проблема возникла в отношениях Молдовы и ее сепаратистского региона – провозглашенной 2 сентября 1990 года Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) – после того, как появились заявления лидеров молдавского Народного фронта о возможном объединении Молдовы с Румынией.

Непризнанная Приднестровская Молдавская Республика, занимая лишь 12% территории страны, обладает рядом неоспоримых преимуществ: она имеет выход к Черному морю через Днестровский лиман, на ее территории сконцентрирован созданный еще в годы советской власти промышленный потенциал Молдовы. Повышению значимости республики способствует развитая инфраструктура – через ее территорию проходят две международные железнодорожные магистрали, три магистральных газопровода, две автодороги международного значения.

После вооруженного конфликта 1992 года между Молдовой и Приднестровьем в приднестровский регион были введены контингенты миротворцев из России, Молдавии и Приднестровья, предпринимались неоднократные попытки урегулирования отношений между Кишиневом и Тирасполем, были организованы переговоры в формате 5+2 (Молдова, Приднестровье – стороны конфликта, Россия, Украина – страны-гаранты, ОБСЕ – посредник, Евросоюз и США – наблюдатели). Воздерживаясь от принятия предлагаемых планов урегулирования, приднестровские руководители предпочитали устанавливать прямые экономические и деловые связи с Россией, а крупный российский бизнес успешно освоил промышленную зону Приднестровья.

Переговоры с Кишиневом были прекращены в 2006 году, когда в качестве меры по борьбе с контрабандой молдавские власти по согласованию с Киевом закрыли молдавско-украинскую границу для приднестровских товаров, не прошедших через молдавскую таможню. Приднестровские предприятия были отрезаны от постоянных рынков, в обмен на это ПМР отказалась производить с Кишиневом расчеты за поставки российского газа. Основным источником выживания на протяжении ряда лет оставалась российская финансовая помощь – выплата пенсий и пособий лицам, получившим российское гражданство, налоговые льготы для работавших под патронажем президента Игоря Смирнова предприятий.

Руководство ПМР и ее президент И. Смирнов на протяжении 20 лет пользовались традиционной поддержкой силовых структур России и некоторых влиятельных групп интересов. Во внутриполитической жизни ПМР правящая группировка поддерживала свою популярность, умело разыгрывая карту «румынской угрозы» и обеспечивая социальные выплаты населению за счет переводов из России. В то же время нарож-

[7] Moldova dintre Est si Vest, Identitatea nationala si orientarea europeana. Chisinau, 2001. P. 148.

[8] *Gabanyi A.U.* Moldova in Spannungsfeld zwischen Russland, Rumanien und Ukraine // Berichte des Bundesinstitute fur ostwissenschaftliche und internationale studien. Wien, 1996. No. 16.

дался и свой бизнес, и своя политическая элита. Лидер общественного движения «Возрождение Приднестровья» Евгений Шевчук с большим отрывом и вопреки рекомендациям Москвы был избран в декабре 2011 года президентом ПМР.

Российский фактор

Современное состояние отношений между Кишиневом и Москвой определяется целым рядом заключенных на протяжении последних полутора десятилетий нормативных актов. В декабре 1991 года состоялось взаимное признание России и Молдавии в качестве независимых государств, и уже 6 апреля 1992 года между ними были установлены дипломатические отношения. Базовый политический договор о принципах межгосударственных отношений РСФСР и Молдавской ССР, заключенный еще 22 сентября 1990 года, был сразу же ратифицирован парламентом МССР. Вместе с подписанным 10 февраля 1995 года Дополнительным протоколом он был представлен на ратификацию в Государственную думу, но ратифицирован не был, главным образом из-за противодействия тогдашнего руководства думского Комитета по делам СНГ. Как справедливо подчеркивалось в западных публикациях, борьба за власть в России выходила также и на пространства «ближнего зарубежья», включая Молдавию.

В российско-молдавском Протоколе 1995 года содержались такие важные для обеих сторон положения, как возможность граждан одной стороны пользоваться теми же правами, что и граждане стороны, на территории которой они проживают, особо акцентировались права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, «свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную и языковую самобытность». И хотя Молдавия, в соответствии с заявленным в Конституции нейтральным статусом, не могла участвовать в военно-политическом сотрудничестве в рамках СНГ, в Протоколе содержалось положение, согласно которому, в случае возникновения ситуации, создающей угрозу миру, каждая из сторон может внести предложение о проведении военных консультаций с целью преодоления такой ситуации, включая взаимную помощь[9].

До принятия Стамбульских договоренностей 1999 года[10] главными предметами российско-молдавских переговоров были вопрос об условиях пребывания на территории Приднестровья Оперативной группы российских войск и проблемы торгово-экономического сотрудничества между Россией и Молдавией. Россия также активно участвует в многосторонних переговорах по определению статуса Приднестровья, будучи, наряду с Украиной и представителями миссий ОБСЕ в Кишиневе и Тирасполе, посредником в переговорах по урегулированию приднестровского конфликта.

Россия стала инициатором подписания 8 мая 1997 года в Москве Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», в котором содержалось предложение о создании «общего государства». Последующие переговоры «утонули» в ссорах по поводу содержания этого понятия. В ноябре 2003 года Россия вновь выступила с инициативой урегулирования конфликта, получившей известность как «Меморандум Козака» (полное название документа – «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства»). На этот раз предлагался федеративный принцип внутренней организации Молдовы. Несмотря на возражения оппозиции, Меморандум был первоначально одобрен президентом Ворониным. Предполагалось,

[9] Материалы из личного архива автора.

[10] В ноябре 1999 года Россия подписала на сессии ОБСЕ в Стамбуле соглашения, согласно которым обязалась вывести свою вооруженную группировку и военную технику из Грузии и Молдавии. По заявлению представителей Министерства обороны РФ, Россия свои обязательства выполнила в основном уже к 2004 году. Но, по данным Высшего совета безопасности Молдовы, на военных складах бывшей 14-й армии в Приднестровье хранится почти 20 тыс. тонн боеприпасов, охраняемых российскими военнослужащими // Независимая газета. 2007. 15 июня.

что для участия в церемонии подписания документа в Кишинев с краткосрочным визитом прибудет российский президент Владимир Путин, который также намеревался объявить о списании части молдавского долга и снижении цен за поставляемый газ[11].

Однако буквально накануне ОБСЕ и Совет Европы официально сообщили о неодобрении документа, который не был согласован с ними как официальными переговорщиками, а в Кишиневе было распространено заявление В. Воронина, где говорилось, что подписание предложенного Россией плана федерализации Республики Молдова без согласования с общеевропейскими структурами представляется преждевременным[12]. Визит российского президента не состоялся, а отношения России с Молдавией были надолго заморожены. В сентябре 2005 года Россия ввела запрет на импорт молдавского вина и ряда видов сельхозпродукции, а еще раньше заявила о намерении повысить цену на газ до европейского уровня.

Обострение российско-молдавских отношений перенесло центр тяжести обсуждения приднестровского конфликта на региональное поле. В дело вступили Украина и Румыния. Предложения Украины по урегулированию приднестровского конфликта, впервые схематично представленные на саммите ГУАМ в Кишиневе 22 апреля 2005 года, а затем преобразованные в «План Ющенко», хотя и подверглись критике за некоторые явные ошибки и просчеты, были на региональном уровне одобрены в качестве нового подхода к урегулированию приднестровского конфликта. Созданная для конкретизации этого подхода молдово-украино-румынская экспертная группа указала на ряд факторов, препятствующих разрешению конфликта на геополитическом, региональном и местном уровнях. Предложенные конкретные меры – понижение в переговорном процессе статуса Приднестровья, дальнейшее и более глубокое вовлечение «влиятельных международных игроков в процесс урегулирования», опора на «значительное улучшение двусторонних и трехсторонних отношений между Украиной, Республикой Молдова и Румынией»[13].

Молдова и Румыния

Дипломатические отношения между Республикой Молдова и Румынией были установлены еще до распада СССР, однако обмен дипломатическими представительствами произошел лишь в январе – феврале 1992 года. В 1993 году состоялся визит в Румынию президента Молдавии Мирчи Снегура, в 1996 году – ответный визит президента Румынии Иона Илиеску. Более активными контакты на уровне глав государств и правительств стали лишь в 2000-е годы, что же касается торгово-экономических связей, то они были достаточно скромными – в 2006 году 242 млн долл.[14]

Ситуация, однако, резко поменялась после того, как в начале июля 2006 года вновь избранный президент Румынии Траян Бэсеску выступил с сенсационным заявлением о «возможном объединении Румынии и Молдовы в единое государство». «Румыния и румыны – единственная страна, единственный народ, оставшийся в Европе разделенным после воссоединения Германии... Румыния все еще остается разделенной на две страны, и их объединение произойдет внутри Европейского союза и никак иначе», – заявил Бэсеску на встрече с молдавскими школьниками – победителями олимпиады по «Истории румын» (так в Молдове назван основной исторический предмет).

[11] Коммерсантъ. 2003. 26 ноября.

[12] Там же.

[13] Трехсторонний план решения приднестровского вопроса. Аналитический документ, разработанный молдово-украино-румынской экспертной группой. Бухарест – Кишинев – Яссы. 2006. Январь. С. 11–16.

[14] Ministerul Afacerilor Externe si Integrarii Europene al Republicii Moldova – Politica externa. Romania //F:/ Moldova-Romania.htm.

О том, что заявление Бэсеску было «пробным шаром», запущенным во многие адреса, стало очевидным, если вспомнить, что к этому времени Румыния уже была членом НАТО, незадолго до этого подписала военно-политические соглашения о базировании военно-морского флота США на Черном море и готовилась к вступлению в начале 2007 года в Евросоюз. К тому же после многолетних дискуссий она заключила Базовый межгосударственный договор с Россией. Все это, согласно оценкам румынских политиков, утвердило позиции Румынии как главного игрока регионального масштаба.

Президент Молдовы Владимир Воронин опроверг любые возможности объединения с Румынией: «Ни вся Молдова, ни какая-то ее отдельная часть никогда не войдет в Румынию», хотя официальной реакции Кишинева на заявление Бэсеску не последовало. Комментируя инициативу Бэсеску, спикер молдавского парламента Мариан Лупу отметил, что она «абстрактна и нереализуема по той причине, что не может иметь своего практического воплощения». Далее он подчеркнул, что у Молдовы и Румынии есть единственная возможность сохранить добрососедские отношения, исключив из диалога проблемы, по которым они никогда не придут к общему знаменателю. Это проблемы языка, истории и нации, которые следует заменить вопросами практического значения – трансграничное сотрудничество, торговые обмены, экономические проекты, сотрудничество в гуманитарной сфере[15].

Заявления Бэсеску вызвали в общественно-политических кругах Кишинева неоднозначную реакцию. По оценке молдавского политолога Андрея Сафонова, они стали подтверждением того, что некоторые политические силы в Румынии реанимируют тезис об объединении, и если ситуация между Москвой и Кишиневом будет и далее обостряться[16], а приднестровский вопрос не будет урегулирован, то у такого подхода будет появляться все больше сторонников[17].

В ходе развернувшейся полемики на первый план также вышло обсуждение «европейской идентичности» Молдовы и ее отношений с Румынией (характера совместно и порознь прожитой истории, культурно-исторических контактов между ними и с европейскими соседями, наконец, позиции основных групп населения Молдовы по вопросу о евроинтеграции). В августе 2007 года в Брюсселе состоялась неформальная встреча заместителя министра иностранных дел Молдовы и представителя ЕС. А в январе 2008 года Совет министров ЕС одобрил Регламент о предоставлении Республике Молдова торговых преференций, что означало официальное признание ранее принятых Еврокомиссией решений о новом формате торговых отношений между Молдовой и Евросоюзом[18]. Но, по оценке уже упоминавшегося директора Центра стратегических исследований и реформ А. Гудымы, торможение европейского пути республики обусловлено неопределенностью долгосрочного курса социально-экономической и политической ориентации Молдовы. По его же мнению, отсутствие национальной стратегии объясняется также и опасениями стать для Европы страной «периферийной экономики» и резервом дешевой рабочей силы, утратив при этом выгоды традиционного сотрудничества с Россией[19]. И здесь важно указать на то, что развитие отношений Молдовы с Румынией и ее продвижение по пути евроинтеграции во многом зависит от характера ее

[15] [www.puls.md /print /ru] 2006. 29 августа.

[16] А. Сафонов имел в виду обострение ситуации между Россией и Молдавией после запрета на экспорт в Россию сельхозпродукции и молдавских вин в начале 2006 года, а также повышения цен на газ. В марте – апреле 2007 года российская сторона возобновила импорт молдавских вин и сельскохозяйственной продукции.

[17] Независимая газета. 2006. 5 июля.

[18] [www.mfa.md / noutati departamentului / 1142]

[19] Moldova intre Est si West. Chisinau, 2001. P. 90–91.

отношений с Россией, а в последнее время – и с Украиной.

Новый курс

Лидер ПКРМ В. Воронин находился у власти два президентских срока – с 2000 по 2009 год, используя то обстоятельство, что полученное коммунистами на выборах 2000 года число мест в парламенте гарантировало ему избрание на пост президента, а в 2005 году ему удалось «добрать» недостающие голоса, пообещав уступки миноритарным партиям.

Кризис наступил после парламентских выборов 5 апреля 2009 года, результаты которых были грубо подтасованы и сразу же опротестованы оппозицией. Кишинев оказался на грани спонтанной «цветной революции» и ее авторитарного подавления, но, в конечном счете, удалось избежать и того и другого. В результате внеочередных парламентских выборов (июль 2009 года) ПКРМ получила 48 депутатских мест из 101, а объединившаяся в «Альянс за европейскую интеграцию» (АЕИ) оппозиция в составе Либерально-демократической (Владимир Филат), Демократической (Мариан Лупу) и Либеральной (Михай Гимпу) партий – 53 места. Доминирующие позиции ПКРМ оказались подорванными, ведущую роль во внутренней и внешней политике получил АЕИ, однако расстановка сил в парламенте не позволила ни той, ни другой стороне добиться избрания на пост президента своего кандидата, для чего был необходим 61 голос, не говоря уже о том, что для неоднократно предлагавшегося внесения поправок в Конституцию и перехода к всенародному избранию президента необходимо иметь 67 голосов.

Попытка преодоления затянувшегося кризиса посредством проведения референдума в августе 2010 года также оказалась неудачной из-за недостаточной явки его участников, чему немало способствовали призывы коммунистов его бойкотировать. Еще одна попытка состоялась в ноябре 2011 года, когда для избрания президента не хватило одного голоса, после чего все чаще стали раздаваться здравые голоса о необходимости возврата к всенародному выбору президента. Проблема не решена до сих пор, и это, несомненно, ослабляет не только внутренние позиции АЕИ, но и международный авторитет республики.

В итоге состоявшихся 28 ноября 2010 года парламентских выборов АЕИ получил большинство (59 мандатов), а его лидирующая партия ЛДПМ – 32 мандата, сохранив за собой ключевой пост премьер-министра, на который был вновь избран наиболее влиятельный молдавский политик – Владимир Филат. ПКРМ получила на ноябрьских выборах 42 мандата, что вывело ее за рамки партий квалифицированного большинства. Однако, по мнению директора Кишиневского института общественной политики А. Барбароша, позиции АЕИ также нельзя было признать прочными из-за разногласий между его лидерами по ряду принципиальных вопросов.

В России результаты ноябрьских выборов были встречены настороженно, поскольку, не доверяя Альянсу, Москва сделала ставку на создание левоцентристской коалиции с участием ПКРМ и Демократической партии Мариана Лупу. Но по результатам внеочередного декабрьского визита тогдашнего главы администрации президента РФ Сергея Нарышкина стало ясно, что разработанный Кремлем план оказался столь же непроработанным, как и «план Козака» 2003 года. По мнению известного молдавского политолога Виорела Чиботару, итоги визита показали «несостоятельность российской политики в этом регионе»[20]. И когда в начале февраля 2011 года М. Лупу посетил Москву с двухдневным визитом в качестве спикера парламента и и. о. президента Молдовы, он не был принят никем из российских должностных лиц, что было

[20] См.: Независимая газета. 2010. 6 декабря.

воспринято в Кишиневе как отсутствие доверия к существующей власти. Неблагоприятный фон визиту создавало и то, что он совпал с принятием решения о повышении с 1 января 2011 года оплаты Молдовой поставок российского газа до уровня европейских цен.

В дальнейшем как бы сплелись в один клубок многие проблемы молдавской политики и экономики, но можно утверждать, что по итогам последнего двадцатилетия Молдова оказалась первой страной на постсоветском пространстве, пошедшей по пути смены власти правовым и конституционным способом – по итогам парламентских и президентских выборов. В то же время окончательно утвердились ориентиры внешней политики Республики Молдова, в основу которой был положен принцип многовекторности с преимущественной перспективой евроинтеграции.

10 ноября 2010 года премьер-министр Молдовы, лидер «Альянса за европейскую интеграцию» В. Филат во время визита в Брюссель официально заявил о намерении Молдовы подать заявку на вступление в Евросоюз. Выступая в конце марта 2011 года на Форуме «ЕС – Молдова» он обозначил непосредственные задачи страны на этом направлении. По его словам, большой кредит доверия, который предоставляется Евросоюзом Молдове, должен быть «преобразован в конкретные реформы по европеизации страны» – создание функциональной экономики и правового государства, реформу силовых структур, пресечение коррупции. Премьер рассказал о предпринимаемых Молдовой шагах в части предусмотренных программой «Восточное партнерство» Соглашений об ассоциации, либерализации визового режима и свободной торговле, для чего, как он подчеркнул, прежде всего необходимо создание функциональной экономики.

Однако, по оценке кишиневского «Экономического обозрения», декларируемый властями курс на европейскую интеграцию не подкреплен ни серьезным анализом перспектив и возможностей вступления в ЕС, ни разработкой научно обоснованных программ модернизации всех отраслей экономики и сфер жизнедеятельности общества с учетом возможных потрясений в случае членства в ЕС[21]. Еще конкретнее сформулировал эту же мысль «Кишиневский обозреватель»: «Вопрос не в том, ждут ли нас в ЕС, а в том, готовы ли мы». А участники состоявшегося в феврале 2012 года дискуссионного клуба указали на результаты последних социологических опросов, которые свидетельствовали об охлаждении респондентов к ЕС[22].

На фоне европейского экономического кризиса стало заметным повышение интереса к сотрудничеству с Россией, возможному вступлению Молдовы в Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России. Во время встречи премьер-министров Владимира Филата и Владимира Путина на саммите глав правительств в Санкт-Петербурге в октябре 2011 года В. Филат подписал Договор о создании зоны свободной торговли, участие в котором означает отмену экспортных и импортных пошлин (кроме нефти, газа и сахара) и открытие российского рынка для винной продукции Молдовы. Были также подтверждены достигнутые ранее договоренности об условиях пребывания в России трудовых мигрантов из Молдовы.

В правящем «Альянсе за европейскую интеграцию» не существует единого мнения по поводу внешней ориентации страны. Лидер входящей в Альянс Либеральной партии Михай Гимпу (12 мандатов по итогам последних выборов) известен как сторонник получения «пропуска в Европу» посредством «унии», то есть объединения с Румынией. Но на практике активно продвигаемая румынским президентом Т. Бэсеску идея объединения «двух братских народов» близка лишь незначительной части молдавских

[21] См.: [http://www.regnum.ru/news 15001125 html]. 2012. 18 февраля.

[22] Там же.

интеллектуалов, группирующихся вокруг не вошедшей в парламент Христианско-демократической народной партии, и не получит, согласно опросам общественного мнения, сколько-нибудь серьезной поддержки. Гораздо более популярна, особенно в среде молодежи, идея евроинтеграции. За продвижение Молдовы по этому пути в качестве независимого и единого государства высказался 61% респондентов, 23% сочли возможным объединение Молдавии с Румынией лишь при условии совместного с ней вступления в Евросоюз, а 72% опрошенных считают необходимым поддержание хороших отношений с Россией.

Но независимо от дальнейших перспектив сегодня уже несколько сот тысяч молдаван воспользовались возможностью получить румынское гражданство, преимущественно для выезда в страны Евросоюза. Румынские политики расценивают этот факт и как возможность для процессов сближения между обеими странами. В феврале 2012 года в Кишиневе был открыт филиал Социал-демократической партии Румынии (СДПР) и было заявлено о возможности избрания представителя этого филиала в румынский парламент. В последнее время желающие получить румынские паспорта появились и в Приднестровье, где молодые люди также «все более охотно принимают румынское гражданство, чтобы ездить по Европе»[23].

Как уже упоминалось, в декабре 2011 года состоялись выборы президента ПМР, итоги которых положили начало переменам в отношениях между Тирасполем и Кишиневом. Избранный президентом лидер движения «Возрождение Приднестровья» Евгений Шевчук набрал 73,88% голосов, в то время как его оппонент, «кандидат Кремля» Анатолий Каминский, поддержанный партией «Единая Россия», получил поддержку всего лишь 19,57% избирателей[24].

Пока трудно судить о результатах задуманных Шевчуком реформ. Очевидно, однако, что уже в первые дни своего президентства он пошел по пути решительной замены прежних министров и управленцев и совершил визиты в Москву (3 января) и Киев (12 января). Что еще более важно, в конце января в Одессе состоялась инициированная министром иностранных дел Украины Константином Грищенко встреча Е. Шевчука с премьер-министром Молдовы В. Филатом, где была достигнута договоренность о возобновлении практических связей между двумя берегами Днестра. Было решено возобновить экономическое сотрудничество по всем направлениям – от разблокирования ситуации с перевозкой грузов до восстановления переставшей функционировать телефонной связи. Накануне встречи Тирасполь сделал еще один важный шаг навстречу Кишиневу, открыв Приднестровье для беспошлинного ввоза молдавских товаров. Такого рода «тактика малых шагов» должна стать «мотором приднестровского урегулирования» – так сформулировали задачу В. Филат и Е. Шевчук[25].

Что же касается политической составляющей урегулирования отношений между Молдовой и Приднестровьем, то дело здесь обстоит значительно сложнее. После трагического инцидента 1 января 2012 года, в результате которого российский военнослужащий смертельно ранил 18-летнего молдаванина, в Кишиневе было официально заявлено, что Молдавия будет настаивать на изменении формата миротворческих сил на Днестре, осуществляемого под эгидой РФ и превращении ее в международную гражданскую миссию.

В молдавской прессе появилась серия публикаций, отражавших накопившееся недовольство политикой официальной Москвы, «заинтересованной в сохранении кризисной ситуации в Республике Молдова» и «делающей ставку на ПКРМ». Jurnal de Chisihau в фев-

[23] Независимая газета. 2012. 16 февраля.

[24] [http://www.regnum.ru /news/1485474.html]

[25] Независимая газета. 2012. 30 января.

ральском номере за 2012 год приводил факты участия представителей московских спецслужб в организации беспорядков в Кишиневе 7 апреля 2009 года, а также поддержки в избирательных кампаниях теряющей доверие ПКРМ[26].

На этом фоне Кишинев без согласования с Тирасполем и Москвой принял решение о введении натовских (канадских) военных инспекторов в зону безопасности, контролируемую трехсторонними миротворческими силами (Россия, Молдавия, Приднестровье). Вслед за этим в парламент Молдовы был внесен «Законопроект о защите неба». В случае его вступления в силу неопознанные самолеты, в том числе и российские, могут сбиваться без предупреждения, что российскими военными экспертами было расценено как серьезная политическая провокация и прямое нарушение смысла и сути Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 21 июля 1992 года[27].

В конце февраля 2012 года на встрече министров иностранных дел ЕС в Дублине (Ирландия) состоялся очередной раунд переговоров по приднестровскому урегулированию в формате 5+2. Впервые за долгие годы Тирасполь совершил встречные шаги, и накануне переговоров им был открыт доступ для молдавских товаров и граждан и принят ряд мер, способствующих укреплению доверия. Но ответных действий пока не последовало. Как заявил Е. Шевчук, «протянутая рука не может долго висеть в воздухе» и «встречные шаги должны быть взаимными»[28]. По мнению наблюдателей, если за этим вновь последует очередная «пауза», то это может окончательно похоронить переговорный процесс в его нынешнем формате.

Переговоры между Тирасполем и Кишиневом по определению не могут быть легкими, особенно если учесть, что еще не затянулись раны конфликта 1992 года на Днестре. Проблема Приднестровья препятствует не только решению внешнеполитических задач Молдовы, но и ее экономической и политической стабилизации. Можно поэтому согласиться с теми политиками и экспертами, которые не считали возможным отмечать на государственном уровне годовщину конфликта 1992 года на Днестре. История в этом, как и во многих других случаях, не лучший помощник. Гораздо более актуально налаживание и поощрение развития экономических и общественных, особенно молодежных, контактов между двумя берегами Днестра.

Неожиданный поворот

16 марта 2012 года после неоднократных неудачных попыток парламентом Молдовы был избран на пост президента мало кому известный юрист, беспартийный кандидат Николае Тимофти, предложенный на основе компромисса лидерами правящего «Альянса за европейскую интеграцию» и стоящими за ними бизнес группами. Эксперты сошлись на том, что Н. Тимофти пока не сможет стать центром формирования политики и контроль за властью будет осуществлять премьер-министр В. Филат[29].

Принятый молдавскими политиками курс был активно поддержан Румынией. В начале марта в Яссах состоялось общее заседание правительств Молдовы и Румынии, где был принят План действий по имплементации Общей декларации относительно стратегического партнерства в сфере европейской интеграции, а также ряд других документов.

Избрание президента Молдовы и сопутствовавшие этому шаги по сближению Молдовы с Румынией совпали с принятием Советом безопасности России решения о выделении Приднестровью экстренной помощи в размере

[26] См.: [http://www.regnum.ru/news/15001125.html].

[27] Независимая газета. 2012. 20 февраля.

[28] Независимая газета. 2012. 1 марта.

[29] *Кулик В.* Президентская карта // НГ-Дипкурьер. 2012. 2 апреля.

150 млн долл. На фоне неосторожных публичных заявлений Н. Тимофти о поддержке идеи воссоединения Молдовы с Румынией, а также о необходимости вывода российских войск из Приднестровья решение о российской помощи пришлось «очень кстати». В Тирасполе стали открыто выражать сомнения по поводу дальнейших переговоров с Кишиневом и перспектив урегулирования приднестровского конфликта[30].

Напряженность в регионе еще более усилилась после того, как Москва приняла решение об учреждении должности спецпредставителя президента РФ по Приднестровью и назначила на этот пост вице-премьера Дмитрия Рогозина, известного своими имперскими взглядами. В Молдове это назначение расценили как старт новой политики Кремля на постсоветском пространстве и de facto ужесточение формата переговоров по приднестровскому урегулированию. МИД Молдовы «выразил удивление» по поводу не согласованного с молдавской стороной назначения и попросил «необходимых разъяснений по этому решению, непосредственно касающемуся составной части Республики Молдова»[31]. Не получив ответа (посол РФ в Молдове попросту проигнорировал приглашение в МИД), молдавские политические круги вновь обратились к поиску компромиссных решений, а число заявлений на получение румынского гражданства существенно возросло.

Но наиболее существенными шагами стали: проведение в конце марта – начале апреля «недели НАТО» в Молдове и обращение молдавского премьер-министра В. Филата к генеральному секретарю альянса Андерсу Фогу Расмунсену с просьбой защитить республику от рисков, связанных с присутствием в Приднестровье российских войск, а также предоставить Молдове столь же привилегированный статус в отношениях с НАТО, каким обладает Грузия[32]. По утверждению руководителя Социал-демократической партии Молдовы Виктора Шелина, почва для этого уже готовится и вскоре молдавское небо будет контролировать НАТО, а осуществлять контроль будут румынские пилоты. В. Шелин также предположил, что при рассмотрении в парламенте новой конституции из нее может исчезнуть статья о нейтральном статусе страны со всеми вытекающими из этого последствиями[33].

***

Из всего сказанного следует, что за истекшие два десятилетия Республика Молдова прошла длительный и не всегда последовательный путь в своем развитии. После распада СССР республика сохранила множественные общественные и человеческие контакты с Россией, не говоря уже о тесных экономических связях, крайне необходимых ей для поддержания жизненного уровня основных слоев населения. В то же время значительная часть жителей Молдовы избрала в качестве своего ориентира европейский путь развития, и это в целом определило многовекторность ее внешней политики.

Наиболее сложным стал поиск решения приднестровского вопроса: урегулирование конфликта между правым и левым берегами Днестра, а также предусмотренная ранее подписанными международными соглашениями ликвидация военных складов, вывод ограниченной группировки российских войск и определение статуса Приднестровья. События последнего времени показали, что сложное переплетение внутренних и международных факторов, наряду с непродуманными шагами российской и молдавской сторон, могут привести к произвольной эскалации конфликта с участием внерегиональных сил и их группировок. Хотелось бы надеяться на то, что этого не произойдет.

[30] Независимая газета. 2012. 19 марта.

[31] [www.regnum.ru/news/1512795.html] 2012. 22 марта.

[32] Независимая газета. 2012. 4 апреля.

[33] Там же.

Пять тезисов об авторитаризме в Центральной Азии

Алексей Всеволодович Малашенко,
доктор исторических наук,
член Научного совета Московского Центра Карнеги

Я заранее ощущаю что-то вроде комплекса неполноценности. На пять центральноазиатских стран мне дают всего 20 минут. Так что я вынужден выступать тезисно, называя общие тенденции, но при этом постоянно делая оговорки.

Во-первых, авторитаризм в Центральной Азии выстоял, все режимы свою авторитарность выстрадали. Как гарантия стабильности, при всех своих минусах, авторитаризм самооправдался.

Авторитаризм в Центральной Азии, конечно, разный. Есть так называемый мягкий, есть жесткий, есть совсем жесткий. Совсем жесткий – в Туркмении, где почти тоталитаризм, во всяком случае, был при Туркменбаши. К Туркмении приближается Узбекистан. В Таджикистане авторитаризм вроде бы жесткий, а вроде там есть легальная исламская оппозиция, компартия в парламенте сидит. Кроме того, там система строится на балансе между регионами. И тут любой авторитарный правитель, тот же президент Эмомали Рахмонов должен быть еще посредником.

Исключение – Киргизия. Почему? Можно объяснять долго. Я бы здесь сослался на субъективный фактор, если угодно лично на Аскара Акаева, первого президента, который в силу своего образования, профессии, характера, наконец, отличался от прочих президентов – выходцев из партийной номенклату-

Выступление на XVIII Старовойтовских чтениях «Двадцать лет без СССР: уроки независимого развития постсоветских государств», Москва, 24 ноября 2011 года.

ры. Замечу также, что в Киргизии, как и в Таджикистане, присутствует и региональный фактор – страна поделена на Север и Юг, и потому здешний авторитаризм зиждется на основе регионального консенсуса.

В Кыргызстане, несмотря на две революции, также имела место авторитаристская тенденция. Она возникла при «позднем» Акаеве и, уж конечно, выкристаллизовалась при Курманбеке Бакиеве. Посмотрим, как поведет себя новый президент Алмазхан Атамбеков, который, хотя и является сторонником парламентской системы, не может не задумываться о прочности своей власти.

Во-вторых, все местные авторитаристы говорят о демократии. Конечно, сама демократия им не нужна. Но они хотят понравиться Западу и содержат пустые, не наполненные реальным содержанием демократические институты.

Что любопытно, на Западе к этим режимам привыкли, прощают их за нарушения прав человека, за отсутствие свобод. Туркменистан, кстати сказать, всегда за все прощали. Теперь фактически простили узбекского президента Ислама Каримова за Андижан.

Местные вожди дружно говорят, что демократию нельзя навязывать, что под нее, по выражению Туркменбаши, надо рыхлить почву, а иначе демократия ведет к охлократии.

Вот в Кыргызстане демократия буквально «бушует». А это наруку его авторитарным соседям. Ислам Абдулганиевич имеет возможность тыкать пальцем на Киргизию: дескать, доигрались они, вы такого же хотите? Вы это получите, если будете играть в демократию. Главное – это стабильность.

Кроме того, демократия в любой мусульманской стране легализует политический ислам. В Таджикистане есть некий «демократический зазор» и есть местная Партия исламского возрождения. Кстати, лидер ПИВТ Мухиддин Кобири только что проехал по всей России, провел множество пресс-конференций, на которых заявлял, что чуть ли ни все мигранты-таджики – члены его партии, а заодно открыл таджикскую мечеть во Владивостоке.

В-третьих, по утверждению местных лидеров, для спокойного и стабильного бытия надо использовать традицию, свой исторический (иногда говорят «цивилизационный») опыт. Официальных цитат на сей счет существует немерено – про национальную модель развития, национальную демократию, соответствующий местной идентичности принцип отношения между государством и обществом, обеспеченную исламом социальную справедливость и проч.

А что, разве любая культурная традиция (в широком смысле слова) несет только позитив, разве в ней не может содержаться что-то негативное, в частности, не имеющего никакого отношения к реальной демократии? Разве не может идентичность тормозить развитие?

Отсюда, в частности, трудности модернизации, если реальная модернизация, особенно политическая, вообще имеет место.

Честно говоря, в регионе происходит не модернизация, а скорее демодернизация, архаизация отношений в обществе. Возрождена махалля (городской общинный квартал), политизирована мечеть, в Казахстане признают, что джузы (региональноклановая общность), об исчезновении которых говорится на протяжении 20 лет, продолжают оказывать влияние на общество. Приведу великолепную цитату из статьи бывшего министра иностранных дел Киргизии, недавно занимавшего пост генсека Шанхайской организации сотрудничества Мурата Иманалиева: «Очевидно, что кочевничество, исламизм и советскость не могут быть синтезированы в нечто новое на их основе – они могут лишь сосуществовать»[1]. Он писал о Кирги-

[1] *Иманалиев М.* Неформальные институты как «правила политической игры» в Кыргызстане // Демократия и неформальная политика в Кыргызстане [http://www.ipp.kg/uploads/publications_/Democracy_and_Informal_Politics_in_Kyrgyzstan_ru.pdf].

зии, но ведь это высказывание применимо ко всей Центральной Азии. Реконструкция традиции, хоть и обеспечивает какую-то стабильность, но предпосылок для движения вперед не создает.

В-четвертых, тогда куда же ведет транзит, о котором сегодня так много говорят? Я считаю, что есть транзит вперед, есть транзит назад, а есть «транзит на месте». Для Центральной Азии «транзит на месте» еще не самое худшее. Потому как есть еще транзит в обратном направлении.

Любой авторитарный режим в Центральной Азии может существовать, только закручивая гайки. Закручивать их можно очень долго и успешно, в том числе с помощью традиции. Авторитарное постсоветское правление может существовать только в таком режиме, иначе оно просто обвалится.

Да, есть концепция «полуавторитаризма». Полуавторитарные режимы возможны в Египте, Тунисе, но не в Центральной Азии, ибо египетская, тунисская политическая культура все-таки вобрала что-то от европейской традиции. А что могли вобрать центральноазиатские общества от большевистской политкультуры 1917 года... Поэтому не будет в Центральной Азии полуавторитаризма. Ее авторитаризм может быть чуть мягче, чуть жестче. Но тенденция одна. Даже в Казахстане, столь отличном от Туркменистана, в парламенте в результате прошлогодних выборов осталась одна партия – «Нур Отан».

И наконец, *в-пятых*, меня часто спрашивают, каково влияние на Центральную Азию событий в Египте, Тунисе и т. д. До осени прошлого года я односложно отвечал – никакого. Более того, то, что произошло на Ближнем Востоке, в Северной Африке, имело тот же эффект, какой в 1990-е годы имела гражданская война в Таджикистане, а позже киргизские революции. Президент Каримов показывал пальцем на Северную Африку и говорил: «А вы хотите как в Кашире, хотите в Ташкенте свой Майдан Тахир?» И все хором кричали: «Не хочем». Сейчас ситуация несколько иная. К власти приходят исламисты, плохие ли, хорошие ли, это уже вопрос другой, но главное – политики, выступающие под знаменем ислама. Возникает занятная ситуация: исламистская или полуисламистская власть в Тунисе, Ливии и Египте, где, кстати сказать, легитимности добились не только «Братья-мусульмане», но и салафитская партия «Нур», получает международное признание. У мусульман Центральной Азии может возникнуть вопрос: вы на Западе и в России к тамошним исламистам относитесь почтительно, а чем хуже наши центральноазиатские, хотя бы «Хизб ат-Тахрир», которая, как и ее арабские единомышленники, ратует за исламскую альтернативу, за свержение прогнивших коррумпированных диктатур?

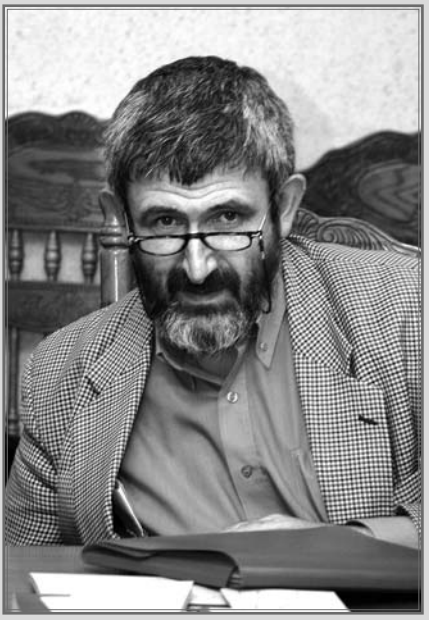
Во всяком случае, судя по тем листовкам, которые сейчас гуляют по Центральной Азии, на это обращается серьезное внимание. Исламисты активизировались даже в Казахстане, где еще год назад и политики, и специалисты хором заклинали, что никакого политического ислама здесь нет и быть не может. Могу похвастаться: когда в 1992 году я убеждал казахстанских коллег, что вы – мусульманская страна и вы еще почувствуете, что такое ислам, мне отвечали, что я ничего не понимаю и что «исламскость» Казахстана – преувеличение. И вот спустя 20 лет все, похоже, пошло, как везде. В Казахстане испытывают шок. Назарбаев приехал в Караганду, выступал в мечети, говорил, что сам он мусульманин.

Что получится в итоге? Думаю, получится авторитарное мусульманизированное государство, это относительно советских времен, будет качественно иная территория. В начале 1990-х политологи очень любили рассуждать о том, что после коммунизма ислам невозможен. Что коммунизм-

де такая прививка от ислама, после которой он не возродится. На самом деле выяснилось, что это не совсем так.

А есть еще – радикальный «исламский бунт, бессмысленный и беспощадный». И в случае его успеха, особенно в Ферганской долине, мы получаем исламистский режим и, так или иначе, будем вынуждены его признать. Это, возможно, преувеличение, но через два-четыре года мы наверняка встретимся в Центральной Азии с причудливой полуисламистской коалицией. Так что внимательно наблюдайте за Тунисом, Египтом, Ливией и, как говорится, далее везде.

Мандельштам и Америка



Павел Маркович Нерлер (Полян),
доктор географических наук,
поэт, литературный критик,
председатель Мандельштамовского общества,
Former Kennan Institute Short Term Scholar

Мандельштам родился в ночь со второго на третье (а по новому стилю – 15) января 1891 года на одном, самом западном, конце огромной Российской империи – в Варшаве, а умер, вернее, погиб – на другом, самом восточном – под Владивостоком.

Дата его рождения имеет и провиденциальное отношение к нашей теме. Тысяча восемьсот девяносто первый год – это год депортации евреев из Москвы и Ростова-на-Дону и начала первого массового исхода евреев из России (главным образом в США и Палестину). И сложись судьба Осипа Эмильевича (вернее, его родителей) иначе, то и он бы мог угодить в Америку и чуть ли не в возрасте пеленашки.

Но его отец был ремесленником (кожевенником) и купцом второй гильдии, и это вырывало его и его семью из тисков черты оседлости. В результате семья хотя и переехала, но не так радикально: из Варшавы в Павловск, а затем из Павловска – в Санкт-Петербург.

Так началась жизнь этого необычайно подвижного применительно и ко времени, и к пространству человека, которому и без путешествия в Новый Свет суждено было «намотать» десятки тысяч вольных и невольных километров.

Здесь не место описывать все его поездки и путешествия, все бродяжничества и бегства, включая и последнее из его «путешествий» – на Колыму, куда он так и не доехал: «На вершок бы мне синего моря, на игольное б только ушко!..»

Печатается с сокращениями. Полный вариант статьи см. в книге: *Нерлер П.М.* Осип Мандельштам и Америка. М. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2012. С. 8–26. Автор посвятил книгу профессору Кларенсу Брауну – старейшине американского мандельштамоведения.

А вот о нескольких его поездках заграницу – в Европу – несколько слов скажу.

Пришлись они все на непродолжительный период времени с осени 1907 по осень 1910 года (возможно, обусловленный сроком годности его российского заграничного паспорта). За это время «выездной» О.М. побывал самое меньшее в четырех европейских странах – Франции, Италии, Швейцарии и Германии.

Во Франции, в Париже – между сентябрем 1907 и мартом 1908 года. Жизнь в Латинском квартале, два неполных семестра в Сорбонне и в Коллеж де Франс, лекции Бергсона и Бедье на всю жизнь сохранили любовь к старофранцузской литературе, но в особенности – к Франсуа Виллону.

В Италии О.М. побывал дважды: в августе 1908 года – всего на несколько дней и тайком от матери – и в начале марта 1910 – сразу на несколько недель: Венеция, Флоренция с Тосканой, Сьена, Рим. А в 1932–1934 – Италия, вернее итальянцы – Данте, Ариост, Петрарка, – завладели всем его существом.

Швейцария – в основном транзитом, но транзит был, как правило, неспешным, и в Монтрё или в Беатенберге Мандельштам задерживался на недели.

Два путешествия в Германию. Главное – с начала осени 1909 года по начало весны 1910 года: семестр с небольшим в Гейдельбергском университете, лекции Виндельбанда, Ласка, Фритца Ноймана, Тодэ!.. А в июне 1910 года – Целендорф под Берлином, куда он сопровождал приехавшую на воды лечиться мать.

Именно тогда, в годы европейских путешествий, закладывался европеизм Мандельштама – одно из определяющих качеств его личности, то чувство личной, органической и, если угодно, кровной причастности Мандельштама к общеевропейской культуре, внутреннее разнообразие которой никогда не было серьезной помехой чувству привязанности к общеевропейскому дому. Только с таким, если угодно, европоцентрическим мироощущением и можно было написать о Европе так геополитически широко и историософски глубоко, как это сделал О.М. в сентябре 1914 года, откликаясь на первые события начала Первой мировой войны.

ЕВРОПА

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая.

Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливов очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга.

Завоевателей исконная земля –
Европа в рубище Священного союза –
Пята Испании, Италии Медуза
И Польша нежная, где нету короля.

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

Но без осознания, без учета этого европеизма и европоцентризма Мандельштама невозможно было бы понять и его отношение к Америке – стране эмигрантов и эмиграции.

Тема эта отнюдь была не чужда О.М. Но, побывав за границей, ощутив весь уют и соблазн Европы, он, тем не менее, твердо вернулся в Россию. А размышления над судьбой и творчеством Петра Чаадаева помогли ему выразить суть своего отношения к эмиграции.

Вот цитата из его статьи «Петр Чаадаев», написанной в 1914 и опубликованной в 1915 году в журнале «Аполлон»:

«...Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную

почву традиции, с которой он не был связан преемственностью.

Туда, где все – необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры...

...У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим.

...Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима.

...Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно, побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно.

Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева.

На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данте: "Этот был там, он видел – и вернулся".

А сколькие из нас духовно эмигрировали на Запад! Сколько среди нас – живущих в бессознательном раздвоении, чье тело здесь, а душа осталась там!..»

Иначе говоря, О.М. ощущал себя причастным к своеобразной чаадаевской традиции – традиции тех, кто, побывав на Западе, нашел в себе достаточно сил, чтобы не остаться там навсегда и вернуться (чисто биографически у этого имелся и еще один испытательный стенд: в 1922 году литовский посол в России и русский поэт Балтрушайтис предлагал Мандельштаму уехать, но тот остался).

...Впрочем, то утверждение, что, начиная с осени 1910 года, О.М. заграницей не бывал, все же нуждается в оговорках. Да, за старой границей старой Российской империи он действительно более не бывал, а вот за новой границей нового советского государства – побывать успел и даже тюрьмы «заграничные» перепробовал. Ведь ни врангелевский Крым, ни меньшевистская Грузия, ни даже Украина, где в мае 1919 года он встретился и сошелся с Надей Хазиной – своей будущей женой, в то время Советской Россиею не являлись.

Но, как бы то ни было, за пределы Старого Света Мандельштам уж точно не выбирался. Так что, в отличие от Маяковского, Есенина, Тихонова, Ильфа с Петровым или Пильняка, лично Осип Эмильевич Мандельштам и Соединенные Штаты Америки знакомы не были. С точки зрения русской литературы урон незначительный: ведь и перечисленные авторы меньше всего обязаны своей славой произведениям, написанным в Новом Свете или о Новом Свете.

Несмотря на отсутствие прямых и непосредственных впечатлений, ясное и вполне живое представление об Америке у Мандельштама было, как был и интерес (хотя бы, поначалу, и отрицательный). Америка встречается у него десятки раз, и самый анализ этих упоминаний оказывается весьма интересным и поучительным. Своим отношением к Америке О.М. отчетливо обязан прежде всего (но не исключительно) своему органическому европеизму.

Америка, которая уже упоминалась выше (в стихотворении «Европа» 1914 года), была как бы самой настоящей географической Америкой – материком, омываемым океаном и еще не «аннексированным», по точному замечанию Маяковского, одним-единственным государством, неудержимо завладевшим немалой толикой земли, а затем и целым именем этого материка и с той поры не выпускающим его из крепчающих рук.

В таком своем качестве – Северо-Американских Соединенных Штатов (или С.А.С.Ш., как именовали США в Европе ранее) – Америка и американцы попали в стихи Мандельштама еще в 1913 году. Вот первое из двух стихотворений того времени, где «Америка» проникла даже в заглавие.

АМЕРИКАН БАР

Еще девиц не видно в баре,
Лакей невежлив и угрюм;
И в крепкой чудится сигаре
Американца едкий ум.

Сияет стойка красным лаком,
И дразнит сода-виски форт:
Кто незнаком с буфетным знаком
И в ярлыках не слишком тверд?

Бананов груда золотая
На всякий случай подана,
И продавщица восковая
Невозмутима, как луна.

Сначала нам слегка взгрустнется,
Мы спросим кофе с кюрассо.
В пол-оборота обернется
Фортуны нашей колесо!

Потом, беседуя негромко,
Я на вращающийся стул
Влезаю в шляпе и, соломкой
Мешая лед, внимаю гул...

Хозяйский глаз желтей червонца
Мечтателей не оскорбит...
Мы недовольны светом солнца,
Теченьем медленных орбит!

Оно было напечатано в 7-м номере журнала «Аргус» за 1913 года и, видимо, было списано с натуры, поскольку в Петербурге, при ресторане «Медведь» (Большая Конюшенная, 27) действительно имелось заведение, именовавшееся «Американ Бар».

А вот второе, образующее с первым своеобразный диптих, причем в отличие от первого – оно даже попало в книгу «Камень».

АМЕРИКАНКА

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв «Титаника» совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскребов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.

Как видим, он смотрит на Америку как истинный европеец, и сквозь призму старой европейской культуры американские достижения в области цивилизации вызывают у него сначала и прежде всего устойчиво ироническую улыбку, даже усмешку. Американские романы или фильмы, да и сами живые американцы и американки где-нибудь в Лувре или на Елисейских полях, – и вправду давали для этого сколько угодно поводов. Ханжество и дикарство буквально бросались в глаза.

Мандельштам от души, но не едко иронизирует над американской туристичностью, над американской поверхностностью, над американской непричастностью – а то, если хотите, и враждебностью – культуре, отождествляемой им с европейской традицией. При этом он и сам, конечно, рискует впасть в поверхностность и односторонность, рискует – но все-таки не впадает.

Интересно, что и представления О.М. о самой Америке отнюдь не поверхностные, посмеивается или подшучивает он не просто походя, а, так сказать, со знанием дела. Многое он неожиданно хорошо знает («а красных небоскребов трубы» – это же никогда не виданный

им Манхэттен начала века!), но он понимает и то, что есть и другая Америка, к которой он подспудно питает и уважение, и даже восхищение, но встреча с которой еще у него не произошла.

Поэтому он подчеркнуто настаивает на своем первом впечатлении, дав своего рода развернутый комментарий к этому диптиху в своей рецензии на один плохой перевод Джека Лондона[1], опубликованной в «Аполлоне» все в том же 1913 году. Тут уж он отпустил вожжи и пустил язвительность галопом:

«...Анемичному русскому обывателю необузданный здоровяк Лондон пришелся как нельзя более по вкусу: его герои живут особенно охотно за полярным кругом, отличаются железной выносливостью, пьют виски, как воду, и т. п. Однако связь этого мнимого дикаря с новейшим, чисто американским развитием техники – несомненна. В универсальном техническом прогрессе человеческая машина-организм занимает одно из последних мест, но могущественный спорт в союзе с разнообразными идеалами физического процветания идет навстречу этому чувствительному техническому пробелу современности. С прозорливостью янки Джек Лондон взял патент на усовершенствованного нового человека еще раньше, чем его тип был осуществлен в действительности естественным подбором и спортивными упражнениями. Полярный скороход, проходящий на пари две тысячи миль в 60 дней при 90° мороза, – ("Сын Солнца") – или плантатор, больной дизентерией, исключительно волевым напряжением властвующий над толпой людоедов на Соломоновых островах, – ("Приключение") – великолепные человеческие особи. И нужно отдать справедливость Лондону: фантастическая мужественность его героев временами правдоподобна и подчас внушает уважение...

...Но художественная значительность произведения измеряется не глубиной мыслей, высказываемых автором, а теми непроизвольными духовными испарениями, которые создают атмосферу произведения. Вокруг приключений Джека Лондона – самая обыкновенная духовная пустота, как вокруг газетного фельетона или рассказа Конан-Дойля. Как и прочие англо-американские писатели-спекулянты, Джек Лондон искусственно вызывает острое любопытство с тем, чтобы сполна и добросовестно его удовлетворить; если на первой странице рассказ пленительно нов, то на последней – смертельная скука ликвидации и погашенных векселей.

"Художественный" прием Лондона – непрерывность действия. Каждая страница дает новую сенсацию подобно тому, как номер американской газеты содержит очередное убийство. Джек Лондон так мало знает, что ему делать с людьми, и – что весьма отрадно – ему так не хочется обращать их в манекенов, что он предпочитает убивать их, как только они сделают свое сенсационное дело. Идеология Джека Лондона поражает своим убожеством и своей старомодностью с европейской точки зрения: весьма последовательный и хорошо усвоенный дарвинизм, к сожалению, прикрашенный дешевым и дурно понятым ницшеанством, – он выдает за мудрость самой природы и непоколебимый закон жизни.

В одном месте Лондон обмолвился значительным признанием: "огромная, страшная и чужая вещь, которая называется культурой". Эта скромная самооценка и наивное благоговение перед чужой и непонятной сложностью культуры – пожалуй, самое ценное в Лондоне. Болезнь Нового Света, тайный недуг чудовищных городов – культурное одичание нашло в Джеке Лондоне неожиданно привлекательного выразителя. Дело в том, что у Лондона это историческое одичание не обусловлено личным вырождением, а выступает особенно наглядно на фоне

[1] *Лондон Дж.* Собрание сочинений с предисловием Л. Андреева. Перевод с англ. под ред. А.Н. Кудрявцевой. СПб.: Кнво «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1912.

безукоризненного физического и душевного здоровья.

Современному человеку нет надобности ехать в Клондайк или на остров Тихого океана, чтобы почувствовать себя дикарем: так легко заблудиться в лабиринте Нью-Йорка или С<ан>-Франциско, в стихийном лесу молодой цивилизации, мощная растительность которого непроницаема для живительных лучей культуры. Безобидная занимательность и душевная ясность Лондона делают его незаменимым писателем для юношества. Наивное увлечение Лондоном взрослых читателей можно только приветствовать: оно показывает, насколько поверхностны были прежние увлечения читательской толпы, и что если подлинное искусство пользовалось успехом, то проникало в умы контрабандой, под флагом посторонних соображений...»

Америка всплывает и в статье 1918 года «Государство и ритм» (впрочем, не Америка, а американская буржуазия), но особенно многозначительным является высказывание из программной статьи О.М. «О природе слова» 1920–1922 годов, когда он был близок к тому, чтобы отказать в культурности и самой Европе:

«Антифилологический дух, с которым боролся Розанов, вырвался из самых глубин истории; это в своем роде такой же неугасаемый огонь, как и огонь филологический.

Есть такие вечные огни на земле, пропитанные нефтью: где-нибудь случайно загорится и горит десятки лет. Нет нейтрализующего состава, погасить абсолютно нечем. Лютер был уже плохой филолог потому, что, вместо аргумента, он запустил в черта чернильницей. Антифилологический огонь изъязвляет тело Европы, пылая горящими сопками на земле Запада, навеки опустошая для культуры ту почву, на которой он вспыхнул. Ничем нельзя нейтрализовать голодное пламя. Нужно предоставить ему гореть, обходя заклятые места, куда никому не нужно, куда никто не станет торопиться.

Европа без филологии – даже не Америка; это – цивилизованная Сахара, проклятая Богом, мерзость запустения. По-прежнему будут стоять европейские Кремли и Акрополи, готические города, соборы, похожие на леса, и куполообразные сферические храмы, но люди будут смотреть на них, не понимая их, и даже скорее всего станут пугаться их, не понимая, какая сила их возвела и какая кровь течет в жилах окружающей их мощной архитектуры.

Да что говорить! Америка лучше этой, пока что умопостигаемой, Европы. Америка, истратив свой филологический запас, свезенный из Европы, как бы ошалела и призадумалась – и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмэна, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру.

Россия – не Америка, к нам нет филологического ввозу: не прорастет у нас диковинный поэт вроде Эдгара Поэ, как дерево от пальмовой косточки, переплывшей океан с пароходом. Разве что Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик эоловой арфы, каких никогда не бывает на Западе: переводчик по призванию, по рождению, в оригинальнейших своих произведениях».

Уловив в 1920-е годы глубинную общность моложавой Америки и молодой – и как бы отвернувшейся от Европы – Советской России, Мандельштам отошел от своего предвоенного взгляда на Джека Лондона и на Америку. И о переводном Майн-Риде – а чем он, по большому счету, не Джек Лондон? – в статье 1928 года «О переводах» он пишет уже совсем не так, как о переводном Джеке Лондоне в 1913 году:

«...Теперь о "Молодой Гвардии". У нее монополия на юношество. Она ее очень своеобразно понимает: молодежь-де

слопает все... Нам нужен свой приключенческий роман для юношества с этнографической и прочей начинкой. В настоящее время Майн-Рид имеет только ретроспективное значение. Это – здоровая романтика. Живучесть Майн-Рида объясняется тем, что он учел великую жадность молодежи к познанию географического пространственного мира. Он – блестящий педагог, сочетавший в своих образовательных путешествиях научные сведения своего времени с бесхитростной фабулой. За создание "советского Майн-Рида"!»

Над «советским Майн-Ридом» Мандельштам, кстати, немало поработал, переводя или отредактировав перевод нескольких томов его собрания сочинений (любопытно, что при этом сам он по-английски не читал и свои переводы из Вальтера Скотта и Майн-Рида делал с их французских переводов).

Но примерно в это же время, даже чуть раньше, происходит встреча Мандельштама и с «другой» Америкой – с Америкой иммиграции, с тою разновидностью судьбы, которая его и его семью миновала. Встреча произошла благодаря тому, что в середине 1920-х годов О.М. зарабатывал на хлеб главным образом переводами и писанием внутренних рецензий на переводные книжки.

И вот в 1926 году в издательстве «Прибой» ему дают на рецензию книгу американской писательницы Розы Коген. Знакомиться с романом ему помогала, очевидно, жена, прекрасно знавшая английский язык. Ей же, после того как внутренняя рецензия была написана и мнение поэта услышано, предстояло и перевести роман на русский язык. И книга действительно увидела свет в 1927 году[2].

Интересно, что сам роман еще не раз переиздавался и по-английски. Так, одно из изданий вышло в 1971 году в серии с красноречивым названием: «Американская иммиграционная библиотека»[3].

Роза Гэллап (Коген) – не вымышленное лицо, а реальный автор. Ее отец эмигрировал в 1890 году. Едва он успел зацепиться за землю Манхэттена, как купил два предоплаченных билета на пароход: за ним, к нему потянулись родственники, в том числе, в 1892 году, – его 12-летняя дочь Роза. Из одной черты оседлости в другую – из российской конфессиональной в американскую экономическую. Ибо вырваться из нижних номеров Ист-Сайда не легче, чем из местечка или от кагала.

Что же должно было с девочкой произойти и сколько должна была она испытать, прежде чем она стала автором англоязычной (sic!) автобиографической прозы об Ист-Сайде! В 1918 году, когда книга была впервые опубликована, автору было всего 38 лет. Героине же, Рахель Рут, ко времени завершения книги, – всего 22 года, и в центре всего – впечатления именно ребенка, а не преодолевшей уже ассимиляцию женщины. Каким шоком для девочки из черты оседлости было увидеть, как ее любимый отец, взяв ее на первую субботнюю прогулку по городу, вдруг купил ей немного фруктов и при этом расплатился деньгами, притронулся к монетам! Отец – ее родной и любимый отец! – показался ей отвратительным святотатцем и предателем: от ужаса она убежала и едва не потерялась!..

Впереди ее ждало еще множество таких «измен» и этапов эмансипации, в том числе и самое ее торжество: выходить замуж не только можно и нужно не по уговору родителей, а по собственной любви!..

Но вернемся к тексту мандельштамовской внутренней рецензии – к тому, что сам Мандельштам думал о романе и, через роман, об Америке.

---

[2] *Коген Р.* Сквозь ночь / Пер. Н.Я. Хазиной. Под ред. О.Э. Мандельштама. Л.: Прибой, 1927.

[3] *Cohen R.* Out of the Shadow. New York: JS Ozer, 1971 (The American Immigration Library).

Роза Коген. Американская ночь.

Книга "Роза Коген" – любопытнейший памятник массовой еврейской эмиграции в Америку и, безусловно, один из основных документов по этому вопросу. По форме это увлекательная повесть, по содержанию – глубокий и непреднамеренный социальный памфлет.

Еврейская местечковая семья перебрасывается в Нью-Йорк. (Характерная подоплека – непорядок в воинских делах отца.) Трагически назревающие сборы. Тайный переход границы в контрабандных фурах, под охапками соломы. Рассказ ведется от лица девочки, которая несколько позже последовала за отцом. Повесть отталкивается от впечатлений "черты оседлости". Эмигрантская станция в Гамбурге и само плавание показаны кратко и напряженно. Доминирует инстинкт жизни и жажда новизны. В дальнейшем книга складывается как стройная биография девушки-работницы с резким предрасположением к американизации. Постепенно перевезенная, вернее, с громадными усилиями перетащенная в Нью-Йорк, семья немедленно закабаляется как рабочая сила. Наблюдения кристаллизуются вокруг бытовых явлений. Еврей-торговец, например, для уличной безопасности берет в провожатые девочку, ибо в Америке "уважают женщин". Вежливые "полу-погромы". Подкуривание еврейских домов. Из первой части мы узнаем, как живет и хозяйничает в Нью-Йорке семья, считающая на десятки долларов, узнаем с такой яркостью и подробностью, как если бы говорилось о Белостоке или Балте.

Центральная часть почти всецело посвящена условиям труда: портновские, закройные, плиссировочные мастерские, женский, детский труд, синдикализация, локауты. Полутемная квартира мелких американских дельцов, где живут и обедают при электрическом свете. Спанье на стульях в кухне, "совсем как дома". Центральный эпизод – неудачное сватовство 16-тилетней героини. Отвергнутый жених-бакалейщик. Основная черта Розы Коген – отвращение к плаксивому и обличительному тону и непобедимое жизнелюбие. В последней части освещена своеобразная филантропически-миссионерская деятельность американского капитала в еврейской массе. Пресвитерианский госпиталь. Благотворительный спорт. Дама-патронесса, читающая из роскошной золотообрезной книги поэму... о ритуальных убийствах. Вообще книга "Роза Коген" необычайно богата материалом по американскому лицемерию: на бельевой фабрике работницам, по случаю возвращения хозяина из Европы, раздают в конвертиках золотые безделушки, стоимость которых вычитается из заработной платы, и т. д.

Книгу, с некоторыми сокращениями, можно рекомендовать массовому читателю: она органически вводит в быт современной Америки, заинтересовывая в то же время личностью самой рассказчицы.

И уже в самом конце жизни – еще две встречи с Америкой, причем, подчеркну, не с «американкой в двадцать лет», а с совершенно другой Америкой.

Первая встреча произошла в Воронеже. Поэт замер под уличным радиорепродуктором, из которого лились негритянские спиричуэлсы и удивительный низкий голос – голос певицы Мариан Андерсон. Из этого уличного «концерта» родились дивные стихи:

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой –
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко, близко твой подходит зов –
До заповедей роды и первины –
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины...

Карающего пенья материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего – праматери – мизинца.

Не ограничена еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

12 февраля 1937

А вторая – это встреча с Чарли Чаплином. В самые последние мандельштамовские стихи он вошел так же мощно и уверенно, как и давнишний любимец Франсуа Виллон. Сначала – 3 марта 1937 года – он возникает в стихах о Франции («Я молю, как жалости и милости, Франция, твоей земли и жимолости...»):

...А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли –

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...

Будучи любимым артистом Мандельштама, он был для него кем угодно, но только не потешным дуралеем-эксцентриком, как воспринимало его большинство зрителей, падающих с кресел от хохота.

И когда примерно в ту же пору на вечере в Воронеже Мандельштам определил акмеизм не иначе как «тоску по мировой культуре», то, думается, есть немало оснований полагать, что он уже больше на задирал Америку и не настаивал на исчерпавшем себя противопоставлении культуры и цивилизации, а стало быть – и Европы с Америкой.

***

Но Америка и не думала сердиться на Мандельштама. При его жизни она просто и не подозревала о его существовании: мало ли какие чудаки на земном шаре пишут стихи, да еще почему-то не по-английски!..

А вот после смерти Мандельштама она обратила на него свое благосклонное внимание. Вослед американскому контексту у Мандельштама со временем появился и мандельштамовский контекст – у Америки.

Исторически сложилось, что в процессе мирового освоения и изучения творчества Мандельштама совершенно исключительная роль принадлежит США. Именно здесь был издан первый посмертный однотомник поэта (1955, Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова) и первое многотомное Собрание сочинений (1964–1971, Вашингтон, изд-во «Международное литературное содружество»). Эти издания сыграли исключительную научную и политическую роль, став своего рода «гарантом» того, что великая поэзия Мандельштама, с риском для жизни сохраненная его вдовой, друзьями и читателями, не погибла, не канула в Лету, а бережно донесена до читателя. На основе Собрания сочинений в 1974 году в США, в Корнелльском университете (Итака) был издан первый конкорданс к произведениям Мандельштама.

Именно в США, вокруг таких филологов-славистов, как Г.П. Струве (Калифорнийский университет, Беркли) и К.Ф. Тарановский (Гарвардский университет), сложились целые исследовательские школы и направления, в значительной степени сориентированные на изучение творчества О. Мандельштама, главным образом поэтики. Многие исследователи его творчества из СССР, главным образом представители «тартусской» структуралистской школы Ю.М. Лотмана, в 1970–1980-х годах эмигрировали в США и продолжают работать над изучением Мандельштама.

Велик вклад американских славистов и в разработку его биографии и библиографии. Именно в США увидела свет в 1973 году первая биография поэта («Мандельштам» Кларенса Брауна), американские ученые первыми ввели в научный оборот целый ряд важных документов (например, опубликованные Т. Бейером материалы о студенческих днях Мандельштама в Гейдельберге в 1909–1910 годах и др.). Библиография О.Э. Мандельштама, опубликованная в 3-ем томе собрания сочинений под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова,

стала прочным и надежным основанием для всех последующих библиографических описаний.

Поэтому не приходится удивляться тому, что, по данным библиографического мониторинга, осуществляемого MLA (Modern Language Association Bibliography), из более чем 300 диссертаций, книг и статей в специализированных журналах, опубликованных за период с 1981 по 1997 год, по меньшей мере треть приходится на американских ученых. И хотя источниковая база этой библиографии учитывает российские издания явно недостаточно, тем не менее вклад американских исследователей несомненен.

Ну и, наконец, самое главное: судьбе было угодно распорядиться, чтобы именно в США попал на вечное хранение и основной массив документов о жизни и творчества Мандельштама – его семейный архив, в 1976 году подаренный его вдовой Принстонскому университету.

Судьба Осипа Мандельштама наложила свою властную печать и на судьбу его архива. Начать с того, что поэт не собирал архив и не дорожил им. Если бы не практическая потребность (издания или переиздания стихов, прозы и эссеистики), он бы, возможно, и вовсе бы ничего не хранил. Да и хранить-то было негде: бездомность и безбытность были вечными спутниками поэта. Первое и последнее собственное жилье у Мандельштамов появилось в конце 1933 года, а в мае 1934 года его арестовали.

Тем не менее какие-то рукописи не выбрасывались, и архив образовывался сам собой. В частности в Киеве в 1919 году, когда О.Э. Мандельштам познакомился со своей будущей женой Надеждой Хазиной, у него была с собой небольшая корзинка с автографами и черновиками. И именно эти бумаги в том же году искурил в Крыму Александр Мандельштам – средний брат поэта. Это был первый «удар» по сохранности архива.

Но далеко не последний и даже не самый опустошительный. Значительная часть творческих и личных бумаг была конфискована чекистами во время двух арестов Мандельштама (в мае 1934 и мае 1938 года). Незадолго до первого из арестов имела место «карикатура на посмертную оценку» – фантасмагорическая история и сюрреалистическая переписка с автором «Елки в Сокольниках» В.Д. Бонч-Бруевичем относительно приобретения мандельштамовского архива Государственным Литературным музеем.

Весьма существенная часть архива была отдана на хранение в Воронеже С.Б. Рудакову[4], после его смерти на фронте не была возвращена его вдовой и при не вполне выясненных обстоятельствах канула в Лету. Среди этих утрат, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, – большинство автографов ранних стихов. Наконец, в 1941 году, при приближении немцев к Калинину, где в то время жила Н.Я. Мандельштам, она спешно эвакуировалась и могла взять с собою только творческую часть архива; все биографические и деловые документы (договора и т. п.) были оставлены в сундуке в Калинине и пропали. Утраты преследовали архив и в дальнейшем.

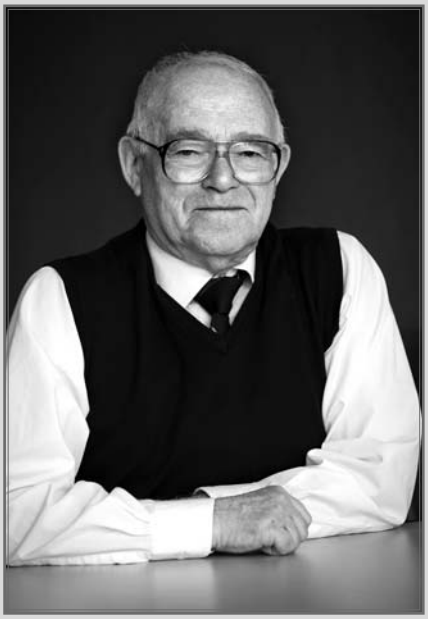
Вместе с тем у архива были и свои «добрые гении», не только хранившие и сохранившие бумаги поэта, но и беспрекословно вернувшие их его вдове при первой же встрече (например, воронежский друг Мандельштамов Н.Е. Штемпель, Л. Назаревская, Е.Я. Хазин, А.И. Ивич-Бернштейн и др.). С учетом этих пополнений и сложилось в 1940–1950-е годы то собрание мандельштамовских документов, которое в настоящее время находится в Принстоне.

[4] *Рудаков С.Б.* (1909–1944). Окончил Высшие государственные курсы при Институте истории искусств, в 1930 году работал с Ю.Н. Тыняновым, участвовал в подготовке Собрания стихотворений В.К. Кюхельбеккера. В 1935–1936 годах жил в Воронеже, где встречался с О.Э. Мандельштамом, помогая тому в подготовке к печати сборника стихотворений. Во время войны воевал на Ленинградском фронте в морской пехоте. Погиб 15 января 1944 года. Ему посвящено стихотворение А.А. Ахматовой «Памяти друга» (1945).

Собственная жизнь Надежды Яковлевны, такая же безбытная и бездомная, как и прежде, – жизнь одинокой скиталицы (в годы войны и эвакуации – в Ташкенте, а затем – во многих провинциальных городах, где она, по нескольку лет в каждом, работала в вузах) – была по-прежнему мало пригодной для хранения остатков архива. Поэтому он хранился сначала в Ташкенте, а потом в Москве у надежных друзей, в том числе и Н.И. Харджиева, редактировавшего книгу Мандельштама для «Библиотеки поэта». И только после того, как Н.Я. Мандельштам разрешили прописаться в Москве, архив снова переехал к ней.

С выходом в 1970 году на Западе первого тома ее «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам снова начала опасаться ареста и конфискации архива. Поэтому она приняла решение переправить его на Запад и оставить там на временное хранение вплоть до либерализации советского режима. В 1973 году архив был успешно вывезен во Францию, где бережно хранился у Н.А. Струве. В июне 1976 года по настоянию Н.Я. Мандельштам архив был вывезен из Франции в США и при посредничестве профессора Кларенса Брауна и его ученика Эллиота Моссмана безвозмездно передан ею в Принстонский университет. Здесь, в Отделе редких книг и рукописей Файерстоунской библиотеки он и обрел свое окончательное пристанище, став мощным магнитом, притягивающим к себе мандельштамоведов со всего мира.

Три патриотические песни Америки



USHMM

Павел Ильин,
кандидат географических наук,
географ-консультант Американского мемориального музея Холокоста (United States Holocaust Memorial Museum) в Вашингтоне,
Former Kennan Institute Research Scholar

Я приехал жить в США в ноябре 1987 года, стал гражданином этой страны в мае 1993-го, но ощутил себя американцем лишь 11 сентября 2001 года – в день величайшей трагедии и величайшего сплочения американского народа. «United we stand» («Вместе мы выстоим») – вот лозунг тех дней. Неожиданно для себя я заметил, что говорю об Америке: «мы». В те дни в моей голове постоянно звучали мелодии трех американских патриотических песен. Мне захотелось перевести их слова на русский язык. И еще мне захотелось узнать больше об авторах их слов и музыки, о биографии песен. Так появились переводы и сопровождающие их очерки, которые я предлагаю читателю. Но сначала я хотел бы выразить мою признательность Белле Данцкер, Павлу Нерлеру, Семену Резнику, Александру Синельникову, Инне Тальми и Владимиру Фрумкину – их дружеские замечания и советы помогли мне улучшить текст, и Ирине Хомутовой, чьими консультациями я пользовался, работая над переводами.

God Bless America

11 сентября 2001 года, когда на глазах всего мира рушились башни Всемирного торгового центра, телезрители увидели и оптимистические кадры: члены Конгресса, стоя на ступенях Капитолия, хором пели песню! И нужно ли напоминать, какую, ибо ее первая строчка уже назавтра появилась буквально повсюду – на бамперах автомобилей, в витринах магазинов, на стенах домов, на заборах: «God Bless America!» Величайшая в истории страны катастрофа сплотила американцев, и символом этого единства,

наряду с американским флагом, стала песня, написанная евреем – эмигрантом из белорусского местечка Толочин.

Израиль (Изя) Исидор Бейлин прошел Эллис-Айленд в 1893 году, будучи пяти лет от роду. В памяти мальчика сохранилось только одно воспоминание о предыдущей жизни – как он, завернутый в одеяло, лежит на обочине дороги и смотрит, как горит их дом, подожженный погромщиками. В Америке Бейлины поселились в Нью-Йорке – на Нижнем Ист-Сайде, где селились тогда еврейские иммигранты из России. Изя начал зарабатывать деньги с восьми лет – нормальная доля эмигрантского мальчика в то время. Он брался за все: продавал газеты, служил матросом, был поводырем у слепого певца и пел сам. Сначала – на улице, а потом в музыкальном кафе в Чайна-тауне, куда его взяли «поющим официантом». И здесь в 1907 году он написал слова песни, музыку к которой сочинил игравший в кафе пианист. Песня была напечатана, но наборщик ошибся. Автором ее слов был назван не И. Бейлин (I. Beilin), а И. Берлин (I. Berlin). А получив новую фамилию, он заодно решил сменить и имя.

Вскоре Ирвинг Берлин (правильное ударение на втором слоге, как у столицы Германии) стал сочинять не только слова песен, но и музыку. И спустя какое-то время знаменитый в Америке композитор Джером Керн (Jerome Kern, 1885–1945) сказал, что у Ирвинга Берлина нет своего «места» в американской музыке, потому что «он сам и есть американская музыка».

В 1938 году, когда над Европой нависла угроза новой большой войны, Ирвинг Берлин ощутил себя обязанным создать мирную – не военную – патриотическую песню. Но работа над ней не заладилась: «Положить на музыку патриотизм оказалось сложнее, чем любовь и страстное желание»[1]. И тут к Берлину обратилась популярнейшая в то время певица Кэт Смит (Kate Smith, 1909–1986) – «певчая птица Америки». Она готовилась к выступлению по радио в день двадцатилетия окончания Первой мировой войны (Armistice Day – День Перемирия, как до 1954 года назывался День Ветерана), и песня ей была нужна «завтра». И Берлин вспомнил о песне, которую он написал в 1918 году для финала одного мюзикла, но отложил, найдя ее для того шоу излишне патетической. Это была «God Bless America». (Слова, ставшие названием песни, Изя часто слышал от мамы – жительницы квартала бедняков на Манхэттене.) Он взял эту песню, заменил несколько строк, приведя текст в соответствие со временем, и отдал певице[2]. Песня дождалась своего часа.

Берлин написал два куплета, но поется один. Я даже не предполагал, что у песни есть второй, а вернее, первый куплет, пока не обнаружил его в «Справочнике патриота» Каролины Кеннеди[3]. И это помогло мне понять значение слова bless и, соответственно, название песни в контексте замысла автора.

Все мы знаем значение слова bless – благословлять. Поэтому общепринятый перевод названия песни – «Боже, благослови Америку». Но ведь слово может иметь и другие значения, и несоответствие привычного перевода смыслу песни я почувствовал сразу после 11 сентября, когда эти слова были у всех на слуху и перед глазами: меня смуща-

[1] *Furstinger N.* Say it with Music. The Story of Irving Berlin. Greensboro, North Carolina, 2003. P. 63.

[2] Одна из поправок в тексте отражает изменения, произошедшие в языке американцев за годы, истекшие со времени написания песни. Как вспоминал сам Берлин, первоначально в песне было: «Stand behind her and guide her to the right (то есть в правильном направлении) with a light from above». В 1918 году слова «to the right» еще не носили политической окраски, а к 1938 году она появилась, и Берлин заменил эти слова на «Through the night». См.: *Furia P.* Irving Berlin: A Life in Song. New York, 1998. P. 193. Иногда можно видеть эти слова, напечатанные в упрощенном виде: «Thru the night».

[3] A Patriot's Handbook: Songs, Poems, Stories, and Speeches Celebrating the Land We Love. Selected and introduced by Caroline Kennedy. New York, 2003. P. 577.

ло несоответствие между bless – благослови, и следующими дальше словами «Stand behind her and guide her...» Окончательно же эта строка, а следовательно, и название песни стали понятными мне после того, как я прочитал первый куплет (напомню, что Берлин выпустил песню в свет в предчувствии мировой катастрофы):

While the storm clouds gather
Far across the sea,
Let us swear allegiance
To a land that's free;
Let us all be grateful
For a land so fair,
As we raise our voices
In a solemn prayer.

Вот прозаический перевод этого куплета: «В то время, как за морем сгущаются грозовые облака, давайте присягнем на преданность земле, которая свободна, и поблагодарим (Бога) за эту прекрасную землю, возвышая свои голоса в торжественной молитве»[4].

И вот теперь, уловив тревожную ноту в первом, незнакомом мне ранее куплете, я прояснил для себя значение главной строки песни: «Боже, храни Америку!»[5]

Как видит читатель, я сохранил строку «God Bless America» по-английски. Тот самый случай, когда слово из песни не выкинешь и не заменишь, даже переводя ее на другой язык.

Кэт Смит представила «God Bless America» на радио как одно из самых прекрасных когда-либо созданных сочинений и как песню, которая никогда не умрет. И, как сказано в одной из бесчисленных книг о Берлине, исполненная ею песня распространилась по стране «подобно лесному пожару»: ее пели в школах и церквах, в театрах и на стадионах – везде. Обе партии – как Демократическая, так и Республиканская – сделали ее своей официальной песней в президентских кампаниях 1940 года. Всерьез обсуждался вопрос о провозглашении этой песни государственным гимном США: утвержденная в 1931 году в качестве официального гимна песня на стихи Фрэнсиса Скотта Ки «Знамя, усеянное звездами» («The Star-Spangled Banner») многим казалась громоздкой и трудной для исполнения и потому не совсем подходящей для

God Bless America	**Боже, храни Америку**
God bless America, Land that I love. Stand behind her and guide her Through the night with a light from above. From the mountains To the prairies, To the oceans White with foam. God bless America, My home, sweet home, God bless America, My home, sweet home. *Irving Berlin*	God bless America, Мою любовь. Поддержи ее и веди ее, Освещая ей путь вновь и вновь, – Через горы, Через прерии, Под небесным Шатром. God bless America, Мой дом, милый дом, God bless America, Мой дом, милый дом. *Ирвинг Берлин* ©Перевод, Павел Ильин, 2011

[4] Мой друг Владимир Фрумкин помог мне с переводом этого куплета.

[5] Я искренне благодарен моим друзьям Блэру Рублу, Ирине Хомутовой и Вадиму Щеглову, беседы с которыми помогли мне понять значение слова bless в названии песни И. Берлина.

гимна страны. Сам Берлин был против этого, в частности потому, что его песня – это песня-молитва[6].

Но не всем «God Bless America» пришлась по вкусу. Церковные проповедники находили ее религиозный дух и патриотизм показными, многих раздражало, что песня написана эмигрантом, а куклускланновцы призывали к бойкоту песни просто потому, что ее автор Ирвинг Берлин – еврей.

«God Bless America» – это песня, которая не только вдохновляет живых, но и помогает достойно умереть. 8 июля 2002 года президент США Джордж Буш-младший передал семье капитана Хэмберта «Рокки» Версаче Медаль Славы (Medal of Honor). Капитан Версаче стал первым американским военнопленным, удостоенным этой высшей награды. В 1963 году он попал в плен во Вьетнаме, пережил два года жестоких пыток и был расстрелян 26 сентября 1965 года. Когда товарищи Рокки по заключению слышали его голос последний раз, он пел «God Bless America» во всю силу своих легких[7].

...Шло время, и когда на смену музыкальным стилям, в которых работал Берлин – рэгтайм, свинг, – пришли новые ритмы, популярность Ирвинга Берлина, как и других его современников, пошла на убыль. Но в день великой трагедии оказались нужны именно эта музыка и эти слова. Американцы восприняли с «God Bless America», впервые прозвучавшей за шестьдесят три года до этого.

Остается добавить, что в знак благодарности стране, которая его приняла, Ирвинг Берлин пожертвовал весь гонорар от исполнения «God Bless America» бой- и герл-скаутам Америки. Эти деньги продолжают поступать на счета скаутских организаций США.

This Land Is Your Land

В июле 1912 года, в разгар очередной предвыборной кампании в Соединенных Штатах Америки, в семье жителя городка Окема (Okemah) в Оклахоме Чарльза Гатри появился на свет мальчик, которого назвали Вудро Вильсоном – в честь одного из претендентов на пост президента США. Этот претендент потом стал президентом, а мальчик – великим американским музыкантом и народным певцом Вуди Гатри (Woodrow Wilson «Woody» Guthrie, 1912–1967).

Окема, «раньше и теперь» неприметный городок на Среднем Западе, в то время оказался втянутым в нефтяной бум и переживал недолгий период расцвета. В своей автобиографии Вуди назвал его одним из самых поющих, танцующих, орущих, болтливых, смеющихся, пьянствующих, драчливых и набитых проповедниками городов[8]. Но жизнь в этом городе не баловала мальчика: он пережил трагическую смерть любимой сестры, разорение отца, тяжелую болезнь матери, пожар, уничтоживший их дом. Чтобы поддержать семью, Вуди был готов на любую работу, лишь бы платили. Он даже играл на губной гармонике – это тоже приносило кое-какие гроши. В шестнадцать лет он бросил школу, а в девятнадцать, покинув приходящую снова в упадок Окему, направился в соседний Техас. Он научился играть на гитаре и начал сочинять песни. Он пел и играл всюду, где можно было заработать, – в салунах, на праздниках, вечеринках, просто на улицах, но жизнь его оставалась тяжелой. А тут еще Великие равнины Среднего Запада постигло стихийное бедствие, одно из самых больших в истории США: страшная засуха, превратившая главную пшеничную зону страны в «dust bowl» – «котел пыли»[9]. Засуха

[6] New Grove Dictionary of American Music. Vol. 3. London, 1986. P. 488.

[7] *Sorokin E.* Bush awards Medal of Honor to POW // Washington Times. 2002. July 9. P. A3.

[8] См.: *Klein J.* Woody Guthrie: A Life. New York, 1981. P. 160.

[9] Обычно «dust bowl» переводится на русский язык как «пыльный котел» или, реже, как «пыльная чаша». Предлагаемый здесь перевод – «котел пыли» – принадлежит моему близкому родственнику Александру Синельникову. Мне он кажется удачнее, хотя бы потому, что грамотнее. Ср.: «котел каши», «чашка кофе».

высушивала верхний слой распаханной почвы, ее частицы при малейшем ветре поднимались в воздух, и черные тучи пыли покрывали землю и затмевали небосвод. Засуха длилась все 30-е годы, она пришлась на время Великой депрессии, и обнищавшее население бежало с давно насиженных земель: Великие равнины покинули 2,5 млн человек[10]. И одним из них был Вуди Гатри[11]. Передвигаясь на товарных поездах, попутных машинах, пешком, перебиваясь случайными заработками, Вуди, как и многие беженцы, двинулся в Калифорнию. Обосновался он в Лос-Анжелесе, где получил работу на радио. Его песни имели успех, жизнь стала налаживаться, но, как отмечает его биограф, Вуди никогда не чувствовал себя комфортно – ни когда пользовался успехом, ни когда долго засиживался в одном месте[12]. И в 1940 году он направляется через всю страну с западного берега на восточный – в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке Вуди примыкает к крайне левым, сближается с радикальной интеллигенцией, сотрудничает в газете Компартии «Дейли Уоркер». Он активный участник антивоенного движения и борьбы за гражданские права, среди его близких друзей и партнеров по выступлениям – Пит Сигер (Peter «Pete» Seeger, род. в 1919 году), другой выдающийся народный певец, бывший одно время членом Коммунистической партии США. «Я был красным всю мою жизнь», – говорил о себе Вуди.

Вуди Гатри поселяется на Манхэттене – на 43-й улице возле 6-й авеню. Здесь 23 февраля 1940 года он заканчивает свою самую знаменитую песню: «This Land Is Your Land»[13]. В основу ее мелодии Вуди положил музыку старой религиозной песни «Oh, My Loving Brother» («О, мой любящий брат»)[14]. Вуди часто писал свои песни на уже известную музыку и никогда не возражал, если кто-нибудь использовал его мелодии.

Вуди написал «This Land Is Your Land» в ответ на «God Bless America» Ирвинга Берлина: ему надоела эта песня, постоянно звучавшая по радио в исполнении Кэт Смит, его раздражало ее пение; он находил текст песни слишком благодушным. Об этом свидетельствуют зачеркнутые слова, которыми заканчивался каждый куплет в первом варианте песни: «God blessed America for us». Слово bless имеет разные значения, и мой перевод в данном случае будет: «Бог освятил Америку для нас». Но чем же его песня менее «благодушна», чем «God Bless...»?

Пять куплетов, которые я перевел, это те, которые массово поются, особенно первые четыре. Но немногие знают, что в песне есть еще два куплета. Это:

As I was walking, I saw a sign there,
And on the sign it said «No Trespassing».
But on the other side it didn't say anything:
That side was made for you and me.

«Я шел и увидел надпись, и эта надпись говорила: “No Trespassing”

[10] Такое грандиозное явление, как «котел пыли», не могло не найти отклика в литературе, музыке, изобразительном искусстве, кинематографе. Среди множества посвященных ему произведений – роман Джона Стейнбека «Гроздья гнева» и «Баллады “котла пыли”» самого Вуди Гатри.

[11] Засуха как природное, метеорологическое явление человеку не подвластна. Но в катастрофе 1930-х годов виноват именно он. Земледельцы обрабатывали плодородные прерии, высасывая из них все, что можно было высосать, нисколько не заботясь о том, что будет завтра. А «завтра» обернулось «котлом пыли». Советская пропаганда приводила пыльные бури в США как пример «хищнического использования земель при капитализме», умалчивая о том, что после наиболее катастрофического 1935 года Америка проснулась, и в результате совершенствования правил землепользования и введения новых методов обработки земли подобное стихийное бедствие больше не повторялось. Хотя жестокие засухи не раз с тех пор посещали Великие равнины.

[12] *Arevalo J.* Woody Guthrie's Biography [http://www.woodyguthrie.org/biography/biography4.htm].

[13] Эти адрес и число стоят на сохранившемся рукописном автографе песни. Факсимиле автографа приведено на вебсайте [http://web.archive.org/web/19970814121656/http://www.artsci.wustl.edu/~davida/pics/woody/this_land.gif].

[14] Эта песня под названием «When The World's On Fire» («Когда мир в огне») стала популярной после ее исполнения группой «Carter Family» («Семья Картер»).

("Прохода нет"), а на другой стороне ничего не было сказано. Эта сторона – для нас с тобой!» В первых вариантах песни на месте «No Trespassing» стояло: «Private Property» – «Частная собственность».

И:

In the shadow of the steeple I saw my people,
By the relief office I seen my people;
As they stood there hungry, and I stood there asking,
Is this land made for you and me?

This Land Is Your Land	**Эта земля – твоя**
This land is your land, this land is my land, From California to New York Island, From the redwood forest to the Gulf Stream Waters, This land was made for you and me.	Эта земля твоя, эта земля моя, От Калифорнии и до Нью-Йорка, От рощ секвойных до струй Гольфстрима – Здесь все вокруг для нас с тобой.
As I was walking that ribbon of highway, I saw above me that endless skyway, I saw below me that golden valley This land was made for you and me.	Люблю шагать я, направив стопы По уходящим ввысь горным склонам, По уходящим вниз каньонам, – Здесь все вокруг для нас с тобой.
I've roamed and rambled, and followed my foot steps To the sparkling sands of her diamond desert, While all around me a voice was chanting: This land was made for you and me.	Когда брожу я под небом синим Среди алмазных песков пустыни, То где б я ни был, я слышу голос: «Здесь все вокруг для нас с тобой».
When the sun came shining, and I was strolling And the wheat fields waving and the dust clouds rolling. As the fog was lifting, a voice was chanting: This land was made for you and me.	Восходит солнце, и свежий ветер Листву колышет, день будет светел, Туман уходит, и слышен голос: «Здесь все вокруг для нас с тобой».
Nobody living can ever stop me, As I go walking that freedom highway. Nobody living can make me turn back. This land was made for you and me.	Остановить нас никто не сможет, Преодолеем мы все невзгоды, И не свернуть нас с пути свободы, – Здесь все вокруг для нас с тобой.
Woody Guthrie	*Вуди Гатри* © Перевод, Павел Ильин, 2011

«Я видел мой народ в тени здания со шпилем (в тени церкви), видел его около бюро по безработице; люди там стояли голодные, а я стоял там, спрашивая: “Для нас ли с тобой эта земля?”»[15]

Этими куплетами Вуди противопоставляет неравенство жителей Америки красоте ее земли. С ними песня становится песней протеста против несправедливостей жизни, но куплеты эти вспоминают редко, да и сам Вуди их исполнял не всегда. И «This Land Is Your Land» стала одной из самых патриотических американских песен, претендовавших на то, чтобы стать гимном США.

Вуди не раз меняет место своего обитания. Он переезжает в Гринвич-Виллидж – «гнездо» радикалов в Нью-Йорке, уезжает в Орегон, возвращается в Калифорнию и снова в Нью-Йорк, на этот раз на Кони-Айленд. Душа бродяги не дает ему покоя, но его настигает тяжелая болезнь – та, что много лет назад свела в могилу его мать. Последние годы жизни он проводит в больнице...

Вуди Гатри писал не только «песни протеста», но и детские песни, романы, биографические произведения, эссе. Но «Эта земля – твоя» осталась в его наследии самой знаменитой. Она распространилась по всей планете и во многих странах приняла местное обличие. Так, в Канаде поют: «От Полярного круга до Великих озер», в Великобритании: «От Корнуолла до гор Шотландии». Свои варианты есть на Американских Виргинских и на Багамских островах, в Ирландии, Израиле и Намибии. Ее поют не только на английском, но и на валлийском и шведском языках, на иврите и даже на эсперанто[16].

Звучит эта песня и во многих кинофильмах, телевизионных передачах и по радио – часто с измененными словами, как, например, «Put your hand in my hand...» («Положи свою руку в мою...») или «This song is my song» («Эта песня моя...»)[17]. А в 2004 году на развлекательном веб-сайте Джиб-Джаб (JibJab) появилась пародия на нее, изображавшая претендентов на пост президента США Джоржа Буша и Джона Керри. Оба согласны, что «This land is your land, this land is my land», но каждый из них утверждает, что «This land will surely vote for me!» («Эта земля будет, без сомнения, голосовать за меня!»)[18].

В заключение – слово трем современникам Вуди Гатри:

Джон Стейнбек: «Вуди – это просто Вуди. Тысячи людей не знают, что у него есть какое-то другое имя... Он поет народные песни, и, как мне кажется, в известном смысле он и есть этот народ... Но в его песнях есть нечто еще более важное... Это – готовность все вынести и бороться против угнетения. Я думаю, что это и есть то, что мы называем американским духом».

Боб Дилан: «Вуди Гатри был мой последний кумир. Последний и одновременно первый».

Пит Сигер: «Сказать вам, что я думаю о Вуди? Он – гений».

Можно разделять или не разделять политические пристрастия Вуди Гатри, но нельзя не согласиться с Питом Сигером.

America the Beautiful

Как возникает песня? Либо композитор сочиняет музыку на уже написанные стихи, либо поэт пишет слова под уже готовую музыку. А бывает, что композитор и поэт объединяются в творческом дуэте и работают вместе. Эта песня дру-

[15] Оба куплета существуют в разных, хотя и близких по смыслу вариантах; сам Вуди пел их по-разному. Я выбрал вариант из «Справочника патриота» Каролины Кеннеди, стр. 646–647. (См. прим. 3).

[16] [http://en.wikipedia.org/wiki/This_Land_Is_Your_Land]

[17] «This song is my song» поет Арло Гатри (Arlo Guthrie, родился в 1967 году), сын Вуди, в одной из популярных радиопередач. Арло также стал известным народным певцом. (См. о нем: New Grove Dictionary of American Music. 1986. Vol. 2. P. 299.) Музыкантами и певцами стали и дети Арло – сын и три дочери. Их «музыкальную линию» продолжает внук Арло и правнук Вуди – четвертое поколение поющих Гатри.

[18] [http://sendables.jibjab.com/originals/this_land] (видео)

гая: поэтесса – автор слов – не знала, что музыка для песни давно написана; композитор умер, не успев познакомиться со стихами, создавшими славу его музыке.

Начну издалека. В 1805 году экспедиция под началом капитана Зебулона Пайка (Zebulon Pike, 1779–1813) открыла в Передовом хребте Скалистых гор на краю Великих равнин в Колорадо вершину, которая получила имя в честь руководителя экспедиции: Pike's Peak (пик Пайка)[19]. Позднее апостроф в названии горы исчез, и с тех пор она известна как Pikes Peak (по-русски принято писать Пайкс-Пик)[20]. Пайк не смог подняться на вершину горы – помешала непогода; это удалось сделать только через 15 лет. А в 1859 году в районе горы было обнаружено золото, и началась золотая лихорадка. Золотоискатели шли на поиски желтого металла под лозунгом «Pike's Peak or Bust» (в моем вольном переводе: «Возьмем Пайкс-Пик – или конец!»). И хотя в самой горе золота не нашли, ее имя попало на первые страницы крупнейших американских газет. Но не золотая лихорадка прославила Пайкс-Пик[21]. Его прославила профессор английской литературы Катарина Ли Бейтс (Gatharine Lee Bates, 1859–1929).

Катарина Ли Бейтс всю жизнь прожила в Массачусетсе. Она родилась в городке Фалмут (Falmouth) на южном берегу полуострова Кейп-Код (Cape Cod – Тресковый мыс) в семье, хранившей пуританские традиции[22]. Когда ей было 12 лет, семья переехала в Гранвилл (Granville) около Уэлсли (Wellesley) поблизости от Бостона[23]; в семнадцать Катарина поступила в колледж Уэлсли[24], который окончила в 21 год – в 1881 году. Потом она работала школьным учителем, а с 1885 года стала преподавать литературу в Уэлсли[25]. И всегда и везде писала стихи.

И вот в июне 1893 года профессор колледжа Уэлсли поэтесса Катарина Ли Бейтс, 33-х лет от роду, отправилась поездом из Бостона в Колорадо. В то лето президент колледжа Колорадо в городе Колорадо-Спрингс пригласил группу ведущих специалистов Востока США, чтобы познакомить студентов американского Запада «с ярчайшими умами страны и ее наиболее прогрессивным духом»[26]. Катарина Ли Бейтс была включена в эту группу; ей предстояло в течение трех недель читать лекции в летней школе колледжа.

Бейтс уже довелось побывать в дальнем путешествии, но на восток, через океан. На запад она отправилась впервые. Благодаря этой поездке мы имеем «America the Beautiful». В пути Бейтс сделала знаменательную, как потом оказалось, остановку в Чикаго, где проходила Всемирная выставка, посвященная 400-летию открытия Амери-

[19] Высота горы 4302 м.

[20] Апостроф с буквой s ('s) в английском языке означает принадлежность, и его первоначально имели в своих названиях многие географичские объекты. Так, например, городок Harpers Ferry (Харперс-Ферри) на Потомаке назывался Harper's Ferry: здесь некогда держал паром (ferry) основатель города по фамилии Харпер; а смущающие многих пенсильванские названия Pottsville и Pottstown (Поттсвилл и Поттстаун) когда-то писались как Pott's Ville и Pott's Town: их основал предприниматель John Pott (Джон Потт), происходивший из немецких поселенцев. Все такие места свой апостроф отбросили: без него удобнее.

[21] Колорадская золотая лихорадка оставила следы в других местах: города Денвер и Боулдер выросли из поселков старателей.

[22] Отца Катарина (Кити) не знала, он умер через месяц после ее рождения. См.: *Sherr L.* America the Beautiful: The Stirring True Story Behind Our Nation's Favorite Song. New York, 2001. P. 15. Я знаю еще только одну «книгу о песне»: *Rosen J.* White Christmas: The Story of an American Song (New York, 2002), посвященную песне Ирвинга Берлина «Белое Рождество».

[23] Гранвилл, ныне Уэлсли Хилл (Wellesley Hill), – часть города Уэлсли. Сам Уэлсли, когда Катарина училась в нем, был частью города Нидэма (Needham). Оба они входят сейчас в состав Большого Бостона.

[24] Колледж Уэлсли (Wellesley College) – женский колледж свободных искусств, самый известный среди женских колледжей США, основан в 1875 году – за год до поступления туда Бейтс.

[25] Катарина Ли Бейтс проработала в Уэлсли более 40 лет – до своего выхода на пенсию в 1926 году.

[26] *Sherr L.* Op. cit. P. 30.

ки Христофором Колумбом. Это была выставка достижений и возможностей человеческого разума. Достижений современности и возможностей будущего. Фантастическая иллюминация, восьмидесятиметровое колесо обозрения (чертово колесо) американского инженера Ферриса[27], другие технические чудеса... Но наибольшее впечатление на Бейтс произвел «Белый город» – сама выставка со всеми ее павильонами, бассейнами, каналами, и особенно ее центральная часть: воздвигнутые ведущими американскими архитекторами неоклассические здания, покрытые специальной штукатуркой, как бы светились белым («алебастровым») светом, создавая незабываемый эффект. «Образец красоты», – так Бейтс охарактеризовала «Белый город» в своем дневнике[28].

Дальнейший путь Катарины Ли Бейтс лежал через Канзас; мимо проплывали поля пшеницы. Было 4 июля, праздник независимости США, и, глядя на картины за окном, Бейтс все больше проникалась чувством любви к Америке...

И вот, наконец, Колорадо-Спрингс – город, основанный за 22 года до этого у подножья горы Пайкс-Пик. Приезжие профессора вели занятия в летней школе, а в свободное время осматривали окрестности города. До отъезда оставалось совсем немного, когда, наконец, пришла очередь Пайкс-Пика: Катарина Ли Бейтс и ее коллеги отправились на вершину горы.

К этому времени уже была проложена зубчатая железная дорога, по которой туристы могли без труда подниматься на вершину Пайкс-Пика. Но в этот день она не работала. И путешественники наняли фургон – из тех, на которых пионеры преодолевали просторы Дикого Запада, с традиционным девизом «Возьмем Пайкс-Пик – или конец!», вполне уместным для данного случая. Сначала фургон тащили лошади, в середине пути их сменили более крепкие мулы. Подъем потребовал нескольких часов, и Бейтс очень устала. Но когда перед ней открылась панорама Великих равнин, безбрежных, как море, ее наполнил безграничный восторг. Казалось, перед ней лежит вся великая страна, где сияют белые города, ветер колышет колосья пшеницы и счастливо живут люди...[29] И возникла первая стихотворная строчка: «O, beautiful...» («Ты прекрасна...»)

Вернувшись в гостиницу, Бейтс записала эту строчку. И следующие, написанные тут же. В этот день – 22 июля 1893 года – родилось стихотворение, ставшее потом словами знаменитой песни.

Стихотворение, названное автором «Америка», впервые было напечатано 4 июля 1895 года в популярном бостонском еженедельнике «Конгрегешионалист» («Congregationalist»): редакция держала «Америку» в своем портфеле несколько месяцев, чтобы приурочить ее публикацию ко Дню независимости. Второй раз оно появилось в ноябре 1904 года в ежедневной газете «Бостон ивнинг транскрипт» («Boston Evening Transcript»), в то время самой влиятельной в Новой Англии; Катарина Ли Бейтс отдала в газету новую редакцию «Америки». Но поэтесса продолжала работать над стихотворением, и в 1911 году опубликовала его окончательную редакцию под новым, тоже окончательным, названием в своей книге, на обложке которой стояло: «America the Beautiful and Other Poems (и другие стихи)».

В тексте «America the Beautiful» явно прослеживаются эмоциональные и зрительные впечатления автора от поездки в Колорадо. Здесь и «сияние алебастровых городов» («Белый город»), и «янтарные волны хлебов» (прерии Канзаса), и «величие пурпурных гор» (Скалистые горы), и вид с вершины Пайкс-

[27] По-английски колесо обозрения так и называется: Ferris Wheel (колесо Ферриса).

[28] *Sherr L.* Op. cit. P. 29.

[29] На следующий день мать Катарины получила от нее телеграмму: «Привет с Пайкс-Пика восхитительно ошеломляюще хочу ты была здесь». См.: *Sherr L.* Op. cit. P. 38–39.

Пика на необъятные просторы Америки – «From sea to shining sea», то есть «от океана до океана» или, что то же, «от берега до берега», иначе говоря, вся страна[30]. К сожалению, при поэтическом переводе не всегда удается буквально передать слова автора, особенно когда стремишься сохранить ритмический строй оригинала, а для песни это важно. Так, в предлагаемый перевод не вместилось слово «алебастровый» – очень важное для поэтессы, которая видит свои города именно такими. Я заменил «алебастровые города» на «лазурные»,

America the Beautiful	**Ты прекрасна, Америка!**
O beautiful for spacious skies, For amber waves of grain, For purple mountain majesties Above the fruited plain! America! America! God shed His grace on thee, And crown thy good with brotherhood, From sea to shining sea!	Прекрасна небесами ты И золотом хлебов; Величьем гор прекрасна ты Над зеленью садов! Америка! Америка! Бог милостив к тебе, И братства свет здесь светит всем На всей твоей земле!
O beautiful for pilgrim feet Whose stern, impassion'd stress A thoroughfare for freedom beat Across the wilderness! America! America! God mend thine ev'ry flaw, Confirm thy soul in self-control, Thy liberty in law!	Прекрасна пилигримов ты Наследством на земле. Пути свободы – их следы – Проложены везде! Америка! Америка! Тебя Бог укрепит, Свободы ниспошлет закон, И душу закалит!
O beautiful for heroes proved In liberating strife, Who more than self their country loved, And mercy more than life! America! America! May God thy gold refine Till all success be nobleness, And ev'ry gain divine!	Прекрасна героизмом тех, Кто, жизни не щадя, Боролся за свободу всех, Страну свою любя! Америка! Америка! Тебя Бог вдохновит, Он благородство даст тебе, Со славой породнит!
O beautiful for patriot dream That sees beyond the years Thine alabaster cities gleam Undimmed by human tears! America! America! God shed His grace on thee And crown thy good with brotherhood From sea to shining sea!	Прекрасна ты мечтами тех, Кто видел сквозь года, Как будет счастлив человек В лазурных городах! Америка! Америка! Бог милостив к тебе, И братства свет здесь светит всем На всей твоей земле!
Katharine Lee Bates	*Катарина Ли Бейтс* © Перевод, Павел Ильин 2011

[30] Фраза «From sea to shining sea» стала идиомой и несчетное число раз с тех пор использовалась в литературе, искусстве и средствах массовой информации. См.: [http://www.phrases.org.uk/meanings/from%20sea%20to%20shining%20sea.html]. Shining по-английски – сияющий, но значение отдельных слов (и их сочетаний) в идиомах, как известно, может не иметь никакого отношения к смыслу идиомы.

которые представляются мне столь же прекрасными.

Но более серьезного объяснения, как мне кажется, требует мой вариант русского названия стиха, поскольку публика бывает недовольна, когда отходят от привычного ей. Произнесите с требуемой по смыслу экспрессией: «America the Beautiful». А теперь произнесите эти же слова в буквальном переводе: «Америка прекрасная», – и что получилось? Нечто размазанное, без нужного пафоса и экспрессии. Не многим лучше и «Прекрасная Америка». А теперь, мое: «Ты прекрасна, Америка». Чувствуете? Два ударных слова и сокращение числа безударных слогов – и русское заглавие адекватно оригиналу[31].

И еще одно замечание. Обращение к Америке в переводе на «ты» полностью соответствует оригиналу: Катарина Ли Бейтс использует по отношению к любимой стране малоупотребительные уже в то время формы местоимения второго лица единственного числа[32].

Но вернемся к биографии песни. Едва стихи Катарины Ли Бейтс появились в печати, их стали петь. Петь на любой подходящий мотив. Композитор Сайлас Дж. Пратт (Silas G. Pratt, 1846–1916) был первым, кто положил стихи на музыку. Но никто не знал, что музыка для «America the Beautiful», Музыка с большой буквы, уже написана, что написал ее композитор Сэм Уорд и называется она «Матерна» («Materna»).

Самуэль Аугустус Уорд (Samuel Augustus Ward, 1848–1903) служил органистом и руководителем хора в епископальной церкви в Ньюарке, штат Нью-Джерси. И в один прекрасный летний день 1882 года (прекрасный как в прямом, так и в переносном смысле) он отправился со своим другом хормейстером Генри Мартином в парк развлечений на Кони-Айленд. Попасть на Кони-Айленд можно было экипажем, можно было поездом, но друзья выбрали пароход. Мы не знаем, как они провели день в этом замечательном парке и на его великолепном пляже, но можно не сомневаться, что они отплыли домой в чудесном настроении.

– Генри, – неожиданно обратился Сэм к своему спутнику, – ко мне только что пришла мелодия, но не на чем ее записать. Не найдется ли у тебя листка бумаги?

Генри пошарил по карманам, но там не было ни клочка. И тогда он оторвал рукав своей накрахмаленной рубашки и протянул его Сэму. И Сэм тут же начертил на нем нотные линейки и записал мелодию, которая крутилась у него в голове. Мелодию песни «America the Beautiful».

Возможно, это легенда. Но кто сказал, замечает Линн Шер, что парк развлечений и океан могут вдохновить художника меньше, чем всемирная выставка и гора?[33] Я с этим полностью согласен. А было Сэму Уорду тогда тридцать три – столько же, сколько Катарине Ли Бейтс, когда она поднялась на Пайкс-Пик.

Конечно, никакой «Америки» еще не было, до ее написания оставалось 11 лет. «Мелодия на рукаве» предназначалась для религиозного гимна «О, мать, родной Иерусалим» («O Mother Dear Jerusalem»). Этот старинный гимн, по мнению композитора, нуждался в новой музыке. Уорд назвал ее «Матерна»[34]. В 1888 году «Матерна» вышла за стены церкви в Ньюарке – ее напечатал еженедельник «Приходской хор» («Parish Chorus»), и она оказалась лучшей и самой долговечной из всего, созданного композитором.

Самуэль Уорд умер в 1903 году[35]. Ему не довелось встретиться с Катариной Ли

[31] Лингвисты найдут мое объяснение наивным, но я так чувствую.

[32] Thou (ты), thee (тебе, тебя), thy, thine (твой, твоя, твое).

[33] *Sherr L.* Op. cit. P. 48.

[34] Materna по-испански – материнская.

[35] В некрологе, помещенном в ньюаркской газете «Дейли адвертайзер» («Daily Advertiser»), Уорд был назван «одним из самых известных музыкальных деятелей штата» (*Sherr L.* Op. cit. P. 59).

Бейтс, и он не дожил до триумфа своей «Матерны». Слова и музыка встретились через год после смерти композитора, в ноябре 1904 года. Их свели вместе д-р Кларенс Барбур (Clarence Barbour, 1869–1937), пастор баптистской церкви на Лейк-авеню в Рочестере, штат Нью-Йорк, и его жена, опытный музыкант. «Матерна» Уорда была им знакома, она регулярно входила в сборники религиозных гимнов, а стихотворение Бейтс пастор прочитал в «Бостон ивнинг транскрипт». И супруги нашли, что эти стихи и эта музыка идеально подходят друг к другу[36].

Церковь на Лейк-авеню стала первым местом в стране, где песню «America the Beautiful» спели на музыку «Матерны». Позднее, в 1910 году, Барбур опубликовал слова и музыку песни в составленном им сборнике религиозных гимнов. «America the Beautiful» широко распространилась по стране. Ее включали в поэтические сборники, школьные учебники и книги для чтения. Солдаты, отправлявшиеся на европейский театр военных действий в 1918 году, уносили с собой эту песню, напечатанную в изданном для них песеннике, и пели ее на марше и в день окончания войны. «America the Beautiful», писал «отец американской музыкальной комедии» Джордж М. Коэн (George M. Kohan, 1878–1942), – это было то, за что они воевали, и то, с чем они вернулись домой[37].

Но не все признавали «Матерну» наиболее подходящей для «America the Beautiful», ей пришлось соперничать с мелодиями других композиторов[38]. Апофеоза это соперничество достигло в конце 1926 – начале 1927 года, когда американская Национальная федерация музыкальных клубов проводила конкурс на новую – лучшую! – музыку для песни. На конкурс пришла 961 мелодия, авторы которых жаждали славы и денег. Но приз в 500 долл.[39] остался не врученным: авторитетное жюри не сочло ни одну из присланных мелодий достойной быть музыкой для «America the Beautiful». «Матерна» одержала безусловную победу.

Катарина Ли Бейтс никогда не высказывала предпочтения той или иной музыке. И воздерживалась от какой-либо критики. Выбор музыки – это дело певцов, а не поэта, объясняла она. Но она не колеблясь отвергала – вежливо, но решительно – все попытки и предложения внести поправки в стихотворный текст. У песни, подчеркивала поэтесса, должен быть один текст, а не много, как это случилось с музыкой[40].

В то же время Бейтс не имела ничего против перевода текста песни на другие языки и не возражала против его изменения в других странах: свои варианты пелись в Австралии, Бирме, Германии, Индии, Канаде, Мексике и на Филиппинах[41]. «Если им это нравится, то почему бы нет?» – говорила Бейтс.

Профессор Катарина Ли Бейтс заведовала кафедрой английской литературы, писала книги и статьи по своей специальности, публиковала сборники стихов, рассказы о своих путешествиях, писала для детей, редактировала[42]. И – отвечала на письма. Ее корреспонденты слали ей отклики и поправки к тексту песни, многие просили совета и, конечно, обращались за автографом. Она никому не отказывала в их просьбах. «Я

[36] *Sherr L.* Op. cit. P. 58. В конце своей жизни д-р Кларенс Барбур был избран президентом одного из университетов Лиги плюща (Ivy League) – Брауновского университета в Провиденсе, штат Род-Айленд. См.: [http://en.wikipedia.org/wiki/Clarence_Barbour].

[37] *Sherr L.* Op. cit. P. 66.

[38] Линн Шерр поместила в своей книге факсимиле нот некоторых вариантов музыки песни. См.: *Sherr L.* Op. cit. P. 64, 65, 67.

[39] Более 6 тыс. долл. на современные деньги. См.: [http://www.dollartimes.com/calculators/inflation.htm].

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Список книг, которые вышли из-под пера Катарины Ли Бейтс или были ею отредактированы, содержит около 50 названий. См.: [http://en.wikipedia.org/wiki/Katharine_Lee_Bates].

работала как бобер», – говорила Бейтс о себе[43]. А писем было столько, что под них пришлось выделить в ее доме особое помещение.

...Мне представляется курьезом, что еще в начале XX века Соединенные Штаты Америки жили без государственного гимна[44]. Вопрос о гимне возникал неоднократно и в 1912 году был вынесен на обсуждение Конгресса: было предложено объявить гимном страны песню на стихи Фрэнсиса Скотта Ки (Francis Scott Key, 1779–1843) «The Star-Spangled Banner» («Знамя, усыпанное звездами»). Но решение тогда принято не было, а за стенами Капитолия все громче раздавались голоса, призывающие провозгласить гимном США песню «America the Beautiful»: это было время расцвета ее популярности. Еще в 1904 году «Бостон ивнинг транскрипт» представил стихотворение Катарины Ли Бейтс как «американский гимн»[45], а в 1908 году один чикагский юрист написал президенту Теодору Рузвельту, что стихи такой потрясающей красоты и силы, как «America the Beautiful», должны стать национальной песней. Количество таких голосов множилось, и в 1926 году Общество национального гимна (National Hymn Society) официально призвало Конгресс провозгласить «America the Beautiful» государственным гимном США. Песня «вышла в финал», став единственным соперником «The Star-Spangled Banner».

Спортивные болельщики знают, что команда, казавшаяся им фаворитом, побеждает далеко не всегда. Дебаты в Конгрессе вспыхнули с новой силой в 1930 году, и в апреле следующего года президент Герберт Гувер подписал закон, в соответствии с которым Государственным гимном США стало «Знамя, усыпанное звездами».

Но сторонники песни Бейтс и Уорда считают, что они проиграли сражение, а не войну. В 1985 году в Конгресс поступил законопроект, внесенный бывшим морским пехотинцем – членом конгресса, об объявлении «America the Beautiful» гимном страны вместо «The Star-Spangled Banner». Аналогичные предложения вносились и позднее. Пока никакого движения в этом направлении не наблюдается, но – продолжение следует[46].

Имя Катарины Ли Бейтс носит улица в ее родном Фалмуте; извещение на въезде в город сообщает, что здесь родилась автор «America the Beautiful»; бережно сохраняется дом ее детства. В Уэлсли и Колорадо-Спрингс есть школы имени Бейтс. Слова ее песни сияют золотом на мемориальной доске, установленной на вершине Пайкс-Пика. Имя Самуэля Уорда увековечено на стене церкви в Ньюарке, в которой служил композитор. Один из парков в Колорадо-Спрингс называется «America the Beautiful Park». Есть ли еще в Америке парки, носящие имя песни?

[43] *Sherr L.* Op. cit. P. 66.

[44] В США государственный гимн называется national anthem. Anthem и hymn в английском языке синонимы, но для официального гимна предочтение отдано слову anthem.

[45] Факсимиле газетной публикации см. в: *Sherr L.* Op. cit. P. 58.

[46] Подробный рассказ об обсуждения вопроса о гимне в Конгрессе см. в: *Sherr L.* Op. cit. P. 85–89.

Трудный путь к нации

Мир переживает очередной всплеск интереса политиков и теоретиков к проблеме политической нации. Еще недавно западные политические деятели если и затрагивали эту тему, то лишь по отношению к новым государствам, приступившим к так называемому «nation-building», однако в конце прошлого года лидеры трех крупнейших европейских стран один за другим публично признали проблемы дезинтеграции своих национально-государственных сообществ. В России нулевые годы прошли под лозунгом: «Забыть о нации, о межэтнических и межрелигиозных проблемах», а в этом году одним из первых программных предвыборных выступлений Владимира Путина стала статья «Россия: национальный вопрос».

Проблемы совместной жизни в едином государстве представителей разных этнических и религиозных групп нарастают как в странах Запада, так и в России. В таких условиях усиливается интерес исследователей к фундаментальным вопросам теории нации и прикладным ее аспектам – поиску оптимальных моделей единства представителей разных культур, но граждан одного государства. Смысл и пути достижения этого единства видятся поразному, становясь предметом горячих общественно-политических дискуссий.

Организаторы годичного, постоянно действующего семинара «*Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России*» Фонда «Либеральная миссия» и московского офиса Института Кеннана посчитали важным перевести политические дискуссии в русло академических дебатов, которые призваны прежде всего дать научную оценку состоятельности аргументов в пользу разных моделей организации политической нации. Ныне в России можно говорить о двух реально конкурирующих и противоположных проектах нации: один из них основан на идее правового закрепления культурного доминирования, так называемого «государствообразующего народа» (именно эта модель предложена в программе Путина, ее же в еще более жесткой форме этнического доминирования защищают и русские националисты). Другой проект исходит из принципа равноправия граждан вне зависимости от их национальности и религиозности, он признает государствообразующими граждан, а не этносы или религии. Соответственно, и основной формой идентификации единства («мы – народ») в этом проекте выступают все граждане.

Предполагается также обсуждение аргументов и в пользу наднациональных моделей взаимодействия представителей разных культур – имперской и мондиалистской (глобалистской).

Научные задачи семинара предусматривают апробацию междисциплинарного подхода как совмещения социологических, культурологических, политологических и иных знаний о проблеме становления и функционирования национальных сообществ, а также рассмотрение разных тематических сторон этой проблемы. В этой связи на уже проведенных заседаниях затрагивались такие темы, как взаимосвязь национальной организации общества и федеративных отношений; роль различных институтов (в частности церкви) в национальной консолидации; проблема единства и противоположности аскриптивных (предписанных) и избирательных форм идентификации. Это лишь некоторые основные вопросы, которые рассматриваются в рамках семинара,

научным руководителем которого является Эмиль Паин.

***

На первом заседании, состоявшемся 24 января 2012 года, был представлен доклад *Эмиля Паина* и студента третьего курса НИУ ВШЭ *Сергея Федюнина «Невозможность империи и недостаточность нации: концептуализация новой политики – интеркультурализма»*. В своем выступлении *Э. Паин* охарактеризовал путинскую идеологию как позднеимперскую. Именно в канун распада империй у их правителей появлялось стремление укрепить основы своей вертикали власти опорой на этническое большинство, отказавшись от надэтнической, наиболее характерной для империй, формы консолидации подданных. Так было, например, в канун распада Османской и Российской империй. В политическом отношении империя – это иерархическая система государственного управления, звенья которой связаны между собой только через вертикаль власти. У нее весьма слабы горизонтальные социальные связи между разными группами населения, а также культурные скрепы общества – ценностные основы культурного единства. Вот и в современной России ее подданные разделены местничеством, этническими и религиозными границами. Они плохо связаны едиными гражданскими отношениями. Им трудно гордиться современными достижениями, поэтому правителям приходится все в больших объемах эксплуатировать капитал истории. Но имперская история – плохой объединитель (завоевание Казани, покорение Сибири и Северного Кавказа для одних граждан России – предмет гордости, а для других – память о национальном поражении или унижении). Общественная реакция на итоги федеральных выборов 2012 года показывает, что и такой ресурс консолидации, как доверие к верховной власти, также слабеет.

В современном мире, по мысли Паина, империя невозможна, но и с идеей нации не все понятно. Нет не только теоретической канвы, но и образа государства, который можно было бы использовать в качестве модели для подражания. Россия по крайней мере на век опоздала с переходом от империи к нации. В начале прошлого века Османская империя перешла к нации, используя идеи ассимиляции. Сегодня такие идеи невозможны, они нелегитимны, осуждаемы в современном мире.

Идея мультикультурализма, возникшая в противовес идее ассимиляции, была отнюдь не гражданской. Это была замена идеи доминирования большого народа идеей доминирования многих малых.

«Таким образом, и теоретически, и политически мир находится в состоянии неопределенности, поиска мировоззрения, на основе которого можно было бы выстроить гражданскую нацию», – заключил Паин.

Авторы доклада считают необходимым говорить о дополнительных способах поддержания интегративности общества и предлагают концепт интеркультурализма. Его основные контуры обрисовал *С. Федюнин*.

Интеркультурализм признает неизбежным процесс нарастания культурного разнообразия как в глобальном масштабе, так и в границах национальных государств. Он не требует отказа от традиционной этнической или религиозной идентичности в качестве основы для формирования образа единого общегражданского «мы». Его целевое значение лежит в области поиска общих интересов в сфере участия представителей разных культур в гражданской и политической деятельности, а также на основе рациональной выгоды от взаимодействия, задающего основания для сближения, переплетения культур, выработки общего культурного кода для взаимодействия.

Важной мировоззренческой новацией концепции интеркультурализма является объединение как конструктивистских, так и эволюционистских взглядов на культуру и рассмотрение

функций «лесника» (поддерживающего эволюционное развитие) и «садовника» (создающего новую натуру) как взаимодополняющих, а не конкурирующих. Интеркультурализм указывает на роль воспитания для привыкания к постоянным инновациям, не теряя общего смыслового направления движения во всем реальном и потенциальном многообразии культур.

Интеркультурализм противопоставляется концепциям и политическим курсам межкультурного взаимодействия, которые становились господствующими ранее в национальной политике и не смогли в полной форме компенсировать фактор социальной дезинтеграции, иногда даже способствуя ее усилению (ассимиляция, интернационализм, плавильный котел, мультикультурализм, постмодернизм). Это позволяет увидеть изъяны этих моделей и выявить то, что является ошибками политических идей и практик.

Доклад вызвал бурную дискуссию. Одни участники семинара (*Ольга Малинова*, ИНИОН РАН; *Ярослав Бахметьев*, НИУ ВШЭ) увидели в представленном концепте лишь обновленный вариант мультикультурализма и концепции культурной свободы А. Сена. Были заданы вопросы о том, на какой социальный заказ опирается проект, а также о том, почему доклад построен на отталкивании от тех принципов, которые по тем или иным причинам не устраивают авторов (*Ирина Бусыгина*, МГИМО; *Валентин Гефтер*, Институт прав человека). Другие участники поддержали проект как чрезвычайно перспективный. В частности, *Лев Гудков* (Левада-Центр) отметил, что это не модель реальных отношений, а изложение тех принципов или императивов, которые могут быть положены в основу государственной или общественной политики: «Мы имеем дело с идеологическим манифестом, который строится на противопоставлении тем интеллектуальным ходам, которые предлагались в предшествовавших концепциях». *Владимир Кржевов* (философский факультет МГУ) выделил в качестве самого важного мотива, прозвучавшего в докладе, необходимость поиска общего культурного кода, предусматривающего сохранение групповых и индивидуальных особенностей. По мнению Кржевова, таким кодом должен стать язык права.

***

Что может привнести религия в процесс общественной интеграции? Какое место она должна занимать в свободном гражданском обществе? Над этими вопросами размышляли участники второго заседания, состоявшегося 14 февраля. С докладом «*Религия и церковь в процессе формирования гражданской нации в современной России*» выступил кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ *Владимир Кржевов*. Статья, подготовленная на основе его выступления, публикуется в этом выпуске «Вестника». Ученый обращает внимание на опасность набирающей популярность идеи о «возвращении» к православию как основе интеграции российского общества и считает необходимым строго придерживаться принципа свободы совести. «Гражданское общество – убежден Кржевов, – консолидируется ровно в той мере, в какой этот принцип становится общепризнанным».

Участники дискуссии были в целом согласны с тем, что формирование гражданских наций основывается на неаскриптивных идентичностях и, следовательно, религия, как и этничность, не может быть основой таких общностей. «Путь в бездну» – так определил *Э. Паин* политику навязывания сверху доминирующей культурной матрицы в нашем составном, многоконфессиональном обществе.

Однако некоторые оценки, прозвучавшие в докладе, вызвали возражения. Например, *Марина Мчедлова* (Центр «Религия в современном обществе» Института социологии РАН) и *Иван Курилла* (Волгоградский государственный универси-

тет) посчитали излишне категоричными заявления об отсутствии в России и в прошлом, и в настоящем веротерпимости и подавлении РПЦ всех остальных религий. Не согласна М. Мчедлова и с утверждением, что религия должна быть только частным делом человека. По ее мнению, во всем мире она «в новых формах возвращается в публичную политику и общественную жизнь». Нужно думать о том, как религиозный фактор из конфликтогенного перевести в ресурс, стабилизирующий политическую систему. *Ольга Казьмина* (исторический факультет МГУ) полагает, что не стоит обвинять РПЦ в лукавстве, когда она заявляет, что не стремится к государственному статусу. «Да, государственный статус дает определенные привилегии и финансирование, но он ставит церковь в сильную зависимость от государства... А РПЦ, как, может быть, ни одна другая религиозная организация, знает, что такое быть в сильной зависимости от государства».

На обсуждаемые вопросы нет однозначных ответов – подвел итог дискуссии *Э. Паин*. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что пока не только Московская патриархия РПЦ, но и организационные надстройки других религий, например Духовные управления мусульман в различных регионах России, выстраиваются иерархически, уподобляясь нашему вертикальному государству. И они стремятся все теснее прижаться к государству. Эти институты пока принципиально противоположны гражданским институтам, основанным на самоорганизации. Однако исторически так было в определенные эпохи и с религиозными институтами в ряде стран Запада. Вместе с тем не стоит забывать, что позднее в этих же странах гражданские нации стали вызревать с опорой на гражданские институты, выросшие из религиозных: школ, больниц, домов престарелых, благотворительных организаций и т. п. По его мнению, «без формирования некого специфического культурного шаблона и культурных корней гражданские общества не прорастают. В условиях сильного разрушения русской культурной традиции мы имеем проблему построения гражданских институтов. А в тех странах, где традиции сохранились, появляются и специфические гражданские институты, при этом все они культурно особенные. ... А может быть, и какие-то православные институты обладают модернизационным потенциалом?» Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшего анализа.

***

Сегодня межнациональные проблемы в России все чаще сводятся к проблеме миграции. Между тем для нашей страны центральной была и остается проблема взаимоотношений между народами, исторически сложившимися на ее территории. В связи с этим еще одно заседание семинара, состоявшееся 19 марта, было посвящено *ресурсам имперского и федеративного проектов,* являющихся двумя способами аккомодации территориального, и в том числе этнического, разнообразия. *Ирина Бусыгина* (доктор политических наук, директор Центра региональных политических исследований МГИМО) в своем докладе, подготовленном в соавторстве с Михаилом Филипповым, показала, что реальной альтернативы федерализму, совместимой с демократией, у России не существует. По ее мнению, альтернатива федерализму – либо распад на более мелкие и более однородные образования, либо отказ от демократии и построение многонациональной империи. «В России во имя поддержания территориальной целостности приходится выбирать между имперской моделью и моделью этнической федерации. Этническая модель федерализма основывается на признании особых прав национальных меньшинств, на асимметричных принципах в их пользу, что неизбежно приводит к ограничению или даже ущемлению интересов большинства. Мы вынужденно склоняемся к этнической модели федерализма именно для России как к

меньшему из возможных зол и той цене, которую надо заплатить за сохранение целостности огромной многонациональной страны».

По мысли Бусыгиной, даже такая федерация возможна только в условиях политической демократизации. «Федерализм не самоподдерживающийся порядок. Федерализм нуждается в гарантиях, которыми выступают выборы, конкуренция политических партий». Необходимо создать определенную степень доверия в национальных регионах тем обязательствам, которые принимает на себя федеральный центр. Это положение нашло поддержку у многих участников семинара. Как подчеркнул *В. Кржевов*, «федерализация и создание конкурентного политического рынка предполагает прежде всего демократизацию отношений между гражданами и центром власти. С тем, чтобы центр власти в ближайшей перспективе оказался под контролем, а не занимал авторитарные позиции».

Категорически против основного тезиса Бусыгиной о выборе этнической модели федерализма для России выступил *Леонид Смирнягин* (географический факультет МГУ), поскольку сама идея федерализма заключается в полном равноправии субъектов федерации. Смирнягин настаивает на том, что российская федерация не этническая. «Наша Конституция имитирует этничность, не более того. Есть масса заявлений о том, что у нас в областях – уставы, а в республиках, видите ли, конституция. Там называется "президент", здесь называется "губернатор". И все! В статье пятой, часть четвертая, сказано, что в отношениях с федерацией все субъекты федерации равноправны абсолютно. ... Если бы хоть Ирина говорила о том, что нам нужен переходный период для построения чего-то более здравого. Однако, по ее мнению, нам вообще не дано построить нормальную федерацию, типа немецкой или американской, или смеси из них, потому что мы обречены на этнический федерализм. Мне кажется, что если нам начать сейчас строить реальный этнический федерализм, это будет не просто шагом назад, это будет прыжком назад».

В какой-то мере эту же позицию поиска «нормальной федерации» и критического подхода к федерации «этнической» поддержал и *Казбек Султанов* (Институт мировой литературы РАН). По его мнению, «действующая модель "ассиметричного этнического федерализма" как следствие вынужденного выбора "меньшего из зол" свидетельствует об имитационной федеративности, если признать, что ее ключевой компонент – покупка лояльности местных элит ради сохранения их заинтересованности в центре». По аналогии с failed states (неудавшиеся государства) Султанов считает возможным говорить о феномене failed regionalism (неудавшийся регионализм). «Удавшейся региональная политика становится тогда, когда реально обнаруживает себя децентрализация как двигатель подлинно федеративной политики», – полагает он.

Прояснить и примирить позиции оппонентов попытался *Э. Паин*, который предложил не придираться к словам, а вникнуть в суть проблемы. Докладчик не является сторонником так называемой этнической федерации. «Речь идет о другом, и здесь я согласен с Ириной. Она сказала, что сегодня дергать нашу Конституцию за усы очень опасно. И в том числе отказываться от сложившейся системы республик с одной стороны и краев и областей – с другой». Республики не определяются в Конституции как форма «этнической федерации», и это хорошо, что Россия ушла в своем Основном Законе от этого понятия. «Однако сейчас сделать следующий шаг и вдруг объявить, что у нас все губернии, как предлагает Владимир Жириновский, – это смерти подобно». По мысли Паина, наличие республик отражает тот факт, что в России существуют специфические этнические территории, как бы они юридически ни обозначались. На этих территориях сложились и имеют реальную силу этнические элиты. Центральная задача

– вовлечь эти элиты в процесс реальной федерализации страны. В развитие основных идей доклада И. Бусыгиной Э. Паин выдвинул гипотезу о том, что реальная, полноценная федерация решает сразу две проблемы: «Развитие федерации через политические рынки и обеспечение условий участия населения и его заинтересованности в таком участии является, во-первых, фактором повышения эффективности взаимодействия регионов и центра и, во-вторых, важным инструментом, с помощью которого ценности этноцентрические могут постепенно снижаться, уступая свои позиции ценностям гражданской кооперации, гражданской активности и гражданской же идентичности. И в этом смысле наша работа по интеркультурализму и ваша работа по федерализму – это взаимодополняющие направления».

***

Нельзя не упомянуть и о том, что недавно семинар вышел за пределы Москвы. 29 марта в его рамках в Томском государственном университете состоялся семинар «*Европа – Россия – Сибирь: общее и особенное в проблемах национально-гражданской интеграции*», организованный совместными усилиями ТГУ, Центра Европейского союза в Сибири, московского офиса Института Кеннана и Фонда Ф. Эберта (Германия). В нем приняли участие ученые из Томска, Новосибирска, Москвы, а также из Германии.

Два принципиальных вопроса вызвали дискуссии в ходе этого семинара. Первая возникла между московскими и томскими участниками. Обе стороны признавали, что нынешняя практика распределения благ между центром и регионами не отвечает принципам справедливости и усиливает отчужденность регионов от центра, а следовательно, не укрепляет общенациональное единство России. Все российские участники говорили на одном языке, но с разных концептуальных позиций. Декан исторического факультета ТГУ *Василий Зиновьев* рассматривал эту проблему как проявление извечного противостояния богатеющей Москвы как метрополии и обираемой Сибири как колонии. Московские же участники формулировали эту проблему как проявление сверхцентрализации государственного управления. При нем неизбежны пороки так называемого «ручного управления», от которого страдают жители не только периферии, но и Москвы. Здесь, например, уровень цен на товары и услуги в рамках элементарных социальных нужд выше среднего даже для столиц богатейших стран мира, а уровень доходов населения намного ниже и сопоставим с доходами жителей Томска.

Еще одна дискуссия обозначилась в связи с расхождением позиций немецкого исследователя и некоторых российских участников семинара. *Райнер Олигер* (руководитель проектов Сети «Миграция в Европе») изложил довольно распространенную среди экспертов социал-демократического направления точку зрения, согласно которой политики мультикультурализма в Германии не было, поскольку такое понятие не отражено в правовых документах, а критика мультикультурализма канцлером Меркель имела сугубо идеологическую направленность в угоду вкусам консервативных кругов страны. *Э. Паин* изложил иную позицию. Он согласился, что такого названия у политики не было, но по содержанию политика мультикультурализма проводилась в Германии и других странах ЕС. Была политика спонсирования общин и оказания преимуществ каким-то группам по этническому принципу; была и остается поддержка общинного сознания, приводящего к фактической сегрегации общества и формированию добровольных гетто. Признание этих проблем помогает поиску более адекватных моделей организации межкультурного взаимодействия.

***

В рамках краткого обзора мы попытались лишь очертить круг вопросов, которые обсуждаются на семинаре. Впереди новые дискуссии. Ближайшими их темами станут: «Россия и Украина: общее и особенное в имперском наследии» (докладчик – студент НИУ ВШЭ Сергей Простаков) и «Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте» (докладчик – ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России Ольга Малинова).

С более полной информацией о семинаре «Трудный путь к нации», включая стенограммы выступлений, можно ознакомиться на сайтах московского офиса Института Кеннана (www.kennan.ru) и Фонда «Либеральная миссия» (www.liberal.ru). По итогам работы семинара запланирован выпуск книги.

Екатерина Алексеева,
руководитель программ московского офиса Института Кеннана, редактор «Вестника Института Кеннана в России»

Эмиль Паин,
доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ

Календарь событий осени – зимы 2011/2012 года

Семинар — 19 сентября, г. Москва, Горбачев-Фонд

Вызовы городского разнообразия и поиск ответа на них в эпоху масштабных миграций

Открытие – *Михаил Горбачев*, президент СССР; *Ольга Здравомыслова*, исполнительный директор Горбачев-Фонда, *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

Выступающие – *Блэр Рубл*, директор Института Кеннана, директор Программы по сравнительной урбанистике Международного научного центра Вудро Вильсона; *Анатолий Вишневский*, директор Института демографии НИУ ВШЭ; *Владимир Малахов*, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Организаторы – Горбачев-Фонд, московский офис Института Кеннана

Круглый стол — 15 ноября, г. Москва, НИУ ВШЭ

Национальный вопрос и культурная идентичность

Выступающие – участники проекта Научного фонда НИУ ВШЭ «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России» *Надежда Абалмасова*, аспирантка НИУ ВШЭ; *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ; *Сергей Простаков*, магистрант НИУ ВШЭ. Основные дискуссанты – *Владимир Малахов*, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; *Иосиф Дзялошинский*, профессор НИУ ВШЭ

Организатор – Фонд «Либеральная миссия» при участии представителей Товарищества российских выпускников Института Кеннана

VIII Старовойтовские чтения — 24 ноября, г. Москва, НИУ ВШЭ

Двадцать лет без СССР: уроки независимого развития постсоветских государств

Открытие – *Евгений Ясин*, президент Фонда «Либеральная миссия», *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ; *Ольга Старовойтова*, президент Санкт-Петербургского общественного фонда «Музей Г.В. Старовойтовой»

Сессия 1. Сравнительный анализ тенденций политического развития постсоветских государств. Модератор – *Эмиль Паин*. Выступающие – Украина: *Алексей Гарань*, профессор кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»; *Виктор Мироненко*, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН; страны Центральной Азии: *Алексей Малашенко*, член Научного совета Московского Центра Карнеги; *Елена Кузьмина*, руководитель сектора экономического развития постсоветских стран Центра постсоветских исследований Института экономики РАН; Молдова: *Алла Язькова*, руководитель Центра Средиземноморья и Черноморья Института Европы РАН; страны Закавказья: *Александр Караваев*, заместитель генерального директора Информационно-аналитического Центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве; *Григорий Шведов*, главный редактор интернет-издания «Кавказский узел»; страны Балтии: *Юрис Розенвалдс*, декан факультета социальных наук Латвийского университета; *Екатерина Фурман*, старший научный сотрудник Института экономики РАН

Сессия 2. Современный политический режим в России: отрицание или продолжение режима 90-х. Модератор – *Игорь Клямкин*, вице-президент Фонда «Либеральная миссия». Выступающие – *Георгий Сатаров*, президент Фонда прикладных политических исследований ИНДЕМ; *Дмитрий Орешкин*, политолог, член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; *Виктор Шейнис*, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; *Андрей Зубов*, профессор МГИМО, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; *Михаил Краснов*, зав. кафедрой муниципального и конституционного права НИУ ВШЭ; *Ольга Малинова*, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; *Петр Кучеренко*, доцент кафедры конституционного и муниципального права РУДН

Организаторы – московский офис Института Кеннана, НИУ ВШЭ, Фонд «Либеральная миссия»

Семинар

19 декабря, г. Москва
Центр франко-российских исследований

Общественное мнение и эффективность политики государства на Северном Кавказе

Сергей Хайкин, директор Института социального маркетинга, профессор НИУ ВШЭ

Организаторы – Рабочая группа по гражданской консолидации этнокультурных общностей Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, московский офис Института Кеннана, Центр франко-российских исследований

Семинар «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России»

24 января, г. Москва
НИУ ВШЭ

Невозможность империи и недостаточность нации: концептуализация новой политики – интеркультурализма

Эмиль Паин, профессор НИУ ВШЭ; *Сергей Федюнин*, студент третьего курса НИУ ВШЭ

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», НИУ ВШЭ, московский офис Института Кеннана

Семинар «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России»

14 февраля, г. Москва
НИУ ВШЭ

Религия и церковь в процессе формирования гражданской нации в современной России

Владимир Кржевов, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», НИУ ВШЭ, московский офис Института Кеннана

Совет Товарищества выпускников Института Кеннана

Вендина Ольга Ивановна
к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН
г. Москва

Курилла Иван Иванович
председатель, д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград

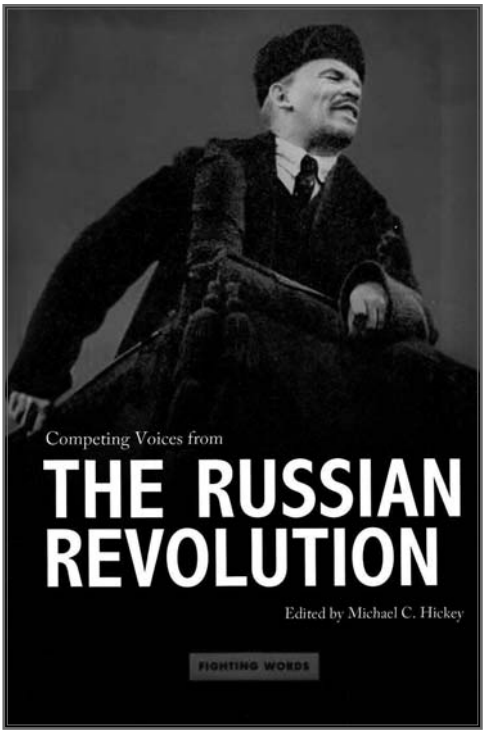
Малинова Ольга Юрьевна
д.филос.н., ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва

Розанова Марья Сергеевна
к.филос.н., председатель правления Центра гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия»
г. Санкт-Петербург

Цымбал Евгений Васильевич
кинорежиссер
г. Москва

Полифоническая история русских революций

Книга профессора Майкла Хикки (Университет Блумсберга, штат Пенсильвания), не раз побывавшего в качестве исследователя в Институте Кеннана, вышла в серии Fighting Words. Серия задумывалась для того, чтобы читатель мог составить собственное мнение, разбираясь в спорах и дискуссиях о важных исторических событиях. Известная нам, казалось бы, до аллергии русская революция звучит в ней совершенно неожиданными голосами. Автору-составителю удалось создать книгу вполне постмодернистскую по стилевому оформлению: в ней много списков и перечней, ее можно читать буквально в любом направлении. Впрочем, на этом сходство с постмодернистскими изданиями заканчивается. Перед нами классическое исследование многоголосной эпохи, каждый день которой приносил новые события. Нам кажется, что Революция – это точка на оси времени и лишь последствия были продолжительными. На самом деле это была целая эпоха, чья кардиограмма истерично прыгает на ленте истории. Майкл Хикки сумел показать, как реагировали на происходившие события представители разных сословий. Между двумя революциями ощущение надвигающейся анархии было весьма распространенным. В романе Марка Алданова «Самоубийство» семейная пара, не желающая пока что эмигрировать, обсуждает: «Но ведь акций у нас не отнимут! Как же можно отнять акции – ведь собственность!» Оказалось, можно все: не только отнять акции, но и отменить деньги, закрыть границы, брать заложниками собственных соотечественников, посылать интеллигенцию на заготовку дров, грабить во имя революции по ночам, демонстрируя грязную тельняшку на вшивой революционной груди. Неделя стала пятидневкой, время сдвинуто волею не наблюдающих часов счастливых победителей... Детали, из которых состоит жизнь конкретного человека, ушли в историю, но о том, что предшествовало этим деталям, напоминает рецензируемая книга, доносящая до нас дух и букву революционной эпохи. Поэтому в нее включены не только выступления известных исторических деятелей, но и корреспонденции из провинциальной периодики, например из «Астраханской газеты», пропагандистских листовок и других замолкнувших «рупоров эпохи».



Competing Voices from the Russian Revolution.

Edited by Michael C. Hickey. Fighting Words. Santa Barbara (CA), Denver (CO), Oxford , England, Greenwood, 2011. 599 p..

Восемнадцать глав, из которых состоит книга, скреплены авторскими комментариями. Они дают читателю четкие ориентиры, помогая разобраться в многоголосии описываемой эпохи.

Сейчас в фантастике появился новый тип героев. Литературные критики называют их «попаданцами». Вот попал человек в другую эпоху, и приходится ему с огромными усилиями улавливать ее ритм, включаться в ее проблемы, жить по ее правилам. В русской культуре «попаданцев» любят, успех фильмов типа «Мы из будущего» – тому доказательство. Состояние хаотических метаний нам куда роднее выстроенного историками «прогрессивного движения». Да мы и сами оказываемся такими же «попаданцами», перелистывая страницы нашей отечественной истории. Эпоха революции звучит на разные лады, голоса перебиваются, и нет той самой «исторической истины», которую исподволь хотелось бы постичь. Временная дистанция слишком велика, да и не так уж легко разобраться во времени, которое не пережил эмоционально.

Со страниц книги Майкла Хикки звучат голоса князей и министров, рабочих и «профессиональных революционеров», журналистов и офицеров. Они вопрошают, призывают, спорят, вкладывая в слова всю горячую ярость, разогревая исторический котел и не понимая, что он вот-вот взорвется... Вот как это происходило, оказывается. История представляется огромным воздушным шаром, в корзине которого – сваленные вместе неразрешимые проблемы. Не взлетит этот шар, если не разгружать корзину, не решать этих проблем. Подталкивать с земли штыками – полная бессмыслица, не взлетит. Вот он и лопнул, этот шар, рассыпалась искорками тысячелетняя российская история. Ничего не оставалось, как назначить начало «новой эры»... Удивительно, как автору удается «схватить» динамику той жизни, момент перехода слов в разрушительную энергию. Можно долго рассуждать о том, кто и как организовывал погромы. А вот появляется в книге такая сценка из провинциальных будней. Стоят несколько человек перед лавкой. Лавочник объявляет, что калоши закончились. В ответ – известный клич, и погром начался! Вот и все. Не нужно ни партийной печати, ни организаторов, ни «двухсот лет вместе». Калоши кончились. Такой, граждане, исторический факт, и как же тут без погрома?

Удивительная книга! Бесстрастный голос комментатора-историка создает контраст, который позволяет нам прочувствовать накал эмоций, безнравственность вождей, неразрешимые проблемы с принятием решений, интеллектуальную пустоту истерзанной мировой войной страны. Для того чтобы отобрать один-два абзаца для включения в книгу, приходилось просматривать целые папки архивных документов, читать от корки до корки исторические журналы, просматривать бесконечные ролики длинных микрофиш... Вся работа осталась за кадром, но качество книги, точность подбора исторических материалов говорят о невероятно кропотливой профессиональной работе профессора-историка.

Кстати, все новые для англоязычного читателя тексты автор перевел сам. Еще одна особенность заключается в том, что даже переведенные и известные зарубежным историкам тексты автор постарался перевести заново: по его справедливому мнению, в прежних переводах то нюансы терялись, то населенные пункты назывались иначе, то попросту качество перевода оказывалось недостаточным.

Неслучайно 200 американских библиотек немедленно закупили 500 экземпляров, а один из наиболее авторитетных журналов о книгах CHOICE назвал работу М. Хикки Outstanding Academic Title за 2011 год. Кроме того, уже спустя несколько месяцев после публикации книга получила награду Американской библиотечной ассоциации как Outstanding Reference Source.

Борис Ланин,
доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы ИСМО Российской академии образования, former Woodrow Wilson Center Fellow, former Kennan Institute Regional Exchange Scholar

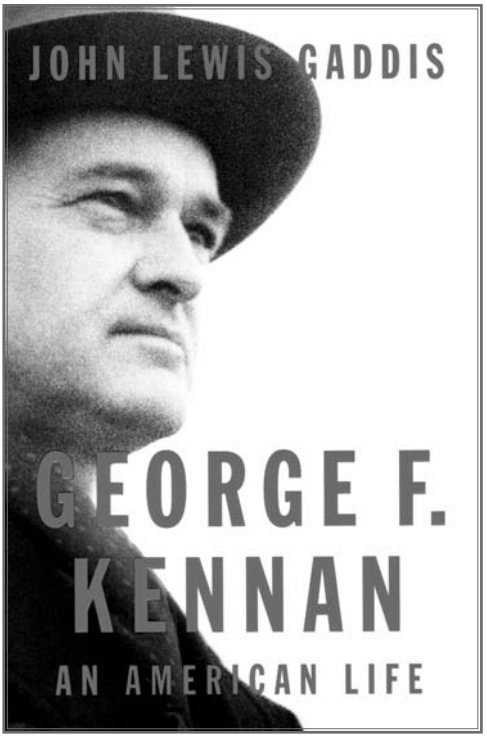
Пулитцеровская премия за биографию Джорджа Кеннана

Профессор Йельского университета Джон Льюис Гэддис получил престижную журналистскую и литературную премию имени Джозефа Пулитцера за книгу «Джордж Ф. Кеннан: американская жизнь». Это полная биография выдающегося американского дипломата, историка, политического мыслителя, основателя Института Кеннана Джорджа Фроста Кеннана.

В конце 40-х годов XX века Кеннан стал автором двух документов: так называемой «Длинной телеграммы» и статьи «Истоки советского поведения», опубликованной за подписью «X», в которых он изложил свое видение стратегии, впоследствии определившей политику Соединенных Штатов в отношении Советского Союза вплоть до распада последнего 45 лет спустя. Именно эти документы вознесли Кеннана на вершину славы и одновременно преумножили горечь и сожаление самого автора.

Жизнь Кеннана была полна противоречий. Один из самых влиятельных американских дипломатов периода начала холодной войны, ставший впоследствии выдающимся историком, он превратился в откровенного критика американской дипломатии, политики и культуры. Внешне он производил впечатление человека, обладавшего большим достоинством и самоуверенностью, и при этом всю жизнь боролся с бешеными страстями и страдал от сильной неуверенности в себе.

Дж. Гэддис начал свой труд 30 лет тому назад, когда приступил к многократному интервьюированию Кеннана, а также получил постоянный



доступ к его объемным дневникам и прочим личным документам. Полученная информация была настолько откровенной и детальной, что по обоюдному согласию было решено опубликовать книгу только после смерти Кеннана. В результате появилась книга, искренность которой сопоставима разве что с масштабностью охвата материала. Это глубокое историческое исследование и биография, где наряду с блистательным описанием частной жизни воспроизведена грандиозная панорама эпохи.

В следующем выпуске «Вестника» планируется публикация статьи, посвященной этому неординарному труду.

Вышли из печати

Предлагаемый вниманию читателя сборник – результат второго семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом совместно с Институтом Кеннана, и третий выпуск в серии «Волгоградский исторический семинар».

Участники данного проекта стремятся затронуть актуальные проблемы исторической науки, посмотреть на нее не как на проявление отвлеченного интереса к ушедшим эпохам, а как на важную часть самосознания современного общества.

Авторы сборника рассматривают функционирование памяти в современном российском обществе. Особое внимание в публикуемых материалах уделено роли памятников в поддержании или смене доминирующего исторического нарратива. Под одной обложкой собраны теоретические статьи и практические наблюдения, работы историков, философов, политологов и юристов, рассуждения профессоров и исследования студентов. Эта разноголосица, по мнению организаторов семинара, очень уместна при обсуждении темы, находящейся на пересечении интересов общества, власти и исторической науки.

Память и памятники.

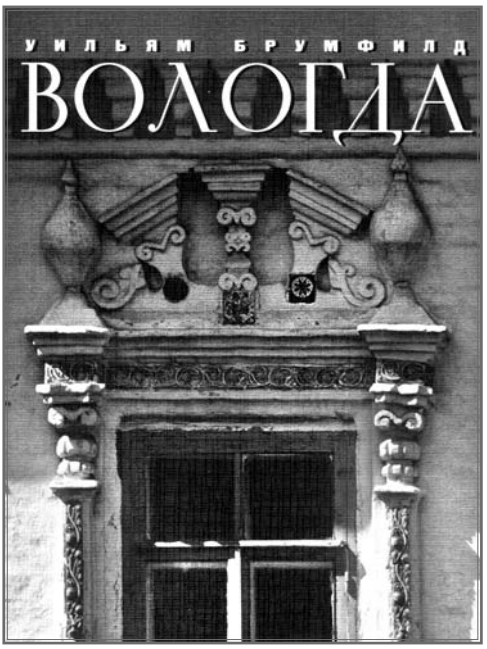
Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана. Под редакцией И.И. Кириллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 149 с.

Авторы: Надежда Абалмасова (НИУ ВШЭ), Юрий Ветютнев (Волгоградская академия государственной службы), Михаил Кирсанов (Волгоградская академия государственной службы), Александр Клейтман (Волгоградская академия государственной службы), Иван Курилла (Волгоградский государственный университет), Андрей Макаров (Волгоградский государственный университет), Сергей Мохов (НИУ ВШЭ), Марина Назарова (Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет), Эмиль Паин (НИУ ВШЭ), Сергей Простаков (НИУ ВШЭ), Ольга Рвачева (Южный научный центр РАН), Анна Степнова (Волгоградское отделение клуба политического действия «4 ноября»).

«Вологда» – шестое издание из серии, посвященной архитектурному наследию исторических городов Вологодчины. Содержит 310 цветных и черно-белых фотографий, сделанных Уильямом Брумфилдом в период 1995–2012 годов. Автор совершил в эти годы более 40 поездок в Вологду. За это время исторический центр города заметно изменился, поэтому он счел необходимым снабдить каждый из снимков подписью с указанием даты.

В начале книги на русском языке дан обзор архитектурной истории этого древнего культурного и торгового центра на русском Севере (английская версия обзора приведена в конце). Кроме того, в этот раздел включен список использовавшейся при работе над книгой научной литературы, а также несколько цветных снимков, гравюр и древних карт.

Основной раздел книги представляет собой подборку из 304 цветных и черно-белых фотографий.



Уильям К. Брумфилд.

Вологда: фотоальбом. Пер. с англ. Т. Саранцева. М.: Три квадрата, 2012. 328 с.: ил., фот. (Архитектурные памятники Вологодчины)

Уильям Брумфилд – известный американский специалист по истории русского зодчества, профессор университета Тулейн (Новый Орлеан), член Российской академии архитектуры и почетный член Российской академии художеств. Фотографии памятников русской архитектуры проф. Брумфилда составляют часть фотографической коллекции Национальной галереи искусств в Вашингтоне.

Памяти Елены Тюрюкановой

Когда верстался номер, мы узнали о скоропостижной кончине Елены Тюрюкановой, известного российского эксперта в области миграции, директора Центра миграционных исследований, ведущего научного сотрудника Лаборатории миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, члена Научного совета ФМС России.

В 1996 году Елена проводила свое исследование в Институте Кеннана на тему «Международная женская миграция в России и США». С тех пор она поддерживала тесные профессиональные и личные контакты и с его сотрудниками, и со многими выпускниками. Участвовала в целом ряде конференций и проектов, организованных Институтом. Например, в исследовательском проекте Института Кеннана и Центра миграционных исследований «Социо-экономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций», по итогам которого была выпущена замечательная книга «Иммигранты в Москве» (Москва: Три квадрата, 2009).

Совсем недавно Елена стала членом редколлегии «Вестника». Светлый, энергичный человек и настоящий профессионал, она очень хотела быть полезной журналу. Думала о том, какую тему предложить для следующего номера. Последнее, что она написала нам за несколько дней до своей кончины, были слова: «...пишите, если что-то будет нужно ... прямо не терпится что-нибудь сделать!»

Светлая ей память!

Члены редколлегии «Вестника»,
сотрудники Института Кеннана

Summaries

Aleksander Obolonsky
Political Mistrust as a Positive Factor

In this article the author considers the hypothesis that under certain circumstances mistrust acts as the driving force of development, whereas trust, especially in its essential paternalistic form, preserves the unsatisfactory status quo. In Russia, a well-founded mistrust of elections organized by the authorities has served as the impetus not only for spontaneous acts of protest, but also for the formation of institutions of civil society designed to monitor election fraud.

The author notes a general trend in the contemporary world toward declining prestige of public institutions and increasing distrust in their representatives. There is a desire to develop a new network, preferably a horizontal system of social relations, in which the role of the state, while retained, is more limited and less significant.

Andrei Makarychev
Russia after the Elections: the View from Berlin

Almost all Russian politicians and experts believe that Germany is Russia's most reliable partner in Europe, and perhaps in the world as a whole. However, the author sees this optimistic observation as an oversimplification. He describes the internal tension in German-Russian relations and the full extent to which German public opinion rejects policies that aim to curtail democratic reforms in Russia.

Georgy Satarov, Dmitry Oreshkin, Andrei Zubov, Mikhail Krasnov, and Igor Klyamkin
Presentations from the Round Table: "The Current Political Regime in Russia: Rejection or Continuation of the 1990s Regime"

How did starting conditions (of the 1990s) influence the formation of the modern political regime in Russia? Is the country condemned to "running in circles," historically speaking? What must be done to overcome the political stagnation? These issues were discussed by leading Russian experts at a Round Table that took place within the framework of the 8th Starovoitova Readings shortly before Russia's recent parliamentary elections. Several presentations have been selected for publication in this issue of "Vestnik". According to Georgy Satarov, the problems of Russian society are caused by restricting the freedom to generate embryonic ideas, social practices and innovations, as well as the freedom to produce and change their filters. After analyzing the reasons for the formation of the current political regime in Russia and its specific features, Dmitry Oreshkin concludes that it is necessary to change the entire "vertical" system of management. Andrei Zubov believes that in order to alter the consciousness of the Russian people, one must look to the experience of denazification in Germany and decommunization in Eastern Europe. Mikhail Krasnov is convinced of the need to change Russia's Constitution. The rules set down in that document predetermine the total dominance of the president and the lack of parliamentary power. For this reason, the country's leader has every opportunity to alter the spirit of the Constitution. According to Igor Klyamkin it is important not only to be aware of the institutional

standards accepted by a constitutional state and approved by the world community, but also to be able to adapt them to Russian reality without sacrificing their core value.

Blair Ruble
Urban Diversity in an Age of Large-Scale Migration

To be successful in a time of rapid global population movement such as the early twenty-first century, a city must simultaneously accept both different and shared points of reference. Urban civic identity must somehow embrace a variety of urban groups and individuals. Even if they have been divided in the past, cities must somehow create a shared sense of responsibility for a common future. The author describes examples of successful management of urban diversity (New York and Montreal). The lessons to be learned from this do not yet point to specific policies as much as to a sensitivity promoting a forced tolerance of difference that creates a sufficiently large umbrella that a variety of different private interests can be accommodated together.

Vladimir Malakhov
After Multiculturalism: Europe and its Migrants

Where, when and why does the policy of multiculturalism emerge in Europe? Why has it been rejected? How has the situation subsequently changed? How do attitudes towards migration and migrants differ from country to country in Europe? The author attempts to answer all these questions.

Vladimir Krzhevov
The Role of Religion and the Church in the Shaping of a Civil Nation

One of the most important components in the formation of a unified civil nation in Russia should be the effort to open up religious communities and make them more transparent. This could be achieved by introducing religious tolerance based on freedom of conscience and equality of all forms and types of worldview. Unfortunately at present the leadership of the Russian Orthodox Church's Moscow Patriarchate displays a diametrically opposite tendency in attempting de facto, if not de jure to restore its status as the state church, which the author regards as rather dangerous, since it could lead to discrimination against all other religious communities.

The author believes that accepting the traditional view of Orthodoxy as a source and means of national unity, and membership of the Orthodox Church as a major criterion of political loyalty are fraught with grave consequences. It is clearly very difficult to achieve consensus on religious issues. V. Krzhevov recommends following the experience of countries in which religious adherence is a personal matter for the individual and all issues relating to religion are worked out in private, not in public on a national stage.

Juris Rozenvalds
The Baltic Path to Democracy: the Case of Latvia

The article deals primarily with the past twenty years of development in Latvia, but also compares this with the development of Estonia and Lithuania over the same period. Despite various problems of transition, the Baltic countries have succeeded in creating

fairly successful systems of parliamentary democracy, which sets them apart from the general trend toward authoritarianism manifested in the rest of the post-Soviet space. What made this possible? Through his analysis of the predominant arrangement of political culture in these societies, the author explains many aspects of modern Baltic democracies, as well as their current problems. The need to conform to EU-adopted criteria as a precondition of Union membership is examined as a powerful Westernizing factor.

Special attention is paid to problems of interethnic relations in Latvia, which remain unsolved even twenty years after the restoration of independence. The author believes that normalization of relations between different communities and a reasonable integration policy is a key to further deepening the democratization process in the country.

Alla Yaz'kova
The Republic of Moldova: Twenty Years of Independence

Over the past twenty years Moldova has traveled a long and sometimes inconsistent road in its development. It is the only state in the post-Soviet space, apart from the Baltic republics, in which from 1991 up to the present day principles of electoral democracy have been firmly established. Following the collapse of the Soviet Union, the republic kept up numerous social and human contacts with Russia, not to mention close economic ties that have been of vital importance in maintaining the standard of living of core segments of its population. At the same time, a significant proportion of Moldova's inhabitants have chosen the European path of development as their reference point, and this has determined the country's multi-vector foreign policy.

Most difficult of all has been the search for a solution to the Transdniestrian problem. Recent events have demonstrated that the complex interweaving of domestic and international factors, together with ill-considered moves on both the Russian and Moldovan sides, could lead to an arbitrary escalation of the conflict and the involvement of extra-regional powers and their factions.

Aleksei Malashenko
Five Theses on Authoritarianism in Central Asia

The author suggests that, in spite of all of its negative aspects, when viewed as a guarantor of stability, authoritarianism in Central Asia has justified its existence. At the same time all local adherents of authoritarianism want to please the West and therefore talk about democracy and maintain pseudo democratic institutions lacking any genuinely democratic content. The process we are currently witnessing in the region is not modernization, but rather demodernization, a process of returning to archaic forms of social relations.

Pavel Nerler (Polyan)
Mandelstam and America

The author focuses on the evolution of Osip Mandelstam's attitude toward the United States as a cultural phenomenon on the one hand, and the attitude of "America" toward the poet, on the other. It so happened that the United States played an exceptional role

in bringing Mandelstam's work to the attention of an international readership. The first posthumous one-volume collection of his poetry and three volumes of the first multi-volume Collected Works were published in the United States. Moreover, Mandelstam's family archive, donated by his widow to Princeton University, found a permanent home in the USA.

Pavel Ilyin
Three Patriotic Songs of America

From these essays about the world-famous songs "God Bless America", "This Land Is Your Land", and "America the Beautiful", Russian readers can glean a great deal of information about their authors, and about the history of the songs' creation and subsequent fate. Not many people know, for example, that "God Bless America", the song that became a symbol of American unity, was written by a Jewish immigrant from a small town in Belorussia...

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 22, осень 2012) до 1 сентября 2012 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.
Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ
№ 21 / 2012

Сдано в набор 25.04.2012 Подписано в печать 27.04.2012 Формат 70x108/16
Объем 8,5 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 9726
Отпечатано на ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховском полиграфическом комбинате»
142300, г. Чехов, Московская обл., ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpk.ru